

**ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**
2026, Том 5, №2

Подписано к публикации: 28.04.2026

**Главный редактор
журнала:**
доктор юридических наук,
профессор

**Шадже Азамат
Мухамчериевич**

«Вестник юридических исследований» включен в перечень ВАК с 01.10.2024 г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., [Elibrary.ru](http://elibrary.ru).

Регистрационный номер СМИ:
Эл № ФС77-86922 выдан 4 марта 2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 3034-140X (online)

E-mail: blr-journal@yandex.ru
Сайт: <https://blr-journal.ru>

Редакционная коллегия по основным направлениям работы журнала:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Глебов Игорь Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, г. Астана) – доктор юридических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Корнилов Геннадий Александрович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Виктор Юрьевич (РФ, г. Ростов на Дону) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Орел) – доктор юридических наук, доцент
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Мишина Наталья Вячеславовна (РФ, г. Москва) – доктор политических наук, доцент
Мустафаева Айтен Инглаб кызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор юридических наук, профессор
Небрятенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Прошин Владимир Михайлович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Рустамов Хасплат Умалатович (РФ, г. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор РФ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Головинов А.В., Головинова Ю.В., Должиков В.А.**
Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев как основоположники политической идеологии областничества в оценках современного научного сообщества 5-11
- Тимофеева Е.А.**
История развития молодежной политики на территории Российской Федерации 12-19
- Неронов В.А., Ермаков Д.Н.**
Параллельная политическая инфраструктура Д. Трампа (2022-2024): формирование внеинституционального центра власти в США 20-25
- Скопа В.А.**
Политико-философское наследие Ж.Ж. Руссо в условиях современного мира 26-31
- Суров М.Ю.**
Региональные модели цифрового патернализма: сравнительный анализ практик Москвы и Республики Татарстан в постпандемийный период (2021-2023) 32-39

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Салманова А.К., Аликберов С.А.**
Сетевая экспертиза реформы судебного представительства: практика профессионального обсуждения 40-45
- Бориев И.З.**
Проблемы правового регулирования интеллектуальных прав в условиях технологических изменений 46-52
- Датий В.Р.**
Органы публичной власти как операторы персональных данных: особенности правового статуса 53-60
- Идельбаева Г.И.**
Гибридная реальность труда: правовые вызовы и перспективы смешанных форм занятости 61-67
- Лихолет Е.Н., Бондаренко Д.М.**
Множественность административных правонарушений: проблемы теории и практики 68-74
- Якунин Д.В.**
Возмещение судебных расходов ненадлежащему ответчику по делам о защите прав потребителей 75-79
- Колюшкина Л.Ю., Маркина Е.В.**
Цифровой суверенитет как интегральный контур устойчивости государства: правовые и социально-политические аспекты 80-85
- Бутрим А.О.**
Особенности правоприменительной практики Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража 86-95

Салманова А.К.

О формировании электронной демократии в Российской Федерации на примере общественного обсуждения реформ судебного представительства 96-101

Середа С.П.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник уголовного права: проблема восполнения пробелов и границы судебного нормотворчества 102-107

Тушканов И.В., Фатальникова Е.В.

Правовое регулирование содержания осужденных в России по военно-тюремной реформе 1913 г. 108-115

Клепикова О.Г., Карева А.В.

Конституционализация арбитражного судопроизводства по делам о банкротстве: роль международных пактов о правах человека 116-123

Середа С.П.

Конституционно-правовые основы действия уголовного закона в пространстве: суверенитет, юрисдикция и публично-правовой механизм реализации 124-131

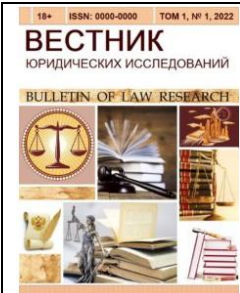
Стабровская Е.А., Герман Е.С.

Конституционно-правовое регулирование и защита института семьи и брака в Российской Федерации 132-139

Упоров И.В.

Развитие судебной системы Российской Империи (конец XVIII – до реформ 1860-х годов): организационно-правовой аспект 140-147

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

	<p>Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research» https://blr-journal.ru 2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 https://blr-journal.ru/archives/category/publications Научная статья / Original article УДК 316.77 DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-5-11</p>
--	---

Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев как основоположники политической идеологии областничества в оценках современного научного сообщества

¹ Головинов А.В., ² Головинова Ю.В., ¹ Должиков В.А.,

¹ Алтайский государственный университет,

² Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: основу работы составляет корпус историографических источников – статей, монографий, научно-популярных изданий. В качестве цели выбраны новые познавательные подходы к формированию и позиционированию идейного наследия лидеров движения областников – Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев в письменных источниках за последнее годы.

Показано, что в публикациях последних лет Г.Н. Потанин выступает объектом исследований в рамках исторических наук, искусствоведения, филологии, социологии, политических наук, философии. Ракурсы носят самый разнообразный характер.

Авторы приходят к выводам о том, что политико-текстологический анализ современной научно-исследовательской литературы по юридическим, историческим и политическим наукам дает основания выделить интерпретационные оценки и практики обозначения роли политико-правового наследия Н.М. Ядринцева для русского правоведения. Мы приходим к выводу о том, что корпус публикаций ученых-юристов в этой сфере содержит несколько нарративов. Во-первых, это тема идеала государственности Н.М. Ядринцева – федерализм. Во-вторых, ядром понимания юридической мысли известного сибиряка выступает концепт уголовно-исполнительного права и пенитенциарной политики. Образ Григория Николаевича Потанина в рамках современного исследовательского дискурса формируется научным этосом в новом гносеологическом и коммеморативном формате.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, областничество, историография, история русской политической мысли, федерализм, интеграция

Для цитирования: Головинов А.В., Головинова Ю.В., Должиков В.А. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев как основоположники политической идеологии областничества в оценках современного научного сообщества // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 5 – 11. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-5-11

Поступила в редакцию: 4 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev as the founders of the political ideology of the regionalism in the assessments of the modern scientific community

¹ Golovinov A.V. ² Golovinova Yu.V. ¹ Dolzhikov V.A.,

¹ Altai State University,

² Altai State Pedagogical University

Abstract: the work is based on a corpus of historiographical sources – articles, monographs, popular science publications. The aim is to select new cognitive approaches to the formation and positioning of the ideological legacy of the leaders of the regional movement – G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev in written sources in recent years.

It is shown that in recent publications G.N. Potanin has been the object of research in the framework of historical sciences, art history, philology, sociology, political sciences, philosophy. The camera angles are very diverse.

The authors conclude that a political and textual analysis of modern scientific research literature on legal, historical and political sciences provides grounds to identify interpretative assessments and practices of identifying the role of N.M. Yadrintsev's political and legal heritage for Russian jurisprudence. We conclude that the corpus of publications by legal scholars in this field contains several narratives. Firstly, it is the theme of N.M. Yadrintsev's ideal of statehood – federalism. Secondly, the concept of penal enforcement law and penitentiary policy serves as the core of understanding the legal thought of the famous Siberian. The image of Grigory Nikolaevich Potanin in the framework of modern research discourse is formed by the scientific ethos in a new epistemological and commemorative format.

Key words: G.N. Potanin, N.M. Yadrintsev, regionalism, historiography, history of Russian political thought, federalism, integration

For citation: Golovinov A.V., Golovinova Yu.V., Dolzhikov V.A. G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev as the founders of the political ideology of the regionalism in the assessments of the modern scientific community. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 5 – 11. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-5-11

The article was submitted: January 4, 2025; Approved after reviewing: March 1, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Политическая идеология сибирского областничества как течение общественной мысли оформилось на рубеже 1850-х – 1860-х годов, просуществовало до начала XX века. Оно представляло собой систему воззрений на прошлое, настоящее и будущее Сибири, а также всех русских окраин как важных и неотъемлемых частей нашего Отечества. Данное политическое учение имело интегративно-федералистский смысл. Потому не удивительно, что и в современной России, конституционно закрепляемый и фактический применяемый принцип федеративного единения огромной страны актуализирует политическое и общественно-просветительское наследие идеологов областничества Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Основоположники политической идеологии областничества, таким образом, не выпадают из объектива современного научного сообщества.

Материалы и методы исследований

Основу работы составляет корпус историографических источников – статей, монографий, научно-популярных изданий. Акцент делается на новые познавательные подходы к формированию и позиционированию идейного наследия лидеров движения областников в письменных источниках за последнее годы.

Гносеологическую базу исследования составил политико-текстологический инструментарий, который направлен на трактовку направлений, дискурсов и текстуальных форм выражения познания в рамках современного научного сообщества.

Результаты и обсуждения

В публикациях последних лет Г.Н. Потанин выступает объектом исследований в рамках исторических наук, искусствоведения, филологии, социологии, политических наук, философии. Ракурсы носят самый разнообразный характер.

Традиционно наибольшее количество научных материалов об известном сибиряке характерно для трудов историков. Здесь естественным образом значительно преуспевают сибирские знатоки прошлого. Одним из авторитетных современных научных центров по изучению наследия Г.Н. Потанина выступает томская историческая школа. Полагаем, что такое положение дел с легкостью объясняется обстоятельствами объективного порядка. Во-первых, последние годы жизни идеолога областничества тесно связаны с Томском. Во-вторых, в научной библиотеке ТГУ доступен Архив Потанина, включающий множество ценных в научном отношении материалов. В краеведческом музее Томска также хранятся редкие документы, рукописи и визуальные образы сибирского деятеля. В-третьих, с 1958 года в университетской роще ТГУ установлен памятник выдающемуся сибиряку. Пожалуй, это самое значимое и известное место памяти и оригинальное проявление мемориальной культуры, посвященной Григорию Николаевичу Потанину.

Благодарные потомки – томичи активно исследуют новые границы творческого наследия «большого сибирского дедушки», вводят в научный оборот ранее не известные источники. Это, прежде всего, такие современные ученые как В.П. Зиновьев [1], Д.Н. Шевелев и К.А. Конев [2], Н.С. Ларьков [3], Л.И. Шерстова [4], Н.М. Дмитриенко и Э.И. Черняк [5], С.Ф. Фоминых [6], Харусь О.А. и Шевцов В.В [7], И.А. Голев [8] и другие. Напомним, что хронологические рамки нашего исследования включают в себя период с 2010 по 2025 годы, но мы справедливости ради и со всей ответственностью перед научным сообществом позволим себе упомянуть и работы томских историков более раннего периода. Это значимые исследования Г.И. Пелих [9], А.М. Сагалаева и В.М. Крюкова [10] в которых раскрываются все добродетели, присущие личности Г.Н. Потанина, реконструируется его научное наследие, выявляются вехи грандиозного жизненного пути. Современные авторы активно рассматривают идейное наследие Г.Н. Потанина, нарративы публицистики, реконструируют программные положения областничества как идеологии, актуализируют тему образования и просвещения в наследии сибиряков-регионалистов. Также в работах В.А. Гордиенко, Н.В. Жиликовой [11] и Е.В. Масяйкиной [12] исследуется филологическое наследие идеолога областничества

В Омске также оформился один из центров по изучению сибирского областничества. В работах М.К. Чуркина [13], А.В. Ремнева [14] и других раскрывается политическая природа демократического регионализма, познаются взгляды областников на Сибирь и ее место в составе Российской империи. Образ Г.Н. Потанина конструируется в контексте истории областнического движения.

Барнаульские исследователи В.А. Должиков [15], А.В. Иванов [16] и другие детализируют отдельные аспекты областничества как фактора региональной идентичности, позиционируя данное учение в демократических и интегративных тонах. Григорий Николаевич также рассматривается в контексте областничества.

Тенденция в изучении наследия выдающегося сибиряка в новейшей историографии в фокусе движения областников сохраняется и на иркутской земле. Прежде все в работах И.Л. Дамешек [17], А.А. Иванова [18], и др. Новосибирские ученые, такие как М.В. Шиловский [19], Д.А. Ананьев [20] и другие также рассматривают различные аспекты областничества Г.Н. Потанина.

В целом сибирскому областничеству и наследию Г.Н. Потанина посвятили свои работы множество ученых, локализованных за пределами сибирского территориального пространства. Это, прежде все, такие авторы как А.В. Малинов [21], С.Я. Щebrova [22], Т.П. Христолюбова [23]. В данном блоке историографии прослеживается тенденция к познанию философских оснований областнической программы, политических воззрений, раскрывается значение этой системы мысли для проведения современной русской региональной политики.

Рассматривая географию исследователей и исследований областничества, важно выделить также зарубежных авторов. Среди специальных работ, принадлежащих ученым-иностранцам внимания заслуживает работа японского профессора. В 2017 г. учёный-монголовед Кацухико Танака опубликовал книгу «Жизнь за Сибирь» (она, кстати, доступна в русском переводе) [24]. Он подчёркивает деятельность Г.Н. Потанина как уникального исследователя пространств и народов Центральной Азии. В остальном обзор новейшей зарубежной научной литературы показывает, что специально и отдельно наследие выдающегося сибиряка не рассматривается. Сохраняется типичный тонус обращения к личности Г.Н. Потанина в рамках движения областников.

Научные статьи по обозначенной тематике принадлежат таким современным ученым как казахе С.А. Игибаеву [25] и поляку Т. Szyslak [26] и другим. Характерно, в среде зарубежных авторов редким явлением выступают диссертационные исследования идеологии областничества и наследия Г.Н. Потанина. В то же время нами обнаружены две диссертации по историческим наукам, которые подготовили американцы: Д. Рэйнбоу «Сибирские патриоты: самодержавие и единство Российского имперского государства, 1858-1920» [27] и Э. Джонсон «Представляя Сибирь: сибирский регионализм через эволюцию и революцию» (2016)

[28]. В заключение к диссертации Джонсона находим, что как пишет автор обстоятельства, окружавшие регионалистское движение, в немалой степени повлияли на его формирование. Ядринцев, Потанин, Адрианов и их коллеги-регионалисты теоретизировали о статусе Сибири в составе Российской империи и потенциальном решении для преодоления этого вторичного статуса.

Что касается другого представителя политической идеологии областничества Николая Михайловича Ядринцева, то эвристический потенциал и практическая ценность литературно-публицистического наследия писателя-сибиряка имела в области уголовно-исполнительной политики имперского периода отечественной политической истории. Н.М. Ядринцев в 1890 г. принимал участие в Пенитенциарной комиссии Санкт-Петербургского юридического общества. Его личный опыт арестанта и глубокие теоретические наработки к области уголовного закона еще при жизни делали его эффективным экспертом в деле трансформаций системы исправительных учреждений и отдельных видов уголовного и административного наказания.

Современные ученые пенитенциарную политику Российской империи рассматривают, в том числе, и с применением и оценкой суждений сибирского публициста об исправительном значении ссыльной системы, а также обращаются к социологической характеристике тюремной субкультуры, которую характеризовал Николай Михайлович, наряду с Ф.М. Достоевским и А.П. Чеховым. Так как известный сибиряк познал все тяготы тюремного барака (он несколько лет провел в Омском остроге, потом был полностью амнистирован) и арестантское общество он описывал изнутри с его внутренними законами, обычаями и традициями, то его работы в этой области ценятся и современными учеными-юристами.

Современные ученые приходят к выводу о том, что спектр юридической мысли Н.М. Ядринцева был очень разнообразен. Он включал в себя такие концепты, как: рефлексия просветителя о состоянии и перспективах имперской уголовно-исполнительной политики, причинах преступных злодеяний в дореволюционной Сибири, о сущности и исправительном значении уголовного наказания, о режимах содержания осужденных, о территориальном устройстве России [29].

Главный редактор журнала «Вопросы политологии» Н.П. Медведев осуществил попытку вписать наследие областников – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в этнополологический дискурс. Автор в публикациях отметил, что областники высказывали идеалы близкие по смыслу к политической регионалистике [30].

О.Л. Протасова, тамбовская исследовательница установила идейное родство неонароднической публицистики и политической идеологии сибирского областничества. Это по ее мнению, касается вопросов о колониальном статусе Сибири и проблем ее административно-управленческой и культурной самостоятельности [31].

Выводы

Таким образом, политико-текстологический анализ современной научно-исследовательской литературы по юридическим, историческим и политическим наукам дает основания выделить интерпретационные оценки и практики обозначения роли политико-правового наследия Н.М. Ядринцева для русского правоведения. Мы приходим к выводу о том, что корпус публикаций ученых-юристов в этой сфере содержит несколько нарративов. Во-первых, это тема идеала государственности Н.М. Ядринцева – федерализм. Во-вторых, ядром понимания юридической мысли известного сибиряка выступает концепт уголовно-исполнительного права и пенитенциарной политики. Образ Григория Николаевича Потанина в рамках современного исследовательского дискурса формируется научным этосом в новом гносеологическом и меморативном формате. Модели и практики конструирования и позиционирования позитивного образа известного сибиряка на современном этапе направлены на демонстрацию его личных и профессиональных достижений.

Список источников

1. Зиновьев В.П. Г.Н. Потанин как друг азиатских народов // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 34 – 36.
2. Шевелев, Д.Н., Конев К.А. Сибирь как социокультурное пространство в публицистике Г.Н. Потанина 1917-1919 гг // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 80 – 89. DOI 10.17223/19988613/91/9
3. Ларьков Н.С. "Потанинский кружок" в Сибири в 1917-1919 гг.: от просветительства к хождению во власть // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 172 – 181. DOI 10.17223/15617793/456/20

4. Шерстова Л.И. Этнографическая проблематика в труде Г.Н. Потанина "Очерки Северо-Западной Монголии". Непреходящая актуальность и современное восприятие // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2. С. 15 – 18.
5. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири // Музееведческие исследования в Томском государственном университете : Сборник статей. К 80-летию профессора Э.И. Черняка Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. С. 186 – 205.
6. Sergei F. Fominykh, Aleksei O. Stepnov, Olga V. Natolochnaya The Idea of the Siberian University and Regionalism in the Letters of N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (1876-1882). *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3. P. 1243 – 1255.
7. Харусь О.А., Шевцов В.В. Сибирский регионализм: между двух российских революций // Революционная Сибирь: истоки, процессы, наследие: сборник статей Всероссийской научной конференции, Сургут, 24-25 ноября 2017 года / БУВО «Сургутский государственный университет». Сургут: Печатный мир г. Сургут, 2017. С. 95 – 103.
8. Голев И.А. О социально-политических факторах формирования научного наследия Г.Н. Потанина: аксиологический аспект // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2024. № 53. С. 41 – 47. DOI 10.17223/22220836/53/3.
9. Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск: Издательство Томского университета 2006. 164 с.
10. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Томск: Издательство научно-технической литературы, 2004. 208 с.
11. Гордиенко В.А., Жилиякова Н.В. Публицистика А.В. Адрианова и Г.Н. Потанина в газете "Сибирская жизнь", 1917 // Вопросы журналистики. 2020. № 8. С. 101 – 116. DOI 10.17223/26188422/8/7
12. Масяйкина Е.В. Совместные работы Н. Затопляева и Г. Потанина: по материалам Научной библиотеки Томского государственного университета // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 9 – 19. DOI 10.17223/18137083/68/1
13. Bakyt S. Tokmurzayev, Michael K. Churkin, Ulan K. Zhangaliev, Serikbay D. Mamraimov "Own Foreigners" in the Imperial Project of Colonial Mediation in the Eastern Suburbs of Russia in the mid XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 2025. № 20 (2). P. 780 – 790. DOI: 10.13187/bg.2025.2.780
14. Ремнёв А.В. Национальность «Сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3. С. 109 – 128.
15. Головинов А.В. Должиков В.А. Камско-Волжская газета и сибирское областничество: ключевое идеологическое и практическое значение (на эпистолярных источниках 1873-1874 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 22 – 29. DOI 10.17223/15617793/500/3
16. Иванов А.В. Будущее Сибири: разрушительный сепаратизм или срезидательная регионализация // Социс. 2011. № 8. С. 148 – 151.
17. Дамешек И.Л. Областная концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков: Издательство Оттиск, 2019. С. 98 – 120.
18. Иванов А.А. Историографическое осмысление проблем политической и уголовной ссылки в Сибири // Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX – начало XX века). Иркутск, 2022. С. 134 – 210.
19. Шиловский М.В., П.П. Семенов-Тян-Шанский и Г.Н. Потанин: роль наставника в становлении ученого // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30. № 3. С. 80 – 85. DOI 10.15372/HSS20230311.
20. Ананьев Д.А. Сибирское областничество (1860-е гг. – начало XX в.) в оценках англоязычной и немецкоязычной историографии // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 68 – 72.
21. Malinov A.V. Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia // *Sibirica*. 2024. Vol. 23. No. 2. P. 69 – 88. DOI 10.3167/sib.2024.230203
22. Щebroва С.Я. Областничество в судьбе Григория Гуркина // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2024. Т. 69. № 1. С. 75 – 88. DOI 10.21638/spbu02.2024.105
23. Христолюбова Т.П. Отражение художественной жизни Сибири в публикациях Г.Н. Потанина по вопросам искусства // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 1(54). С. 135 – 142. DOI 10.30725/2619-0303-2023-1-135-142
24. Танака К. Жизнь за Сибирь: пер. с яп. М.Г. Жанцановой. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2017. 208 с.

25. Игибаев С. Г.Н. Потанин – великий путешественник, ученый, демократ // Известия Алтайского государственного университета. 2017 № 5 (97). С. 49 – 57. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-07
26. Szyszlak, T. Subetnosy zagrożeniem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej // Wschodnioznawstwo. 2023. Vol. 17. P. 395 – 416. DOI 10.4467/20827695wsc.23.023.18741
27. Rainbow D. Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858-1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013.
28. Johnson A. Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution. Atlanta: Georgia State University, 2016.
29. Головинов А.В., Куликов Е.А., Анисимова И.А. Проблемы уголовно-исполнительной политики Российской империи в литературно-публицистическом наследии Н.М. Ядринцева и Ф.М. Достоевского // Былые годы. 2024. № 19 (1). С. 137 – 147. DOI 10.13187/bg.2024.1.137
30. Медведев Н.П. Этнополитическая регионалистика: история и современность (по материалам публикаций в научных журналах 2022 года) // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 1 (89). С. 20 – 28. DOI 10.35775/PSI.2023.89.1.002
31. Протасова О.Л. Сибирь и сибиряки в идейно-творческом осмыслении писателей-неонародников (конец XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2023. № 4 (81). С. 24 – 32. DOI 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-24-32

References

1. Zinoviev V.P., G.N. Potanin as a Friend of the Asian Peoples. Bulletin of Tomsk State University. History. 2011. No. 2 (14). P. 34 – 36.
2. Shevelev, D.N., Konev K.A. Siberia as a Sociocultural Space in G.N. Potanin's Journalism in 1917-1919. Bulletin of Tomsk State University. History. 2024. No. 91. Pp. 80 – 89. DOI 10.17223/19988613/91/9
3. Larkov N.S. "Potanin Circle" in Siberia in 1917-1919: From Enlightenment to the Rise to Power. Bulletin of Tomsk State University. 2020. No. 456. P. 172 – 181. DOI 10.17223/15617793/456/20
4. Sherstova L.I. Ethnographic Issues in G.N. Potanin's "Essays on Northwestern Mongolia." Enduring Relevance and Modern Perception. Bulletin of Tomsk State University. History. 2011. No. 2. P. 15 – 18.
5. Dmitrienko N.M., Chernyak E.I. G.N. Potanin's Contribution to Museum Affairs in Siberia. Museology Research at Tomsk State University: Collection of Articles. On the 80th Anniversary of Professor E.I. Chernyaka Tomsk: National Research Tomsk State University, 2021. P. 186 – 205.
6. Sergei F. Fominykh, Aleksei O. Stepnov, Olga V. Natolochnaya The Idea of the Siberian University and Regionalism in the Letters of N.M. Yadrintsev to V.M. Florinsky (1876-1882). Bylye Gody. 2019. Vol. 53. Is. 3. P. 1243 – 1255.
7. Kharus' O.A., Shevtsov V.V. Siberian Regionalism: Between Two Russian Revolutions. Revolutionary Siberia: Origins, Processes, Heritage: Collection of Articles from the All-Russian Scientific Conference, Surgut, November 24-25, 2017. BUVO "Surgut State University". Surgut: Pechatny mir g. Surgut, 2017. P. 95 – 103.
8. Golev I.A. On the socio-political factors in the formation of G. N. Potanin's scientific heritage: an axiological aspect. Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism. 2024. No. 53. P. 41 – 47. DOI 10.17223/22220836/53/3.
9. Pelikh G.I. Historical concept of G. N. Potanin. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2006. 164 p.
10. Sagalaev A.M., Kryukov V.M. Potanin, the last encyclopedist of Siberia: An attempt to understand the personality. Tomsk: Publishing house of scientific and technical literature, 2004. 208 p.
11. Gordienko V.A., Zhilyakova N.V. Journalism of A.V. Adrianov and G.N. Potanin in the newspaper "Sibirskaya zhizn", 1917. Voprosy zhurnalistiki. 2020. No. 8. P. 101 – 116. DOI 10.17223/26188422/8/7
12. Masyaykina E.V. Joint works of N. Zatoplyayev and G. Potanin: based on materials from the Scientific Library of Tomsk State University. Siberian Philological Journal. 2019. No. 3. P. 9 – 19. DOI 10.17223/18137083/68/1
13. Bakyt S. Tokmurzayev, Michael K. Churkin, Ulan K. Zhangaliev, Serikbay D. Mamraimov "Own Foreigners" in the Imperial Project of Colonial Mediation in the Eastern Suburbs of Russia in the mid-19th – early 20th centuries. Bylye Gody. 2025. No. 20 (2). P. 780 – 790. DOI: 10.13187/bg.2025.2.780
14. Remnev A.V. "Siberian" Nationality: Regional Identity and Historical Constructivism of the 19th Century. Polity. 2011. No. 3. P. 109 – 128.

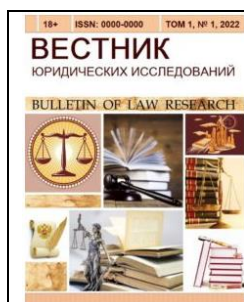
15. Golovinov A.V., Dolzhikov V.A. The Kama-Volga Newspaper and Siberian Regionalism: Key Ideological and Practical Significance (Based on Epistolary Sources of 1873-1874). Bulletin of Tomsk State University. 2024. No. 500. P. 22 – 29. DOI 10.17223/15617793/500/3
16. Ivanov A.V. The Future of Siberia: Destructive Separatism or Creative Regionalization. Socis. 2011. No. 8. P. 148 – 151.
17. Dameshek I.L. The Regional Concept as an Expression of Siberian Self-Awareness. Irkutsk Society and the "Siberian Questions". State Power and Society: Based on Materials from the Cities of the Irkutsk Province in the 19th – Early 20th Centuries: Ottisk Publishing House, 2019. pp. 98–120.
18. Ivanov A.A. Historiographic Understanding of the Problems of Political and Criminal Exile in Siberia. Essays on the Historiography and Source Studies of the History of Siberia during the Imperial Era (19th – Early 20th Centuries). Irkutsk, 2022. P. 134 – 210.
19. Shilovsky M.V., P.P. Semenov-Tyan-Shansky, and G.N. Potanin: The Role of a Mentor in the Development of a Scientist. Humanitarian Sciences in Siberia. 2023. Vol. 30. No. 3. P. 80 – 85. DOI 10.15372/HSS20230311.
20. Ananyev D.A. Siberian Regionalism (1860s – Early 20th Century) in the Assessments of English-Language and German-Language Historiography. Istorichesky Kurier. 2018. No. 1. P. 68 – 72.
21. Malinov A.V. Siberian Regionalism as a Phenomenon of Social Thought in Late Imperial Russia. Sibirica. 2024. Vol. 23. No. 2. P. 69 – 88. DOI 10.3167/sib.2024.230203
22. Shchebrova S.Ya. Regionalism in the Fate of Grigory Gurkin. Bulletin of St. Petersburg University. History. 2024. Vol. 69. No. 1. P. 75 – 88. DOI 10.21638/spbu02.2024.105
23. Khristolyubova T.P. Reflection of the Artistic Life of Siberia in G.N. Potanin's Publications on Art. Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2023. No. 1(54). P. 135 – 142. DOI 10.30725/2619-0303-2023-1-135-142
24. Tanaka K. Life for Siberia: trans. from Japanese by M.G. Zhantsanova. Ulan-Ude: Publishing House of Buryat State University, 2017. 208 p.
25. Igibaev S.G.N. Potanin – a great traveler, scientist, democrat. Bulletin of Altai State University. 2017, No. 5 (97). P. 49 – 57. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-07
26. Szyszlak T. Subetnosy zagrożeniem dla superetnosu. Modele poskramiania mniejszości regionalnych w Federacji Rosyjskiej. Wschodnioznawstwo. 2023. Vol. 17. P. 395 – 416. DOI 10.4467/20827695wsc.23.023.18741
27. Rainbow D. Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858-1920. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013.
28. Johnson A. Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution. Atlanta: Georgia State University, 2016.
29. Golovinov A.V., Kulikov E.A., Anisimova I.A. Problems of the Criminal-Executive Policy of the Russian Empire in the Literary and Journalistic Heritage of N.M. Yadrintsev and F.M. Dostoevsky. Bylye Gody. 2024. No. 19 (1). P. 137 – 147. DOI 10.13187/bg.2024.1.137
30. Medvedev N.P. Ethnopolitical regional studies: history and modernity (based on publications in scientific journals in 2022). Voprosy politologii. 2023. Vol. 13. No. 1 (89). P. 20 – 28. DOI 10.35775/PSI.2023.89.1.002
31. Protasova O.L. Siberia and Siberians in the ideological and creative understanding of neo-populist writers (late 19th – early 20th centuries). Ural Historical Bulletin. 2023. No. 4 (81). P. 24 – 32. DOI 10.30759/1728-9718-2023-4(81)-24-32

Информация об авторах

Головинов А.В., кандидат философских наук, доцент, Алтайский государственный университет, alexgolovinov@mail.ru

Головинова Ю.В., кандидат исторических наук, доцент, Алтайский государственный педагогический университет, yu.golovinova@mail.ru

Должиков В.А., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, dolzhikov@yandex.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 32.019.52+ 37.013.2+ 342.5(045)

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-12-19

История развития молодежной политики на территории Российской Федерации

¹ Тимофеева Е.А.,

¹ Государственная Дума РФ

Аннотация: в статье представлен комплексный историко-теоретический анализ эволюции государственной молодежной политики России, охватывающий период от советской эпохи до современности. Исследование направлено на выявление закономерностей формирования и развития молодежной политики в контексте социально-политических трансформаций общества. **Цель исследования** заключается в изучении исторических закономерностей и факторов, определяющих развитие государственной молодежной политики, а также в выявлении преемственности управленческих подходов в работе с молодежью. **Методология исследования** основана на системном подходе к анализу нормативно-правовых актов, научной литературы и исторических документов, что позволило проследить динамику изменений в идеологических установках, методах и инструментах государственной политики в отношении молодого поколения. **Научная новизна** работы состоит в: проведении целостного анализа эволюции молодежной политики; выявлении особенностей каждого исторического этапа; определении причин неэффективности предыдущих попыток законодательного закрепления молодежной политики; установлении взаимосвязи между государственной молодежной политикой и общим социально-экономическим развитием страны. **Основные результаты** исследования демонстрируют наличие устойчивой преемственности в методах работы с молодежью при одновременном изменении идеологического содержания и инструментов государственного воздействия. Выявлены ключевые факторы, влияющие на формирование молодежной политики в различные исторические периоды. **Практическая значимость** работы заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования современной системы работы с молодежью и разработки эффективных механизмов молодежной политики.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, государство, молодежь, комсомол, ВЛКСМ, идеология, социально-политические трансформации, управленческие подходы

Для цитирования: Тимофеева Е.А. История развития молодежной политики на территории Российской Федерации // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 12 – 19. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-12-19

Поступила в редакцию: 7 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

The history of the development of youth policy in the territory of the Russian Federation

¹ Timofeeva E.A.,

¹ State Duma of the Russian Federation

Abstract: the article presents a comprehensive historical and theoretical analysis of the evolution of the Russian state youth policy, covering the period from the Soviet era to the present. The research is aimed at identifying patterns of formation and development of youth policy in the context of socio-political transformations of society. **The**

purpose of the research is to study the historical patterns and factors determining the development of state youth policy, as well as to identify the continuity of managerial approaches in working with youth. **The research methodology** is based on a systematic approach to the analysis of normative legal acts, scientific literature and historical documents, which made it possible to trace the dynamics of changes in ideological attitudes, methods and tools of state policy towards the younger generation. **The scientific novelty** of the work consists in: conducting a holistic analysis of the evolution of youth policy; identifying the features of each historical stage; determining the reasons for the ineffectiveness of previous attempts to legislate youth policy; establishing the relationship between the state youth policy and the overall socio-economic development of the country. **The main research results** demonstrate the presence of stable continuity in the methods of working with young people while simultaneously changing the ideological content and instruments of state influence. The key factors influencing the formation of youth policy in various historical periods have been identified. **The practical significance** of the work lies in the possibility of using the results obtained to improve the modern system of youth work and to develop effective mechanisms for youth policy.

Keywords: state youth policy, state, youth, Komsomol, ideology, socio-political transformations, managerial approaches

For citation: Timofeeva E.A. The history of the development of youth policy in the territory of the Russian Federation. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 12 – 19. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-12-19

The article was submitted: January 7, 2025; Approved after reviewing: March 3, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта формирования и реализации государственной молодежной политики в России. В современных условиях понимание закономерностей развития системы работы с молодежью приобретает особую значимость для совершенствования механизмов взаимодействия государства и молодого поколения. **Проблема исследования** заключается в недостаточной изученности исторических закономерностей формирования государственной молодежной политики и механизмов ее адаптации к изменяющимся социально-политическим условиям. Особую актуальность приобретает анализ преемственности управленческих подходов в работе с молодежью на различных исторических этапах. **Цель исследования** состоит в комплексном историко-теоретическом анализе эволюции государственной молодежной политики России, выявлении закономерностей ее формирования и развития.

Задачи исследования:

- Изучить теоретические основы формирования молодежной политики
- Проанализировать сущность и значение молодежной политики в обществе
- Исследовать исторические этапы развития государственной молодежной политики
- Выявить особенности реализации молодежной политики в различные исторические периоды
- Определить факторы, влияющие на формирование государственной молодежной политики

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации знаний об историческом опыте формирования и реализации молодежной политики в России, выявлении устойчивых паттернов и закономерностей ее развития.

Практическая значимость определяется возможностью использования результатов исследования для совершенствования современной системы работы с молодежью и разработки эффективных механизмов молодежной политики.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили научные работы отечественных исследователей в области молодежной политики, исторические источники и нормативно-правовые документы, регулирующие государственную молодежную политику в различные исторические периоды.

Методологическая основа исследования включает исторический, системный и сравнительный анализ, методы обобщения и систематизации научного материала. Применение исторического подхода позволило проследить эволюцию молодежной политики, выявить закономерности ее формирования и развития.

Результаты и обсуждения

Теоретические основы молодежной политики

Исторический подход необходим для анализа общественных феноменов. Только рассматривая явление от момента зарождения через этапы формирования, расцвета и возможного упадка, можно составить его полноценное определение. Молодежная политика не исключение – она постоянно эволюционировала, проходя через качественные изменения и трансформации. Выступая двигателем социального прогресса, она неизбежно видоизменялась с течением времени, обретая новые формы и содержание, включая возможность деградации или полного исчезновения в своем первоначальном виде [1, с. 25].

Сущность и значение молодежной политики в обществе

Молодежная политика играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития общества и государства. Ее важность обусловлена необходимостью эффективного управления и интеграции молодого поколения в социально-экономическую и политическую жизнь страны. Несмотря на то, что государственная молодежная политика в современном виде сформировалась сравнительно недавно, ее корни уходят в советский период, когда возникли первые попытки институционализации работы с молодежью на государственном уровне.

Согласно позиции И.М. Ильинского, основная сущность политики в отношении молодого поколения заключается в управлении процессами преемственности между поколениями и, следовательно, общественным развитием. Данная политика служит механизмом регулирования межпоколенческих взаимоотношений независимо от исторического периода и типа общественного устройства – будь то демократическое, авторитарное или тоталитарное общество. При этом, несмотря на единую сущность, конкретные проявления молодежной политики различаются по целям, содержанию и масштабу, что определяется идеологической направленностью конкретного общества [2, с. 321].

Стоит подчеркнуть взаимосвязь концептуальных основ и практических мер в области работы с молодежью. Фактические действия и программы, направленные на поддержку молодого поколения, нередко отражают существующие в обществе ценностные ориентиры. При этом изучение конкретных механизмов и инструментов реализации подобных инициатив может дать представление о приоритетах социального развития.

В этом контексте система мер по поддержке молодежи представляет собой своеобразное зеркало, отражающее действительные ценностные установки общества.

Молодежная политика в ранний советский период

Когда большевики пришли к власти, они начали видеть в молодом поколении ключевой элемент своей политической стратегии. Новая власть стремилась разорвать связь между старшим и молодым поколениями, противопоставляя «старый мир» отцов «новому миру» молодежи [3, с. 23]. Физические и духовные ресурсы молодежи стали фундаментом для воплощения социальных идей большевиков, которые намеренно создавали межпоколенческий разрыв. Это привело к необходимости формирования действенных механизмов контроля над процессом социализации молодежи и вовлечения ее в революционную деятельность.

29 октября 1918 года был образован Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ), позднее переименованный во ВЛКСМ. Эта организация представляла собой технологическое воплощение идеи создать массовое молодежное объединение, которое функционировало бы автономно, но при этом сохраняло «идейную связь с партией» [4, с. 345].

В переломные моменты истории особенно важна роль молодого поколения как двигателя общественных изменений. После революционных событий 1917 года в России произошло беспрецедентное разнообразие форм молодежной самоорганизации, что стало отражением глубоких социальных трансформаций.

Новая советская власть, в отличие от прежнего режима, продемонстрировала принципиально иное отношение к молодежи, предоставив ей пространство для самовыражения и общественной деятельности. Эта политика доверия создала благоприятную почву для активного формирования и укрепления молодежных организаций разной политической направленности. Молодые люди получили возможность не только участвовать в строительстве нового общества, но и предлагать собственные модели социального устройства.

Период 1917-1925 годов характеризуется расцветом плюрализма в молодежной среде. Согласно историческим исследованиям, в этот короткий промежуток времени на территории России функционировало более 35 различных молодежных объединений. Идеологический спектр этих организаций был чрезвычайно широк: от 12 социал-демократических и 14 народнических союзов до 3 анархистских, 6 либеральных око-кадетских и 20 националистических объединений [5].

Такое разнообразие молодежных движений отражало сложность и противоречивость общественно-политических процессов в стране, находящейся на перепутье исторического развития. Интересно отметить, что многие из этих организаций сформировались не на пустом месте, а стали продолжением дореволюционных традиций молодежного активизма, получивших новый импульс в изменившихся политических условиях.

Феномен множественности молодежных движений в ранний советский период представляет собой уникальный исторический опыт, демонстрирующий потенциал гражданской активности молодежи в эпоху революционных преобразований общества.

В завершающей стадии 80-х годов прошлого столетия прекратила свое существование система молодежной политики, которая формировалась на протяжении шести десятилетий. Ее истоки берут начало примерно в 1925 году, когда демократия в советском обществе уступила место более жестким формам управления. Тогда сложилась структура, напоминающая «инкубатор», внутри которого молодым гражданам навязывались определенные социальные практики и поведенческие установки. Этот механизм воспитания функционировал через трехступенчатую систему организаций: октябрята для самых маленьких, пионерия для детей среднего возраста и комсомол для юношей и девушек. Такая организационно стабильная конструкция партийно-государственного влияния на молодое поколение просуществовала практически без изменений до распада СССР [6, с. 31].

К концу 1920-х годов организации детей и молодежи стали играть важную роль в социальном надзоре. Эти структуры также способствовали привлечению энергии молодого поколения к модернизационным проектам. Последовательное применение воспитательных методик социального характера позволяло эффективно регулировать процессы интеграции молодежи в общество. Такой подход обеспечивал преемственность в формировании общественных ценностей и способствовал вовлечению молодежи в социально значимую деятельность.

Система комсомольского контроля

Таким образом, в конце тридцатых годов Советский Союз разработал уникальную систему управления молодежью. Жизненный путь юношей и девушек находился под полным надзором – от пионерской организации в детстве до партийного контроля во взрослой жизни, с комсомолом в качестве промежуточного звена. Личное пространство молодежи фактически отсутствовало: вся активность была публичной, будь то школьная среда или комсомольские собрания. Благодаря этой всеобъемлющей системе наблюдения государство могло легко мобилизовать молодых людей для участия в государственных инициативах, просто распределяя задания через комсомольские структуры [7, с. 41].

В соответствии с решением от 2 марта 1954 года, принятым на Пленуме ЦК КПСС, сотня тысяч молодежи была направлена на целинные земли для их освоения. Впоследствии партийное руководство обратилось к комсомолу с призывом выделить от 400 до 500 тысяч молодых людей обоего пола для участия в строительстве промышленных объектов и энергетических сооружений, включая гидроэлектростанции и новые заводы.

Нормативное регулирование молодежной политики

Начало зарождения нормативного регулирования молодежной политики в СССР было положено в 1960-е годы, когда стала очевидной необходимость нормативно-правового регулирования отношений государства и молодежи. Первой серьезной попыткой стало предложение о разработке «Закона СССР о молодежи» в 1965-1967 годах. В пояснительной записке к законопроекту отмечалась необходимость, во-первых, включения комсомола в государственное управление, поскольку ЦК КПСС указывал на необходимость активного участия комитетов ВЛКСМ в решении вопросов, касающихся воспитания, образования, профессиональной подготовки, труда, быта и досуга молодежи, при взаимодействии с советами депутатов, министерствами, ведомствами и профсоюзами; во-вторых, практическая поддержка комсомола: организации и ведомства должны уделять внимание предложениям комсомольских организаций и регулярно помогать им в решении текущих задач, связанных с приемом на работу, условиями труда, жильем и развитием спорта и культуры. Кроме того, комитеты комсомола должны были инициировать обсуждение и ставить перед соответствующими организациями вопросы улучшения работы предприятий, колхозов и учреждений, способствовать улучшению образовательной и производственной деятельности молодежи.

Однако законодательная инициатива встретила серьезное сопротивление со стороны консервативных элементов партии и комсомола, вследствие чего закон не был принят.

Вторая попытка, предпринятая в 1977 году, также завершилась неудачей. Причиной тому послужили существенные разногласия внутри партии и недостаточность проработки концепции. В истории советского государства период 1970-х годов знаменует собой важную веху в эволюции молодежного движения. Задол-

го до наступления этого десятилетия комсомол был мощной силой, объединяющей молодых людей вокруг коммунистических идеалов и государственных инициатив. Однако политическая реальность менялась.

Эпоха «застоя», как ее позже окрестили историки, стала катализатором глубинных изменений в структуре молодежной политики СССР.

Кризис советской системы работы с молодежью

Первые признаки отчуждения молодежи от официальных институтов стали заметны еще в начале десятилетия, когда формальное членство в комсомоле перестало отражать реальную вовлеченность молодых людей в общественную жизнь.

Бюрократические механизмы постепенно вытесняли живую инициативу. Молодежь, некогда воодушевленная идеями социалистического строительства, к середине 70-х начала активно искать альтернативные пространства для самовыражения. Комсомольские собрания превратились в пустую формальность, где вместо обсуждения актуальных проблем зачитывались шаблонные доклады [8, с. 34].

К завершению десятилетия произошел окончательный разрыв между официальной риторикой и реальными интересами молодого поколения. Традиционные мероприятия, акции и съезды утратили свое изначальное значение, став лишь элементами отчетности в бесконечной бюрократической цепочке. Система, созданная для объединения молодежи, парадоксальным образом стала причиной ее отчуждения.

Массовый уход молодых людей из сферы влияния комсомола привел к формированию альтернативных субкультур и неформальных объединений, что свидетельствовало о глубоком кризисе всей системы советской молодежной политики. Этот процесс, начавшийся задолго до перестройки, стал одним из симптомов грядущих масштабных перемен в советском обществе.

Однако именно эти неудачи позволили сформировать базовые элементы государственной молодежной политики, заложенные в последующем законе.

Третья попытка разработки и принятия закона произошла в 1980-е годы. В этот период в обществе усилилось осознание необходимости полноценной государственной молодежной политики. Начало новейшей молодежной политике в нашей стране было положено очередной модернизацией социально-политической системы государства, получившей название «перестройка». Как не раз случалось в российской истории, элита, стремясь к преобразованию политической системы, опирается на молодое поколение, активно используя в своих интересах межпоколенческое напряжение. Молодежь рекрутируется в государственно-партийную систему на самых разных уровнях, начинается трансформация общественно-политического дискурса в отношении молодого поколения, которое рассматривается как ресурс интенсификации всех сфер общественной жизни [9, с. 59].

Трансформация молодежной политики в постсоветский период

Трансформация политической системы после 1991 года коренным образом изменила отношения государства и молодежи в России. Крушение советской идеологической парадигмы потребовало разработки принципиально новых подходов к молодежной политике. Распад Советского Союза стал катализатором для формирования уникальной российской концепции взаимодействия с молодым поколением, опирающейся на демократические принципы и гражданское общество.

В начальный постсоветский период государственные структуры декларировали приоритет развития молодежных инициатив снизу [13]. Важно отметить, что на уровне официального дискурса власть стремилась преодолеть патерналистскую модель отношений с молодежью, унаследованную от советской эпохи. Этот подход предполагал создание благоприятных условий для самореализации молодых граждан через их собственные объединения и движения [13].

Стратегической целью новой молодежной политики провозглашалось построение партнерских отношений между государством и молодежными организациями. Политическое руководство России в 1990-е годы, несмотря на экономические трудности, осознавало необходимость поддержки молодежной самоорганизации как фундамента будущего гражданского общества. Однако дальнейшая эволюция этих отношений показала, что между декларациями и реальной практикой существовал значительный разрыв, что впоследствии привело к трансформации первоначальных подходов в молодежной политике.

Законодательное оформление молодежной политики

Благодаря активной позиции ряда ученых и общественных деятелей, а также изменениям в политическом климате, наконец удалось добиться успеха. В 1991 году был принят Закон СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР».

Данный закон установил правовые основы государственной молодежной политики, определил основные направления и механизмы ее реализации. Важнейшим достижением стало признание молодежи самостоя-

тельной социально-демографической группой, нуждающейся в специальном внимании со стороны государства.

Принятие закона стало знаковым событием в истории СССР, поскольку впервые была официально закреплена концепция государственной молодежной политики [10, с. 9]. Данный акт позволил интегрировать усилия различных государственных органов и общественных организаций, направленных на решение проблем молодежи, создание условий для ее полноценного включения в социально-экономическую и политическую жизнь страны. Вместе с тем, реализация закона столкнулась с рядом препятствий, связанных с изменениями в политической обстановке, начавшимися после распада СССР.

В современной России взаимодействие государственных структур с молодым поколением все еще остается сложной областью общественных отношений [14], несмотря на значительный период позитивного развития после распада СССР.

Анализируя исторический контекст, следует отметить, что даже при наличии публично декларируемых демократических принципов, первое десятилетие становления новой системы работы с молодежью не принесло ожидаемого прорыва. Государственная молодежная политика России унаследовала множество системных недостатков, которые препятствовали ее полноценному развитию [12].

Проблемы становления современной молодежной политики

Среди ключевых проблем выделяется функциональная неопределенность институтов, ответственных за реализацию молодежной политики [12]. Этот фундаментальный недостаток лег в основу других дисфункций в государственной системе взаимоотношений с новыми поколениями граждан.

Процесс институционализации молодежной политики в России сопровождался формированием ряда противоречивых подходов, которые, к сожалению, сохраняются и в настоящее время, не позволяя выстроить по-настоящему эффективную систему поддержки и развития молодежи в соответствии с запросами современного общества [11, с. 4].

Нестабильность институциональной основы молодежной политики стала одним из ключевых препятствий ее эффективной реализации. В период с 1992 по 2000 годы федеральные органы по делам молодежи переживали непрерывные трансформации. Шесть раз менялся их статус – от полноценного министерства до департамента в составе других ведомств.

Такая организационная турбулентность неизбежно отражалась на качестве стратегического планирования и практической работы с молодежью.

Финансовое обеспечение молодежных инициатив сталкивалось с определенными вызовами в контексте неясности институциональных рамок. Между амбициозными заявлениями и фактическим распределением ресурсов наблюдался некоторый дисбаланс, что затрудняло полноценную реализацию запланированных программ. Это создавало ситуацию, когда решение актуальных вопросов, волнующих молодое поколение, откладывалось.

Такое положение дел могло влиять на восприятие молодыми людьми официальных программ и мероприятий [12; 14]. Возникла своеобразная циклическая зависимость: ограниченность ресурсного обеспечения отражалась на результативности проводимых мероприятий, что впоследствии могло использоваться как основание для пересмотра приоритетов финансирования данного направления.

Для преодоления этих системных недостатков был применен комплексный пересмотр подходов к формированию и реализации молодежной политики, включая стабилизацию институциональной структуры и существенное увеличение финансирования приоритетных молодежных программ.

Современные тенденции развития молодежной политики

Рассматривая развитие инициатив по содействию молодым людям в нашей стране, можно заметить определенные изменения в финансовых подходах к таким программам. Сегодняшние механизмы работы с молодым поколением формируют обновленную структуру распределения доступных возможностей и средств, что представляет собой заметную эволюцию, характеризующуюся рядом крайне позитивных нововведений (особенно по сравнению с предыдущими периодами) [3, с. 7].

Многообразие молодежных организаций, характерное для постсоветского периода, постепенно подвергается систематизации и регламентации. В отличие от монолитной структуры комсомольской эпохи, сегодняшний ландшафт молодежных объединений представляется внешне разнообразным и плюралистичным.

Технологический аспект этого явления проявляется в создании централизованных платформ для молодежной активности и разработке механизмов, направленных на интеграцию разрозненных инициатив в единую контролируемую систему. Государство применяет как административные ресурсы, так и финансовые инструменты для стимулирования определенных форм молодежного участия.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие ключевые выводы:

1. **Историческая преемственность** в сфере молодежной политики проявляется в сохранении базовых принципов работы с молодым поколением, заложенных в советский период. При этом современная система демонстрирует более гибкие механизмы взаимодействия государства и молодежных объединений.

2. **Циклический характер** развития молодежной политики подтверждает ее зависимость от процессов государственного реформирования. Каждый цикл включает три последовательные фазы:

- мобилизация ресурсов;
- развитие самоорганизации;
- формирование структурированной государственной политики;

3. **Универсальность подходов** к работе с молодежью подтверждается существованием устойчивых моделей и методов, адаптируемых к различным социокультурным условиям.

4. **Прогностический потенциал** исторического анализа позволяет выявлять закономерности в развитии молодежной политики и определять перспективные направления ее совершенствования.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о необходимости укрепления институциональной базы молодежной политики, совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия и развития поддержки молодежных инициатив.

Список источников

1. Александров Деркаченко П.П. Русское и советское молодёжное движение в документах 1905–1937 гг. Москва: ОМП Пресс, 2002. 288 с.

2. Ильинский И.М. Государственная молодёжная политика в СССР. Москва: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2017. 432 с.

3. Драгунова Е.В. Эволюция молодёжной политики и фестивали молодёжи в истории СССР // Белые пятна российской и мировой истории. 2020. № 2. С. 21 – 30.

4. Иванов А.Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. Москва: Новый хронограф, 2004. 408 с.

5. Кравченко М.В. Цели государственной молодёжной политики в Российской Федерации // Вестник науки. 2024. № 12. С. 1316 – 1321.

6. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. Москва: Новый хронограф, 2008. 320 с.

7. Сулемов В.А. Ленинский комсомол – надёжный помощник и боевой резерв КПСС. Москва: Молодая гвардия, 1977. 48 с.

8. Татарин О.В., Куприянова Г.В., Нехаева Т.Г. Правовой статус и деятельность органов по делам молодёжи Российской Федерации. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2002. 107 с.

9. Омельченко Е.Л. Молодёжные культуры и субкультуры. Москва: Институт социологии РАН, 2000. 264 с.

10. Медведев И.А. Молодёжная политика в СССР: достижения и просчёты (социально-философский анализ) // Гуманитарный вестник. 2019. № 4. С. 1 – 14. DOI: 10.18698/2306-8477-2019-4-617

11. Ярычев Н.У. Молодёжная политика: исторические аспекты и современное состояние // Молодой ученый. 2016. № 2. С. 1014 – 1017.

12. Юрченко В.М., Завьялова О.А. Проблемы современной молодежной политики в России: к вопросу повышения эффективности // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 2. С. 30 – 35. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-2-30-35. ([Contemporary horticulture][1])

13. Убушаева Б.Г. Опыт реализации молодежных социальных проектов в Москве // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 2. С. 203–211. DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-2-203-211. ([Научные периодики РУДН][2])

14. Шашкова Ю.Ю., Иванов К.Е., Слепченко А.С. Оценка государственной молодежной политики студентами российских регионов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 341 – 361. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-341-361. ([RCSI Journals Platform][3])

References

1. Aleksandrov Derkachenko P.P. Russian and Soviet Youth Movement in Documents from 1905–1937. Moscow: OMP Press, 2002. 288 p.

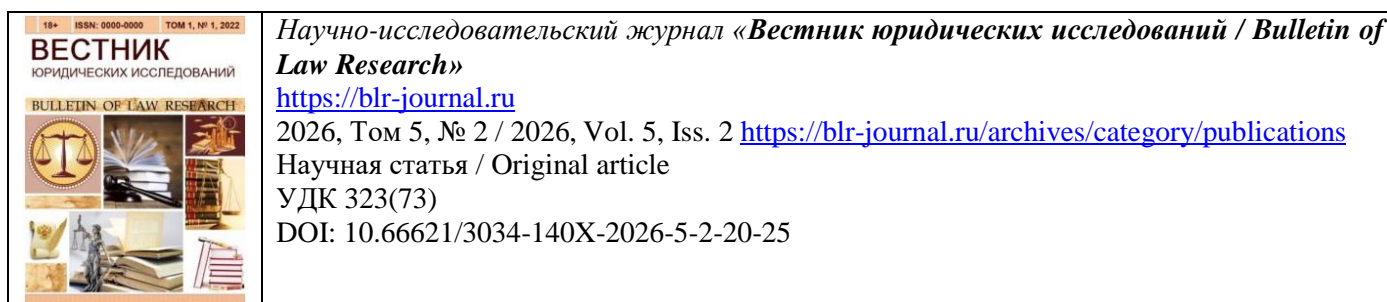
2. Ilyinsky I.M. State Youth Policy in the USSR. Moscow: Moscow University for the Humanities, 2017. 432 p.

3. Dragunova E.V. The Evolution of Youth Policy and Youth Festivals in the History of the USSR. Blank Spots in Russian and World History. 2020. No. 2. P. 21 – 30.
4. Ivanov A.E. Student Corporation of Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries: An Experience of Cultural and Political Self-Organization. Moscow: Novy Khronograf, 2004. 408 p.
5. Kravchenko M.V. The Goals of State Youth Policy in the Russian Federation. Bulletin of Science. 2024. No. 12. P. 1316 – 1321.
6. Tumanova A.S. Public Organizations and the Russian Public at the Beginning of the 20th Century. Moscow: Novy Khronograf, 2008. 320 p.
7. Sulemov V.A. Leninsky Komsomol – a Reliable Assistant and Combat Reserve of the CPSU. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1977. 48 p.
8. Tatarinov O.V., Kupriyanova G.V., Nekhaeva T.G. Legal Status and Activities of Youth Affairs Agencies of the Russian Federation. Tula: Publishing House of Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy, 2002. 107 p.
9. Omelchenko E.L. Youth Cultures and Subcultures. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2000. 264 p.
10. Medvedev I.A. Youth Policy in the USSR: Achievements and Miscalculations (Socio-Philosophical Analysis). Humanitarian Bulletin. 2019. No. 4. P. 1 – 14. DOI: 10.18698/2306-8477-2019-4-617
11. Yarychev N.U. Youth Policy: Historical Aspects and Current State. Young Scientist. 2016. No. 2. P. 1014 – 1017.
12. Yurchenko V.M., Zavyalova O.A. Problems of Contemporary Youth Policy in Russia: Towards Improving Efficiency. Social and Political Sciences. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 30 – 35. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-2-30-35. ([Contemporary horticulture][1])
13. Ubushaeva B.G. Experience in implementing youth social projects in Moscow. RUDN University Bulletin. Series: Public and Municipal Administration. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 203 – 211. DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-2-203-211. ([RUDN University scientific periodicals][2])
14. Shashkova Yu.Yu., Ivanov K.E., Slepchenko A.S. Assessment of State Youth Policy by Students of Russian Regions. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2025. Vol. 27. No. 2. P. 341 – 361. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-341-361. ([RCSI Journals Platform][3])

Информация об авторе

Тимофеева Е.А., помощник депутата, Государственная Дума РФ, sokolova-katya@list.ru

© Тимофеева Е.А., 2026

***Параллельная политическая инфраструктура Д. Трампа (2022-2024):
формирование внеинституционального центра власти в США***

¹ Неронов В.А., ¹ Ермаков Д.Н.,
¹ Институт деловой карьеры

Аннотация: в статье рассматривается феномен формирования параллельной политической инфраструктуры вокруг бывшего главы исполнительной власти США Д. Трампа в период 2022-2024 годов. Анализируются механизмы сохранения контроля над институтами Республиканской партии, воздействия на процедуры праймериз, создания альтернативной медийной экосистемы, а также выстраивания неформальной «теневой вертикали» управления. Делается вывод, что указанная конфигурация представляет собой не совокупность разрозненных электоральных технологий, а качественный сдвиг на уровне всей политической системы – формирование внеинституционального центра принятия решений, действующего параллельно легальным властным структурам. Материал статьи служит теоретической базой для прогнозирования дальнейшей трансформации американской модели разделения властей.

Ключевые понятия: внеинституциональный центр власти, параллельная политическая инфраструктура, «теневая вертикаль», праймериз, медийная экосистема, делегирование суверенитета, неформальные политические сети

Для цитирования: Неронов В.А., Ермаков Д.Н. Параллельная политическая инфраструктура Д. Трампа (2022-2024): формирование внеинституционального центра власти в США // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 20 – 25. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-20-25

Поступила в редакцию: 10 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 7 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

***D. Trump's parallel political infrastructure (2022-2024): the formation
of a non-institutional center of power in the United States***

¹ Neronov V.A., ¹ Ermakov D.N.,
¹ Institute of Business Career

Abstract: the article examines the phenomenon of the formation of a parallel political infrastructure around the former chief executive of the United States D. Trump in the period 2022-2024. The author analyzes the mechanisms for maintaining control over the institutions of the Republican Party, influencing the procedures of the primaries, creating an alternative media ecosystem, as well as building an informal "shadow vertical" of governance. It is concluded that this configuration is not a set of disparate electoral technologies, but a qualitative shift at the level of the entire political system – the formation of a non-institutional decision-making center operating in parallel with legal government structures. The material of the article serves as a theoretical basis for forecasting the further transformation of the American model of separation of powers.

Keywords: non-institutional center of power, parallel political infrastructure, "shadow vertical", primaries, media ecosystem, delegation of sovereignty, informal political networks

For citation: Neronov V.A., Ermakov D.N. D. Trump's parallel political infrastructure (2022-2024): the formation of a non-institutional center of power in the United States. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 20 – 25. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-20-25

The article was submitted: January 10, 2025; Approved after reviewing: March 7, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Проблема исследования состоит в том, что период 2022-2024 годов в политической истории Соединённых Штатов Америки характеризуется уникальным для современных представительных демократий явлением: бывший глава государства, утративший формальные властные полномочия, тем не менее сохранил и даже приумножил способность влиять на ключевые политические процессы в масштабах всей страны. В отличие от традиционных моделей поствыборного перехода власти, когда экс-президент либо уходит из публичной политики, либо ограничивается деятельностью в рамках созданной им библиотеки или фонда, Д. Трамп выстроил устойчивую параллельную политическую инфраструктуру.

Под параллельной политической инфраструктурой в данной статье понимается совокупность формальных и неформальных институтов, не совпадающих с конституционно закреплёнными органами государственной власти, но обладающих реальной способностью принимать общезначимые политические решения, мобилизовывать ресурсы и налагать санкции на акторов, отказывающихся подчиняться их воле. Указанная инфраструктура не легитимирована через механизмы конституционного права, однако её воздействие на федеральное законодательство, судебную систему и исполнительную вертикаль сопоставимо, а в некоторых аспектах – превосходит влияние отдельных ветвей государственной власти. Цель настоящей работы – выявить структурные элементы параллельной политической инфраструктуры Д. Трампа в обозначенный период, описать механизмы их взаимодействия и обосновать тезис о переходе данного феномена на уровень системной трансформации, а не временной электоральной аномалии [1].

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу работы составили официальные документы Республиканской партии (уставы, протоколы Национального комитета, резолюции), данные федеральной избирательной комиссии США о финансировании праймериз 2022-2024 гг., публичные выступления и посты Д. Трампа в социальной сети «Трут Сошиал», а также материалы специализированных аналитических центров (Brookings Institution, Heritage Foundation) и публикации в ведущих американских изданиях (The New York Times, The Wall Street Journal). Методологическая основа исследования включает неоинституциональный подход (анализ формальных и неформальных правил), метод кейс-стади (реконструкция конкретных эпизодов партийной дисциплины и вмешательства в праймериз), а также элементы сетевого анализа для описания взаимодействия акторов в рамках «теневой вертикали». Сравнительный метод позволил отличить рассматриваемый феномен от традиционных моделей партийного лидерства в президентских республиках.

Результаты и обсуждения

Ключевым элементом параллельной инфраструктуры выступило превращение Республиканской партии из самостоятельного политического института в носителя воли конкретного лидера. В классической модели партийного строительства партия рассматривается как агрегатор интересов различных групп, вырабатывающий программу на основе внутреннего согласования. Однако начиная с 2022 года внутрипартийные процедуры претерпели существенную деформацию. Формально Республиканская партия сохранила все уставные органы – Национальный комитет, руководство фракций в Конгрессе, региональные отделения. Однако реальные механизмы принятия кадровых и программных решений оказались сосредоточены в руках узкого круга лиц, непосредственно подчинённых Д. Трампу. Это выразилось в нескольких взаимосвязанных процессах.

Во-первых, произошла полная замена руководящего состава Национального комитета партии на лояльных функционеров. Если в традиционной партийной логике председатель Национального комитета выполняет роль нейтрального арбитра в период праймериз, то в рассматриваемый период указанная должность превратилась в инструмент пресечения внутрипартийной оппозиции. Любое публичное несогласие с линией Д. Трампа влекло за собой организационные санкции: лишение финансирования, исключение из партийных списков спонсоров, блокировку доступа к партийной инфраструктуре для проведения встреч с избирателями. Во-вторых, была пересмотрена процедура выдвижения делегатов на национальный съезд. В ряде

ключевых штатов были приняты внутривнутрипартийные нормативные акты, фактически заменяющие традиционные «открытые» праймериз системой «кокуса», контролируемой назначенными Д. Трампом координаторами. Это позволило обеспечить доминирование его сторонников на всех уровнях делегатской вертикали – от окружных собраний до национального съезда. В-третьих, был создан механизм «партийной дисциплины», основанный на угрозе выдвижения альтернативных кандидатов против любого действующего члена партии, позволившего себе публичную критику. Внутривнутрипартийный механизм, который в народе прозвали «праймериз против отступников», показал впечатляющие результаты. Согласно данным за 2022–2024 годы, больше 80% республиканцев в Конгрессе, которые позволяли себе критику в адрес Трампа, либо провалились на праймериз, либо предпочли сами уйти с постов [2, 3].

В итоге Республиканская партия фактически утратила статус самостоятельного политического игрока и превратилась в придаток внеинституционального центра силы. Тут важно не путать с обычной «партией лидерского типа», как в Британии или Германии, где лидер партии одновременно занимает официальный пост – премьера или канцлера. В Америке сейчас иная ситуация: у лидера нет реальных конституционных рычагов власти, но партийный контроль он сохраняет – а это классический симптом формирования параллельной властной структуры.

В американской политической системе праймериз служат главным фильтром для кандидатов на любые выборные должности – от местных шерифов до членов Конгресса. Обычно эти процедуры прописаны в законодательстве штатов и традиционно считаются довольно децентрализованными и конкурентными.

Однако в период 2022–2024 годов наблюдается системное использование административных, финансовых и медийных рычагов для подчинения праймериз воле внеинституционального центра [4].

Механизм вмешательства включал три последовательных этапа. На первом этапе штабом Д. Трампа составлялись так называемые «списки поддержанных кандидатов», публичное одобрение которым предшествовало официальному старту праймериз. В отличие от традиционных эндаументов (публичных поддержек), которые обычно носят рекомендательный характер, в данном случае поддержка была жестко увязана с доступом к ресурсам: финансированию из связанных политических комитетов, аренде баз данных избирателей, возможности использовать агитационные материалы с символикой, ассоциированной с Д. Трампом. На втором этапе осуществлялось целенаправленное выдвижение альтернативных кандидатов против тех действующих политиков, которые отказывались признавать легитимность параллельной инфраструктуры.

Причем такие альтернативные фигуры далеко не всегда были компетентнее или популярнее на местах. Их главная задача – наказать «нелояльных»: оттянуть голоса, создать негативный фон. С точки зрения закона – обычная конкурентная борьба. Но по сути – демонстрация готовности порвать партийное единство ради личной преданности.

Дальше – третий этап, после праймериз. Даже если «нелояльный» кандидат побеждал, он оставался без координации со стороны Национального комитета партии. Ни тебе стандартной аналитической поддержки, ни участия в совместных агиткампаниях с популярными партийцами. А в некоторых случаях – просто пассивный саботаж в день выборов: задержки с отправкой наблюдателей на участки, и всё в таком духе. В итоге такой кандидат оказывался в заведомо худших условиях, чем даже оппозиционер. Вся эта система привела к фундаментальному сдвигу: главным критерием отбора стала не способность представлять округ и не профессионализм, а личная преданность внеинституциональному центру. Это чистая вода патронажно-клиентарная сеть, где лояльность вождю подменяет собой институты [5, 6].

Третья опора этой параллельной конструкции – альтернативная медиасреда. Ее ядро – «Трут Социал», плюс сеть подконтрольных подкастов, телеграм-каналов и онлайн-изданий. Важно вот что: это не просто набор агитационных инструментов. Эта экосистема берет на себя функции, которые в нормальной политической системе закреплены за официальными СМИ и государственными каналами связи.

Первое – прямой выход на граждан в обход традиционных медиа. В США, конечно, нет понятия «официальное СМИ» в европейском смысле, но исторически сложилось, что крупные общенациональные издания и телесети выполняют роль верификаторов. У трамповской медиасреды этой функции нет вообще. Любое заявление, даже если факты его опровергают, внутри этой параллельной инфраструктуры сохраняет силу «официальной позиции». Возникает феномен «параллельных фактов» – своя эпистемология, где истина определяется не реальностью, а источником сообщения [7, 8].

Второе – координация лояльных политиков и чиновников. В отличие от обычных партийных рассылок или правительственных циркуляров, указания по голосованию, тактике в комитетах и даже по личным встречам с избирателями идут через закрытые каналы внутри этой медиасреды. Формально – частная переписка, юридического веса ноль. Но на деле игнорирование таких сигналов ведет к тем же последствиям,

что и нарушение партийной дисциплины в странах с жесткой системой: потеря денег, вылет из «списков поддержки», а в перспективе – провал на следующих праймериз. Третье – выработка и трансляция норм, которые подменяют официальное законодательство. В 2023-2024 годах было полно случаев, когда на «Трут Социал» объявляли новые «правила» для республиканских чиновников. Например: нельзя фотографироваться с определенными политиками, запрещено нанимать людей, которые раньше работали в администрациях предшественников, и так далее.

Хотя эти правила не закреплены ни в каких правовых актах, их нарушение влекло немедленные санкции со стороны параллельной инфраструктуры – вплоть до организации кампаний по отзыву (там, где это допускается законодательством штата) или массивного информационного давления.

Совокупность описанных элементов – подконтрольная партия, кадровая селекция через праймериз, медийная экосистема – образует то, что в данной статье предлагается называть «теневой вертикалью». Это реально существующая иерархия, параллельная конституционной вертикали (федеральное правительство – власти штатов – местное самоуправление). На верхнем уровне находится внеинституциональный центр в лице Д. Трампа и его штаба, не занимающих государственных должностей, но обладающих правом окончательного утверждения по ключевым вопросам (поддержка кандидатов, приоритеты законопроектов, кампании против судей на уровне штатов). На среднем уровне — «теневые комиссары»: формально выборные лица (члены Конгресса, губернаторы), действующие исключительно по согласованию с центром, отказавшиеся от автономного суждения. Взамен они получают гарантированную поддержку на выборах, доступ к финансированию и защиту от критики. На нижнем уровне – кандидаты, обязавшиеся в случае избрания подчиняться центру; их статус аналогичен кадровому резерву в авторитарных системах (проверка на лояльность, публичные акты поддержки).

Одна из ключевых черт этой теневой вертикали – самовоспроизводство за счет механизма «круговой поруки». Лояльные функционеры прикрывают центр, центр в ответ гарантирует их переизбрание. Получается замкнутый цикл, который почти нечувствителен к внешним ударам[9].

Какой отсюда следует главный вывод? Феномен параллельной инфраструктуры Трампа в 2022-2024 годах – это не набор тактических уловок, а полноценное структурное изменение в масштабе всей политической системы США. По значимости его можно сравнить разве что с появлением системы праймериз или децентрализацией партийного финансирования. Но есть принципиальная разница: те изменения когда-то закрепили через законы или решения Верховного суда. А нынешняя конструкция существует вне правового поля – она не разрешена, но и не запрещена. Отсюда юридическая серая зона: каждый отдельный шаг формально легален, но все вместе они противоречат самому духу конституционной модели с ее разделением властей и ответственностью выборных лиц перед избирателями, а не перед частным человеком.

Если эта параллельная инфраструктура удержится, дальше начнется ее «врастание» в официальные структуры. Сначала через поправки к партийным уставам, потом – к избирательному законодательству штатов. Например, могут ввести право партии отзываться уже избранных кандидатов, что прямо противоречит принципу свободного мандата. В более отдаленной перспективе возможно формирование дуалистической системы: формальная конституционная структура существует, но рядом с ней – реальная неформальная иерархия. По сценарию режимов, которые номинально сохраняют демократические институты, но на деле управляются из внеконституционных центров силы [10, 11].

Выводы

Итак, к 2022–2024 годам в США сложилась устойчивая параллельная политическая инфраструктура. В нее входят: контролируемая Трампом Республиканская партия, кадровый отбор через праймериз по принципу личной преданности, своя медийная экосистема и теневая вертикаль принятия решений. Это уже не просто частные фокусы – это качественный сдвиг, появление внеинституционального центра власти, который действует параллельно конституционным органам. Такая конфигурация очевидно противоречит разделению властей и подотчетности выборных лиц своим избирателям. И впереди, скорее всего, нас ждет институционализация этой конструкции – через партийные уставы и избирательное законодательство. А это уже тема для отдельного прогностического разговора.

Список источников

1. Абгарян М.А. Президентские кампании Д. Трампа 2020 и 2024 годов: сравнительный анализ // Молодой ученый. 2025. № 2 (553). С. 301 – 304. URL: <https://moluch.ru/archive/553/121462>
2. Blum R. M., Cowburn M., Masket S. Who Decides? Media, MAGA, Money, and Mentions in the 2022 Republican Primaries // Political Research Quarterly. 2024. Vol. 77. No. 4. P. 1314 – 1332. DOI: 10.1177/10659129241268820
3. Battista D., Gallina M. Counter-Resistant Digital Communities: The Impact of Truth Social in a Fragmented Society // SocietàMutamentoPolitica. Rivista italiana di sociologia. 2025. DOI: 10.13128/smp-15442
4. Peterson A.J. Distracting from the Epstein files? Media attention and short-run shifts in Trump's Truth Social posts // arXiv preprint. 2025. No. 2511.11532v1
5. Munabari F., Hanita M., Ras A. R. The Shadow State Narrative, Bureaucratic Politics, and National Resilience in the Trump Era // Jurnal Lemhannas RI. 2025. Vol. 13, No. 3. P. 336–350. DOI: 10.55960/jlri.v13i3.1239
6. Corsi J. R. Killing the Deep State: the fight to save President Trump. West Palm Beach, FL: Humanix Books, 2018. 228 p.
7. Masket S. No Middle Ground: How Informal Party Organizations Control Nominations and Polarize Legislatures. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2009. 256 p.
8. Boatright R. Getting Primaried: The Changing Politics of Congressional Primary Challenges. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. 248 p.
9. Cohen M., Karol D., Noel H., Zaller J. The Party Decides: Presidential Nominations Before and After Reform. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 424 p.
10. Фролова О.А. Политическая система США: институты и акторы: учебное пособие для вузов. Москва: Юрайт, 2022. 142 с.
11. Дробницкий Д.В. Интервью телеканалу «Царьград»: разговор с Путиным снял с Трампа голливудский лоск // ФедералПресс. 2025. 6 июня.

References

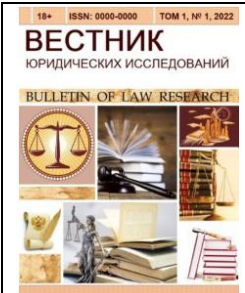
1. Абгарян М.А. Return to the Д. Last year 2020 to 2024 description: snowflake snow // snowflakes. 2025. No 2 (553). P. 301 – 304. URL: <https://moluch.ru/archive/553/121462>
2. Blum RM, Cowburn M, Masket S. Who Decides? Media, MAGA, Money, and Mentions in the 2022 Republican Primaries. Political Research Quarterly. 2024. Vol. 77. No. 4. P. 1314 – 1332. DOI: 10.1177/10659129241268820
3. Battista D., Gallina M. Counter-Resistant Digital Communities: The Impact of Social Truth in a Fragmented Society. SocietàMutamentoPolitica. Italian journal of sociology. 2025. DOI: 10.13128/smp-15442 [PubMed]
4. Peterson AJ. Distracting from the Epstein files? Media attention and short-run shifts in Trump's Truth Social posts. arXiv preprint. 2025. No. 2511.11532v1
5. Munabari F., Hanita M., Ras A. R. The Shadow State Narrative, Bureaucratic Politics, and National Resilience in the Trump Era. Journal Lemhannas RI. 2025. Vol. 13, No. 3. P. 336 – 350. DOI: 10.55960/jlri.v13i3.1239
6. Corsi J. R. Killing the Deep State: The Fight to Save President Trump. West Palm Beach, FL: Humanix Books, 2018. 228 p.
7. Masket S. No Middle Ground: How Informal Party Organizations Control Nominations and Polarize Legislatures. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2009. 256 p.
8. Boatright R. Getting Primaried: The Changing Politics of Congressional Primary Challenges. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013. 248 p.
9. Cohen M., Karol D., Noel H., Zaller J. The Party Decides: Presidential Nominations Before and After Reform. Chicago: University of Chicago Press, 2008. 424 p.
10. Letter O.A. Last but not least США: институты и акторы: учебное пособие для вузов. Price: May, 2022. 142 p.
11. Orientation Д.В. Recommended spelling «Арьград»: A conversation with Putin stripped Trump of his Hollywood gloss. FederalPress. 2025. June 6.

Информация об авторах

Неронов В.А., аспирант, Институт деловой карьеры

Ермаков Д.Н., Институт деловой карьеры

© Неронов В.А., Ермаков Д.Н., 2026

	<p>Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research» https://blr-journal.ru 2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 https://blr-journal.ru/archives/category/publications Научная статья / Original article УДК 32.01 DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-26-31</p>
--	---

Политико-философское наследие Ж.Ж. Руссо в условиях современного мира

¹ Скопа В.А.,

¹ Алтайский государственный педагогический университет

Аннотация: значение учения французского мыслителя XVIII века для понимания актуальных вопросов государственного управления и взаимодействия граждан с властью остаётся весьма существенным. Концепции, выдвинутые этим видным философом эпохи Просвещения, продолжают находить применение и вызывают дискуссии среди исследователей. Центральное место в системе воззрений занимает идея о суверенитете народа и его способности самостоятельно определять судьбу государства. Философ настаивал на том, что легитимность власти проистекает из согласия управляемых, а не из божественного права или наследственной привилегии. Неординарная позиция Руссо в европейской мысли заключалась в том, что он моделировал государство будущего как идеал, а не описывал реальность. Центральным условием преобразования общества он считал преобразование самого человека. Именно поэтому его идеи обладают универсальностью и могут служить ориентиром для любого исторического периода. В нынешнюю эпоху, отмеченную кризисом доверия к представительным институтам, размышления о прямом волеизъявлении населения приобретают новую актуальность. Механизмы демократического участия граждан развиваются, но фундаментальный вопрос о согласии управляемых на осуществление власти остаётся актуален. Идеи мыслителя относительно равноправия и критики имущественного неравенства резонируют с современными дебатами по проблемам социальной справедливости и распределения ресурсов. Наследие французского просветителя продолжает служить ориентиром для анализа вызовов современного общества.

Ключевые слова: Руссо, политология, история философской мысли, государство, общество, социальный институт

Для цитирования: Скопа В.А. Политико-философское наследие Ж.Ж. Руссо в условиях современного мира // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 26 – 31. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-26-31

Поступила в редакцию: 15 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

The political and philosophical legacy of J.-J. Rousseau in the contemporary world

¹ Skopa V.A.,

¹ Altai State Pedagogical University

Abstract: the teachings of this 18th-century French thinker remain highly significant for understanding current issues of public administration and the interaction of citizens with the government. The concepts advanced by this prominent philosopher of the Enlightenment continue to be applied and spark debate among scholars. Central to his system of thought is the idea of the sovereignty of the people and their ability to independently determine the fate of the state. The philosopher insisted that the legitimacy of power stems from the consent of the governed, not from divine right or hereditary privilege. Rousseau's unique position in European thought was that he modeled the state of the future as an ideal, rather than describing reality. He considered the transformation of man himself to be the central condition for the transformation of society. This is why his ideas are universal and can serve as a reference

point for any historical period. In the current era, marked by a crisis of trust in representative institutions, reflections on the direct expression of the will of the people have acquired new relevance. Mechanisms for democratic citizen participation are evolving, but the fundamental question of the consent of the governed to exercise power remains relevant. Rousseau's ideas on equality and his critique of wealth inequality resonate with contemporary debates on social justice and resource distribution. The legacy of the French Enlightenment philosopher continues to serve as a reference point for analyzing the challenges of modern society.

Keywords: Rousseau, political science, history of philosophical thought, state, society, social institution

For citation: Skopa V.A. The political and philosophical legacy of J.-J. Rousseau in the contemporary world. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 26 – 31. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-26-31

The article was submitted: January 15, 2025; Approved after reviewing: March 12, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Наше время столкнуло человечество и государства с критическими вызовами: террористические акты, массовые болезни, истощение природных запасов, рост взаимного недоверия. Корень этих бедствий кроется в доминировании эгоцентризма – преувеличенной сосредоточенности на личных интересах в ущерб коллективному благу и окружающим людям. Между тем человек – существо социальное по природе.

В эпоху, когда материализм и прагматизм вытеснили подлинную духовность из сознания западного мира, люди всё чаще ищут спасение в государстве, видя в нём единственного гаранта порядка и защиты [4]. Однако это порождает острый парадокс: как уравновесить индивидуальные права и свободы – завоевания Просвещения, которые европейцы считают аксиомой, – с неизбежным расширением государственной власти и контрольных функций органов безопасности?

Обращение к наследию классической философии наглядно демонстрирует: современный мир словно игнорирует накопленные сокровища интеллектуальной мысли. Те глубокие прозрения и нравственные принципы, которые оставили нам великие умы прошлого, остаются практически невостребованными в повседневной жизни общества. Хотя подобные философские идеи, несмотря на постоянное изменение мировоззрения и культурных парадигм, сохраняют свою ценность и зачастую не теряют значимости для современных реалий [2]. Об этом свидетельствует отсутствие заметного влияния этих нередко чрезвычайно полезных умозаключений на общественное сознание и практику социального бытия. Во многом ответ следует искать у философов эпохи Просвещения, в частности у Ж.-Ж. Руссо – мыслителя противоречивого, который прославлял первозданную доброту человека в литературных произведениях, но отстаивал государственный интерес в теоретических работах [1, 5, 6]. Его труд «Общественный договор» остаётся актуален для современности [7]. Руссо раскрыл, что произойдёт, когда граждане передадут государству большинство своих прав ради безопасности – граница между личностью и властью стирается.

Неординарная позиция Руссо в европейской мысли заключалась в том, что он моделировал государство будущего как идеал, а не описывал реальность. Центральным условием преобразования общества он считал преобразование самого человека [1]. Именно поэтому его идеи обладают универсальностью и могут служить ориентиром для любого исторического периода.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу исследования политико-философского творчества Ж.-Ж. Руссо в контексте современной действительности составляют работы как российских, так и европейских философов, внесших значительный вклад в разработку этой проблематики. В качестве базовых методологических инструментов использованы:

- аксиологический подход, который позволил раскрыть иерархию и архитектуру мировоззренческих установок, на которых зиждется государственно-правовой порядок и духовно-нравственное состояние общества;
- историко-генетический подход дал возможность проследить эволюцию этических воззрений и механизмов государственной власти сквозь призму развития государственности, включая традиционные уклады;
- сравнительный анализ позволил провести аналитическое сопоставление различных исторических периодов и цивилизационных моделей в их подходах к формированию порядка и государственно-политической организации.

Результаты и обсуждения

Ключевые положения воззрений Руссо сводятся к следующему. Политическое объединение возникает в момент, когда индивиды теряют способность самостоятельно гарантировать собственную защиту вне социума – это предпосылка. Второй момент состоит в том, что индивид обретает независимость от внешних сил [6]. Кассирер Э/ подчёркивает: в «докультурном периоде» по Руссо «Люди не скреплены нравственными, эмоциональными связями, обязательствами или участием. Каждый живёт замкнуто и думает только о собственном выживании» [2, с. 285]. Удивительное совпадение с современными реалиями. Эти два обстоятельства, взаимодействуя, формируют базис для консолидации. Такую форму объединения Руссо именуется социальным контрактом – механизм «союза, который гарантирует каждому члену защиту его прав и имущества совместными усилиями» [6, с. 12]. Политическое сообщество возникает по воле граждан и служит их интересам. Следовательно, оно представляет не просто множество отдельных субъектов, а интегрированное коллективное целое. Трансформация человека становится необходимым условием государственного бытия. «Целостность достижима только добровольно: её основа – свобода. При этом подчинение перестаёт быть покорностью одного индивида в отношении другого. Оно означает, что персональная воля как таковая растворяется и действует исключительно в пределах общей воли» [2, с. 286]. Государственное существование предполагает переосмысление человеком своего места: требуется рассматривать себя как компонент целого, а не как самодостаточную единицу. Общественный организм становится монолитным также благодаря тому, что в нём пребывают исключительно те, кто принял условия контракта и дал согласие. Руссо постулировал абсолютную добровольность присоединения и возложил на членов общества ответственность выбирать не только за себя, но и за потомков. Государственная форма – это альтернативное бытие человека [8].

Для жизнедеятельности государства требуются нормативные акты. Их главная функция – гарантировать независимость и справедливость: «К независимости – так как подчинённость частному лицу ... ослабляет мощь государства; к справедливости, поскольку свобода невозможна без неё» [7, с. 188]. Независимость – фундаментальное качество личности: «Отречься от свободы означает отречься от человеческого достоинства, прав и обязанностей. Это противоречит человеческой сущности» [6, с. 8].

Руссо разграничивает природную и социальную свободы. Первая опирается на физическую мощь и почти не отличается от животной свободы. Здесь независимость трактуется как качество социализированного человека; она коренится в законности и взаимных соглашениях, подобно самому обществу: «...гражданская независимость берёт начало в человеческой природе» [6, с. 4]. Однако справедливость получает у Руссо приоритет – она служит основой и защитой свободы. Справедливость предполагает определённый баланс как во власти, так и в материальных ресурсах: «Справедливость не предполагает, что все владеют одинаковой мощью и достатком; однако относительно власти она должна быть организована так, чтобы избежать деспотизма и действовать согласно закону и положению в обществе; относительно имущества – никто не должен накапливать такое богатство, позволяющее подчинять людей, и никто не должен быть в такой нужде, чтобы вынужденно служить» [5]. Это видение образец справедливого строя и прообраз современного социального государства.

Государственное устройство тем стабильнее, чем органичнее согласуются акты с традициями, с особенностями конкретного сообщества: «Государство утверждается наиболее устойчиво, когда традиции соблюдаются неукоснительно, так что правовые нормы и естественные связи совпадают, позволяя друг другу укрепляться» [5]. Это свидетельствует о доверии Руссо к естественным закономерностям: природа – более совершенный регулятор, нежели человеческий разум [7]. Данный вывод релевантен и сегодня: внедряя те или иные политические модели, необходимо учитывать её культурную и историческую восприимчивость. Мыслители Просвещения, несмотря на репутацию абстрактности их учений, осознавали необходимость увязывать законы с глубинными основаниями; к сожалению, современные политологи нередко это игнорируют [9].

Руссо видит оптимальной системой правления выборную аристократию, которая объединяет достоинства как монархического, так и демократического устройства. При такой организации население в полной мере реализует собственный суверенитет в качестве носителя высшей власти законодательной, а управляющие функционируют как наиболее достойные члены общества. Баланс достигается благодаря отсутствию как излишней централизации, так и чрезмерного рассеивания полномочий – это компромиссное решение. По мнению мыслителя, государство функционирует наилучшим образом «при условии, что его возглавляют наиболее просвещённые люди и решения их принимаются в интересах большинства» [7, с. 202]. Однако возникает парадокс: Руссо, являясь сторонником народа и его верховенства, одновременно полагает прямую демократию нежизнеспособной практически. Сам автор объясняет противоречие своей логикой: «Воля

социума всегда справедлива, однако разум, который её ориентирует, часто ошибается» [6, С. 33]. Выборная аристократия интегрирует эффективность монархии с принципом народного участия, исключая их недостатки: присвоение власти отдельными лицами, игнорирование общегосударственных задач и постоянную угрозу внутренних конфликтов. Достоинства этой системы двойственны: во-первых, выборный характер власти, во-вторых, практическое воплощение просвещённого управления, адекватного человеческой природе – правления умственной элиты. Такая верхушка представляет наиболее развитую часть населения, способную быть проводником общественных интересов. При этом режиме «образованность, компетентность, заслуги и прочие параметры, вызывающие общественное признание, становятся гарантией мудрого администрирования» [6, с. 202]. Руссо соглашается с вольтеровской концепцией просвещённого правления, но предполагает её существенную трансформацию в направлении большей демократичности [3].

Суверен в системе Руссо – это народ, именно он определяет государственное устройство посредством народного собрания. Однако существует важное ограничение: собрания могут проводиться исключительно в установленные законодательством периоды, иначе их решения теряют юридическую силу: «Любое собрание граждан, инициированное не должностными лицами и не соответствующее установленному порядку, лишено правовой основы и всё, что там решается, не имеет значения, ибо само приказание о созыве обязано исходить от Закона» [6, с. 219]. Между созывами функционирует исполнительная структура – правительство. Его роль определяется как посредническая: это «орган, установленный для связи между населением и верховной властью, несущий ответственность за реализацию законов и охрану политических и личных свобод» [7, с. 192].

Регулярные собрания служат механизмом предотвращения захвата власти администрацией, поскольку они созываются в соответствии с правовыми нормами, а не по решению правящих. Данная система требует от членов общества активной позиции, готовности отстаивать собственные права перед властью имущими. Аналогично телу с его органами, государство и граждане нуждаются друг в друге. Исходя из этой логики, общественный договор предусматривает: «Подобно тому, как организм наделяет человека полной властью над своими органами, договор наделяет государство полной властью над каждым из составляющих его граждан» [6, с. 25]. Философ исходит из представления о политической системе как о живом, едином целом, где недопустимо противоречие между её компонентами. «Это общественное единство именуется политической структурой, которая называется государством в пассивном состоянии и сувереном в активном» [7]. Полная передача прав имела целью достичь совпадения целей общества и государства. Так, исследователь В. Ф. Асмус отмечал, что позиция Руссо такова: каждый, подчиняясь обществу, по сути, повинует только собственной воле. Для реализации этого парадокса мыслитель переосмысливает саму категорию индивидуального права: он наделяет каждого человека неотъемлемым правом участвовать в принятии всех общественных решений.

Суверенитет, по Руссо, неотчуждаем, поэтому представительная власть невозможна: «Верховность не допускает передачи по той же причине, по которой она неотчуждаема. Она содержится в коллективной воле, а воля не может быть ничем заменена: либо она существует, либо её нет» [7, с. 221-222].

Вопрос о способах определения общественного согласия у Руссо остаётся малоисследованным – мыслитель обходит эту проблематику стороной. Чтобы граждане руководствовались исключительно коллективными потребностями, требуется подавить приватные амбиции и ослабить их воздействие на общественную жизнь. В силу этого Руссо критикует партийные организации, поскольку считает их деструктивными для персональной независимости. Когда человек становится членом партии, он ориентируется на её интересы вместо того, чтобы следовать государственным приоритетам [5].

Руссо многократно подчёркивает, что государственная мощь зависит от того, насколько граждане заинтересованы в его функционировании, от гармонии между личными стремлениями и общегосударственными нуждами. Когда эти силы входят в противоречие, государство теряет прочность. Исходя из этого, философ полагает обоснованным и необходимым государственный контроль над общественной нравственностью – граждане должны осуществлять самоанализ. «Нравы людей представляют собой разновидность закона, надзирателем которого выступает цензорская власть» [7, с. 246]. Этот механизм преследует двойственную цель: обеспечивает возможность развития на основе общей воли и одновременно «укрепляет нравственность, препятствует нравственной деградации, поддерживает верность убеждений» [7, с. 246] – содержит консервирующий элемент. В работе «О политической экономии» Руссо обоснованно утверждал, что нормативно-правовые акты сами по себе недостаточны для человеческого достоинства, необходима иная, более глубокая основа – морально-нравственное совершенство граждан: «недостаточно наличия честных людей для исполнения законов; в действительности лишь добродетельные люди способны их соблюдать» [7]. В отличие от просветителей, которые возлагали надежды на законодательство и послушание

ему, Руссо апеллирует к нравственным ресурсам человека. Подтверждение этой позиции можно обнаружить в окружающей нас социальной реальности.

Аналогичной функции служит конструируемая Руссо гражданская вера – синтез наиболее государственно-полезных религиозных идей и политического просвещения. «Верования этой веры должны быть доступны, малочисленны, ясно сформулированы... Божество всеильно, разумно, благотворно; потусторонний мир; воздаяние благочестивым, мучение грешникам, неприкосновенность Договора общества и Законов – таковы позитивные основы веры» [7, с. 254]. Подобная система должна внушать населению понимание значимости их гражданского долга. Социум нуждается в единстве фундаментальных духовно-нравственных ориентиров. Современная политическая инкультурация преследует ту же задачу: интегрировать личность в пространство политических смыслов и норм, определяющих её бытие и социальное восприятие. Это находит отражение, например, в международных документах о правах, в функционировании наднациональных структур, мониторинга их соблюдение. Благодаря этим механизмам государство по идее Руссо обретает целостность, достаточную мощь для защиты граждан и одновременно для их направления и надзора. Ценность теории Руссо в том, что он, будучи политическим мыслителем, продемонстрировал логику практического воплощения своих взглядов. Ясно, что полнота государственной власти и её полномочий реализуется только при поглощении личности государством, при их слиянии в единое целое [4]. Обще-ственно-индивидуальное единство, как показал Руссо, сохраняется не исключительно через правовые рамки, но и посредством нравственного сопереживания, эмоциональной общности.

Выводы

В целом, современное поликультурное сообщество испытывает всё возрастающие трудности в достижении консенсуса по актуальным проблемам. Цифровая демократия, предсказываемая исследователями десятки лет тому назад, превращается в действительность, предоставляя избирателям атрибуты суверенитета в понимании Руссо. Одновременно с этим трансформация законодательных структур в направлении бюрократической централизации и скопления властных функций в среде правящего класса воплощает на практике «представительную олигархию», о которой писал Руссо. Но это не олигархия духовного возвышения, а управленческое сословие. Специалисты в политических науках объясняют упадок традиционных партийных механизмов бурным темпом трансформации социальных структур. Отдельные элементы модели Руссо прослеживаются в реальности, однако её суть и нравственный стержень исчезли. Вследствие этого формируемое ныне «согласие» вызывает опасения относительно своего развития. Философы К. Поппер и Б. Рассел рассматривали концепцию государства Руссо как авторитарную систему, указывая на недостаток демократических процедур и навязываемое идеологическое единообразие, хотя их анализ оставался на уровне внешних характеристик его философии.

Список источников

1. Асмус В. Ф. Руссо. М., 1962. 295 с.
2. Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004. 314 с.
3. Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. 352 с.
4. Рассел Б. История западной философии. М., 1993. Т. 2. 297 с.
5. Руссо Ж.Ж. О политической экономии // Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 109 – 142.
6. Руссо Ж.Ж. Собрание сочинений. Киев, 1904. 392 с.
7. Руссо. Об общественном договоре // Руссо. Трактаты. М., 1969. С. 151 – 257.
8. Скопа В.А. Просветительская философия культуры Ж. Ж. Руссо // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования: материалы IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Барнаул, 2021. Вып. 4. С. 150 – 153.
9. Сморгун Л.В. Современная сравнительная политология. М., 2002. 218 с.

References

1. Asmus V.F. Russo. Moscow, 1962. 295 p.
2. Cassirer E. Philosophy of Enlightenment. Moscow, 2004. 314 p.
3. Popper K. The Open Society and Its Enemies. Moscow, 1992. Vol. 2. 352 p.
4. Russell B. History of Western Philosophy. Moscow, 1993. Vol. 2. 297 p.
5. Russo J.J. On Political Economy. Russo. Tractates. Moscow, 1969. P. 109 – 142.
6. Russo J.J. Collected Works. Kyiv, 1904. 392 p.
7. Russo. On the Social Contract. Russo. Tractates. M., 1969. P. 151 – 257.

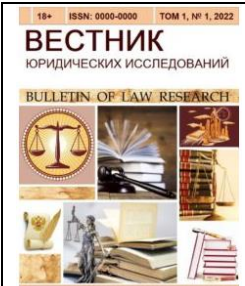
8. Skopa V.A. Enlightenment philosophy of culture by J.J. Rousseau. Philosophical, sociological, and psychological-pedagogical problems of modern education: materials of the IV All-Russian (with international participation) scientific and practical conference. Barnaul, 2021. Issue 4. P. 150 – 153.

9. Smorgunov L.V. Modern comparative political science. M., 2002. 218 p.

Информация об авторе

Скопа В.А., доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный педагогический университет

© Скопа В.А., 2026

	<p>Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / <i>Bulletin of Law Research</i>» https://blr-journal.ru 2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 https://blr-journal.ru/archives/category/publications Научная статья / Original article УДК 321.01:004 DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-32-39</p>
--	---

Региональные модели цифрового патернализма: сравнительный анализ практик Москвы и Республики Татарстан в постпандемийный период (2021-2023)

¹ Суров М.Ю.,

¹ Славяно-греко-латинская академия

Аннотация: в статье анализируются региональные модели цифрового патернализма в России на примере Москвы и Республики Татарстан в постпандемийный период (2021–2023). Цель – выявить механизмы баланса между сервисной поддержкой граждан и инфраструктурным контролем в условиях проактивной цифровизации государственного управления. Исследование охватывает цифровые государственные услуги в сферах ЖКХ и социальной поддержки. Сравнение проводится по четырём измерениям: архитектура платформ, практики работы с данными, режимы «заботы/контроля» и институциональная среда. Метод – сравнительный кейс-стади и анализ нормативных регламентов. Выявлены ключевые различия между платформенно-сервисной моделью Москвы и экосистемно-гибридной моделью Татарстана; установлено, что централизация повышает сервисную эффективность, но усиливает риски цифрового исключения. Сформулированы рекомендации по повышению объяснимости алгоритмических решений и сохранению альтернативных каналов взаимодействия.

Ключевые слова: цифровой патернализм, проактивные государственные услуги, государственное управление, цифровая трансформация, Москва, Республика Татарстан, алгоритмическое управление, постпандемийный период, цифровое неравенство

Для цитирования: Суров М.Ю. Региональные модели цифрового патернализма: сравнительный анализ практик Москвы и Республики Татарстан в постпандемийный период (2021-2023) // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 32 – 39. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-32-39

Поступила в редакцию: 20 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

Regional models of digital paternalism: a comparative analysis of practices in Moscow and the Republic of Tatarstan in the post-pandemic period (2021-2023)

¹ Surov M. Yu.,

¹ Slavic-Greek-Latin Academy

Abstract: the article analyzes regional models of digital paternalism in Russia, using Moscow and the Republic of Tatarstan as case studies for the post-pandemic period (2021–2023). The aim is to identify mechanisms balancing service support for citizens with infrastructural control in the context of proactive digitalization of public administration. The study examines digital public services in the areas of housing and social support. Comparison is conducted across four dimensions: platform architecture, data practices, care/control modes, and institutional environment. The methodology combines comparative case study with analysis of regulatory frameworks. Key differences are identified between Moscow's platform-service model and Tatarstan's ecosystem-hybrid model; it is established that centralization increases service efficiency while intensifying digital exclusion risks. Recommendations

are formulated for improving the explainability of algorithmic decisions and preserving alternative interaction channels.

Keywords: digital paternalism, proactive public services, public administration, digital transformation, Moscow, Republic of Tatarstan, algorithmic governance, post-pandemic period, digital inequality

For citation: Surov M.Yu. Regional models of digital paternalism: a comparative analysis of practices in Moscow and the Republic of Tatarstan in the post-pandemic period (2021-2023). Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 32 – 39. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-32-39

The article was submitted: January 20, 2025; Approved after reviewing: March 19, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

В постпандемийный период (2021-2023) российская цифровизация государственного управления сместилась от заявительной логики к проактивной: гражданин всё чаще получает уведомление и подтверждает уже собранные государством сведения, а не инициирует процесс сам. Это снижает транзакционные издержки, но одновременно усиливает зависимость доступа к социальным благам от цифровой идентичности и качества данных в реестрах. Ошибки сопоставления идентификаторов, сбои межведомственной верификации и непрозрачные алгоритмические проверки приводят к отказам и задержкам в доступе к жизненно важной поддержке [11; 12].

Пандемия COVID-19 стала катализатором этого сдвига. В 2020-2021 годах необходимость дистанционного взаимодействия с государством создала политическое давление в пользу ускоренного перевода услуг в цифровой формат. Если до пандемии проактивные услуги воспринимались как перспективная инновация, то после неё – как инфраструктурная необходимость. Однако ускоренное внедрение обострило системные противоречия: платформы масштабировались быстрее, чем формировались механизмы контроля качества данных и защиты прав граждан при автоматизированных отказах. Проблематика вопроса состоит в том, что переход к проактивной цифровой модели государственного управления неизбежно создаёт асимметрию между сервисной эффективностью и автономией гражданина. Государство, действующее «в фоновом режиме», снижает видимые издержки взаимодействия, но одновременно ограничивает возможности гражданина понимать, оспаривать и контролировать принимаемые в отношении него решения. Это противоречие разные регионы разрешают по-разному – и именно региональное измерение остаётся недостаточно изученным в российской научной литературе.

Материалы и методы исследований

Цель статьи – выявить и сравнить региональные модели цифрового патернализма на примере Москвы и Республики Татарстан, определить их ключевые характеристики, профили рисков и условия легитимации. Для достижения цели решаются следующие задачи: операционализировать понятие цифрового патернализма применительно к региональным практикам предоставления государственных услуг; разработать аналитическую рамку для сравнения региональных моделей; провести сравнительный анализ практик двух регионов в сферах ЖКХ и социальной поддержки; выявить общие риски и сформулировать рекомендации по их снижению.

Цифровой патернализм: понятие и истоки

Под цифровым патернализмом в данной работе понимается комплекс управленческих практик, где «забота» о гражданах – это сервисность, безопасность, снижение издержек, которые реализуются через цифровые интерфейсы и проактивные сценарии, а «контроль» – это требования к идентификации, стандартизированные траектории взаимодействия и межведомственную верификацию данных [10, 14].

Концепция цифрового патернализма развивает классическую дискуссию о границах государственного вмешательства в автономию индивида. В либеральной традиции, восходящей к Дж. Ст. Миллю, патернализм оправдан лишь в случаях предотвращения прямого вреда. Цифровой патернализм смещает эту границу: государство действует не через прямые запреты, а через «архитектуру выбора» – дизайн интерфейсов, алгоритмические фильтры и умолчания систем. Гражданин технически сохраняет право выбора, но практически ограничен цифровой инфраструктурой, которую он не контролирует и зачастую не видит.

Концепция «архитектуры выбора», разработанная Р. Талером и К. Санстейном в работе «Nudge» [20], описывает механизм, при котором дизайн среды направляет поведение людей без явного принуждения. В контексте государственного управления этот механизм приобретает особое значение. Государство, проек-

тируя интерфейс взаимодействия с гражданином, одновременно задаёт и рамку возможных действий. К. Янг обозначает такой тип управления как «алгоритмическое регулирование» – ситуацию, когда технические системы берут на себя нормативные функции, ранее принадлежавшие праву и усмотрению чиновника [21].

В российском контексте цифровой патернализм приобретает особые черты. Традиционно высокая роль государства в распределении социальных благ создаёт институциональную предрасположенность к патерналистским практикам. Цифровизация не устраняет эту логику, а переносит её в новую среду. Место очереди к чиновнику занимает алгоритм, но асимметрия между государством и гражданином сохраняется и в ряде аспектов усиливается [14]. Переход от модели «нового государственного управления» (NPM) к «цифровому управлению» (Digital-Era Governance), описанный П. Данливи и соавторами [22], означает не просто смену технологий, но изменение самой логики легитимации государственной власти. Её источником становится не процедурная справедливость, а сервисная эффективность.

Алгоритмическое управление и «регулирование по дизайну»

Алгоритмические решения в сфере государственных услуг исследуются в литературе преимущественно через два угла зрения. Первый – технократический: алгоритмы повышают эффективность, снижают коррупцию и обеспечивают единообразие решений [17]. Второй – критический: алгоритмы воспроизводят и усиливают существующие неравенства, создают непрозрачные основания для отказов и лишают гражданина содержательной возможности оспорить решение [21].

Дж. Данахер и соавторы вводят понятие «алгоритмического управления» как ситуации, при которой системы принятия решений функционируют без прямого человеческого надзора над каждым конкретным случаем [23]. В контексте проактивных государственных услуг это означает, что решение о предоставлении или отказе в льготе принимается до того, как гражданин вообще вступает во взаимодействие с системой. Такая логика радикально меняет природу административного акта – он перестаёт быть ответом на запрос и становится результатом автоматизированной классификации.

Цифровое неравенство как системный риск

Переход к проактивным цифровым услугам обостряет проблему цифрового неравенства. Я. ван Дейк разграничивает несколько уровней цифрового разрыва: доступ к технологиям, навыки использования, качество использования и конечные социальные результаты [24]. Проактивная модель государственного управления создаёт новую форму неравенства. Граждане с устойчивой цифровой идентичностью и актуальными реестровыми данными получают услуги автоматически, тогда как граждане с низкими цифровыми компетенциями, устаревшими или ошибочными данными в реестрах оказываются в ситуации де-факто исключения из системы социальной поддержки – даже сохраняя де-юре право на неё.

В российском контексте эта проблема усугубляется неравномерностью цифровой инфраструктуры между регионами и социальными группами. При этом именно социально уязвимые категории граждан – пожилые, малообеспеченные, жители сельских территорий в наибольшей степени зависят от государственной поддержки и в наименьшей степени интегрированы в цифровые экосистемы [11].

Аналитическая рамка исследования

Операционализация концепции цифрового патернализма проводится по четырём измерениям. Первое – архитектура платформ и механизмы идентификации: как устроен доступ к услугам, насколько централизована инфраструктура, какие требования предъявляются к цифровой идентичности гражданина. Второе – практики работы с данными и межведомственные проверки: какова степень автоматизации верификации, насколько видима гражданину логика и основания проверок. Третье – режимы «заботы» и «контроля» в пользовательском интерфейсе: как в дизайне платформы соотносятся элементы поддержки и ограничения. Четвёртое – институциональная среда: наличие альтернативных каналов, механизмов обжалования, правовых гарантий.

Такой подход позволяет рассматривать цифровой патернализм не как набор отдельных элементов, а как соотношение инфраструктурного принуждения и интерфейсной сервисности – соотношение, которое в разных регионах складывается по-разному.

Исследование построено на сравнительном анализе двух систем. Выбор Москвы и Татарстана обусловлен их лидирующими позициями в рейтингах цифровой зрелости субъектов Федерации и принципиально различными архитектурными решениями, принятыми при построении региональных платформ. Это делает их максимально информативным объектом для сравнения в логике наиболее несхожих случаев. Если два лидера цифровизации демонстрируют устойчивые различия в профилях патернализма, это свидетельствует о том, что различия обусловлены не уровнем цифрового развития, а институциональными и архитектурными выборами.

Эмпирическую базу составили нормативно-правовые акты и регламенты услуг на порталах mos.ru и uslugi.tatarstan.ru, отраслевые отчёты Минцифры и Роскомнадзора за 2021–2023 годы [11; 12], наборы открытых данных обоих регионов [15], а также материалы о внедрении технологий ИИ в государственное управление [13; 17; 18]. Анализ проводился по единому протоколу для каждой системы: фиксировались архитектурные решения платформы, требования к идентификации, регламенты межведомственного взаимодействия, интерфейсные механизмы уведомлений и отказов, наличие и доступность каналов обжалования.

Предметная область намеренно ограничена двумя типами услуг – субсидии на оплату ЖКУ и поддержка многодетных семей. Оба типа характеризуются высокой социальной значимостью, регулярностью взаимодействия гражданина с платформой и наличием автоматизированных компонентов принятия решений.

Анализ осуществляется за счет использования регламентов и официальных данных. Это означает, что фактические барьеры и сбои, с которыми сталкиваются пользователи, могут быть недооценены.

Результаты и обсуждения

Модель Москвы

Московская модель строится на платформенной централизации: портал mos.ru – единая точка входа для подавляющего большинства городских услуг. Архитектура ориентирована на пользовательский опыт (UX), однако централизация одновременно означает, что контроль встроен в сам интерфейс [4; 7].

1. Архитектура и идентификация. Доступ к государственным услугам требует полноценной учётной записи на официальном городском портале – mos.ru, которая фиксирует цифровую идентичность гражданина в экосистеме города и делает её условием получения поддержки [7, 9]. Портал интегрирует не только административные услуги, но и другие различные сервисы: здравоохранение (ЕМИАС) [2], образование (электронный дневник), транспорт и ЖКХ. Таким образом создается единый цифровой профиль горожанина, охватывающий практически все сферы взаимодействия с городской инфраструктурой.

Такая архитектура имеет очевидные преимущества: один логин, единый интерфейс, сквозная история взаимодействий. Однако она создаёт структурную уязвимость. Сбой или блокировка учётной записи означает одновременную утрату доступа ко всем услугам. Для социально уязвимых категорий граждан, чья жизнь в наибольшей степени зависит от государственной поддержки, эта уязвимость наиболее критична.

2. Данные и проверки. Межведомственная верификация сокращает объём действий заявителя, но делает результат чувствительным к качеству реестровых данных. Расхождения в сведениях ведут к автоматическим приостановкам или отказам [4; 7]. При этом гражданин получает уведомление о результате без детального объяснения того, какие именно данные стали источником расхождения и в каком реестре содержится ошибка. Это воспроизводит информационную асимметрию, характерную для традиционной бюрократической модели, но уже в автоматизированной форме.

Алгоритмы ИИ применяются для предиктивной аналитики: система заранее выявляет граждан, потенциально нуждающихся в льготах, и проактивно предлагает им услуги [18]. Это повышает охват, но усиливает зависимость от точности алгоритма и исходных данных [15].

3. Забота и контроль. «Забота» выражается в безбумажной подаче документов, оперативных уведомлениях о статусе и персонализированных подсказках. Дизайн платформы последовательно снижает когнитивную нагрузку на пользователя. Интерфейс подсказывает следующий шаг, заранее заполняет поля, которые государство уже знает, и предупреждает, когда льгота вот-вот истечёт.

«Контроль» тут строится через стандартизацию условий и перекладывание ответственности за данные на пользователя. Цифровое удостоверение многодетной семьи с QR-кодом – хороший пример того, как это выглядит на практике. Оно упрощает подтверждение статуса, но получение льгот оказывается привязано к тому, работает ли платформа и не ошиблась ли AI-система [7; 8]. Человек, чей аккаунт заблокирован или в реестре возникает ошибка, льгот не получит, хотя юридически статус за ним по-прежнему сохраняется.

Модель Республики Татарстан

Модель Татарстана устроена иначе. Региональный портал и МФЦ работают как взаимозаменяемые каналы, которые можно выбирать. Регламенты и основания для отказа прописаны подробнее и шансов оспорить решение становится больше [1; 3; 5].

1. Архитектура и идентификация. Портал uslugi.tatarstan.ru – основная точка взаимодействия, но не единственная. МФЦ сохраняют полноценную функциональность и не редуцированы до роли «точки помощи с порталом». Это снижает риск цифрового исключения для граждан с ограниченным доступом к технологиям или низкими цифровыми компетенциями [24]. Гибридность каналов также означает, что сбой цифровой инфраструктуры не парализует доступ к услугам полностью.

Идентификация менее централизована, чем в Москве. Ряд услуг доступен без создания полноценного цифрового профиля или может быть получен офлайн. Это снижает охват предиктивной аналитики, но сохраняет альтернативные маршруты для граждан, не интегрированных в цифровую экосистему.

2. Субсидия на оплату ЖКУ. Региональный портал – основной канал подачи заявлений с детально проработанным интерфейсом отслеживания статуса [3]. Все этапы и требования чётко артикулированы, логика принятия решения доступна пользователю [3; 5; 6]. Основания для отказа сформулированы в регламенте явно – гражданин может заранее оценить своё соответствие критериям и понять, какой именно документ стал причиной отрицательного решения. Прозрачность регламента создаёт условия для содержательного обжалования, гражданин знает, что оспаривать.

3. Поддержка многодетных семей. Оформление статуса предусматривает как онлайн, так и офлайн-каналы через МФЦ [1]. Решение основывается на формализованных признаках; согласованность данных между ведомственными системами – ключевое условие стабильности для получателей помощи. Интеллектуальные системы – голосовые помощники и чат-боты, в частности виртуальный помощник «Лилия» [19] используются для первичной консультации и верификации документов. Интерфейс сопровождает участие гражданина, а не замещает его.

«Контроль» реализуется через стандартизацию критериев. Интерфейс задаёт рамку допустимых действий и сокращает пространство неформальных решений [1; 5]. Однако стандартизация здесь видима и объяснима, а не встроена в UX как невидимое ограничение.

Проведем сравнительный анализ моделей.

Сопоставление кейсов показывает, что значительная часть цифрового патернализма реализуется через «регулирование по дизайну» [21]. Интерфейс платформы, усиленный алгоритмами ИИ, задаёт последовательность шагов и форматы данных, направляя поведение пользователя. По мере роста ИТ-отрасли численность специалистов в компаниях достигла 1,1 млн человек [16] и возможности государства по автоматизации социального контроля расширяются.

Таблица 1

Сравнительный анализ региональных моделей цифрового патернализма.

Table 1

Comparative analysis of regional models of digital paternalism.

Измерение	Москва	Республика Татарстан
Архитектура	Централизованная точка входа (mos.ru);	Гибридный режим (портал – МФЦ – ведомства);
Данные и проверки	Верификация скрыта за интерфейсом; логика отказов непрозрачна;	Проверки видимы через регламент; основания отказа явно сформулированы;
Забота/контроль	Контроль растворён в UX; ответственность за данные на гражданине;	Контроль через предсказуемость регламента; многоканальность снижает принуждение;
Применение ИИ	Предиктивная аналитика, проактивные предложения услуг;	Консультативные системы (чат-боты, голосовые помощники), верификация документов;
Институциональная среда	Риск «единой точки отказа»; высокая зависимость от цифрового профиля;	Альтернативные офлайн-каналы; устойчивость к цифровому исключению выше;
Возможности обжалования	Затруднены из-за непрозрачности логики отказов;	Облегчены прозрачностью регламента.

Ключевые риски обеих моделей связаны с ошибками сопоставления идентификаторов, цифровым исключением и зависимостью доступа к социальным благам от состояния учётной записи [11; 12]. Предвзятость или некорректная работа алгоритмов ИИ усугубляет эти риски. Автоматизированный отказ воспроизводит ошибку систематически, а не как исключение [23]. При этом оба региона пока не выработали меха-

низма, который позволял бы гражданину получить содержательное объяснение алгоритмического решения и эффективно его оспорить.

Особую уязвимость создаёт совпадение двух факторов: проактивность системы и непрозрачность верификации. Если гражданин сам инициирует запрос, он знает, что запрос подан и что ожидать ответа. В проактивной модели он может не узнать об отказе вовремя – или вовсе не осознать, что решение было принято автоматически и может быть оспорено. Это противоречие между «невидимостью» государства и правом гражданина на информированное участие в административном процессе остаётся центральным нерешённым вопросом проактивной цифровизации.

Снижение рисков требует мер на трёх уровнях. На уровне архитектуры – сохранение и развитие офлайн-каналов как полноценной альтернативы, а не вспомогательного инструмента. На уровне данных – повышение объяснимости алгоритмических решений. Гражданин должен получать информацию не только о результате, но и о том, какие данные и из каких реестров были использованы при его формировании. На уровне институтов – создание эффективных маршрутов эскалации жалоб на автоматизированные решения, включая право требовать проверки решения человеком [5; 11]. Региональный опыт Татарстана в части видимости регламентов заслуживает распространения – в том числе применительно к московской модели.

Выводы

Цифровой патернализм в постпандемийный период представляет собой структурное сочетание сервисной проактивности и инфраструктурного контроля. Москва и Татарстан реализуют это сочетание по-разному. Москва – через централизацию и встроенный в UX контроль, Татарстан – через гибридность каналов и прозрачность регламентов. Эти различия формируют разные профили рисков и разные условия для легитимации цифрового государства.

Московская модель эффективнее с точки зрения охвата и скорости предоставления услуг, но создаёт более высокую зависимость гражданина от бесперебойной работы платформы и корректности алгоритмов. Татарстанская модель уступает по удобству интерфейса, но устойчивее к цифровому исключению и предоставляет гражданину больше инструментов для понимания и оспаривания принятых решений.

Ни одна из моделей не решает принципиальное противоречие цифрового патернализма. Чем удобнее и невидимее государство, тем меньше у гражданина возможностей влиять на решения, которые его касаются. Продвижение к подлинно сервисному государству требует не только улучшения интерфейсов, но и институциональных механизмов, обеспечивающих прозрачность алгоритмов, объяснимость отказов и реальную возможность обжалования.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим изучением опыта граждан – в первую очередь социально уязвимых групп при взаимодействии с проактивными платформами, а также со сравнительным анализом данных об оспоренных автоматизированных решениях в разных регионах.

Список источников

1. Выдача удостоверения, подтверждающего статус многодетной семьи в Российской Федерации // Портал госуслуг Республики Татарстан. URL: <https://uslugi.tatarstan.ru/service/detail/24446> (дата обращения: 10.01.2026)
2. ЕМИАС // Официальный портал электронных сервисов московского здравоохранения. URL: <https://emias.info/> (дата обращения: 10.01.2026)
3. Назначение субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг // Портал госуслуг Республики Татарстан. URL: <https://uslugi.tatarstan.ru/service/detail/15444> (дата обращения: 10.01.2026)
4. Официальный портал Мэра и Правительства Москвы (mos.ru). Раздел «Услуги». URL: <https://www.mos.ru/services/> (дата обращения: 10.01.2026)
5. Портал государственных и муниципальных услуг Республики Татарстан. URL: <https://uslugi.tatarstan.ru/> (дата обращения: 10.01.2026)
6. О предоставлении субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг: постановление Правительства Российской Федерации от 14.12.2005 № 761 (ред. от 2023 г.). URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102103444> (дата обращения: 10.01.2026)
7. С начала года горожане более 20 тысяч раз подали заявление на оформление субсидии на оплату ЖКУ через mos.ru // Официальный сайт МОСГАЗ. 06.06.2022. URL: <https://www.mos-gaz.ru/press-service/news-moscow/2022/06/06/6504> (дата обращения: 10.01.2026)
8. В Москве появилось цифровое удостоверение многодетной семьи (QR-код) на mos.ru // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21066689> (дата обращения: 10.01.2026)

9. Москвичи смогут оформить статус многодетной семьи через mos.ru // ТАСС. 2020. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/9537469> (дата обращения: 10.01.2026)
10. О персональных данных: федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108261> (дата обращения: 10.01.2026)
11. Интернет в России в 2022-2023 годах: отраслевой доклад Минцифры России. М.: Минцифры России, 2023. 124 с.
12. Публичный отчёт о результатах деятельности Роскомнадзора в 2022 году. М., 2023. 48 с.
13. Стребкова К.Е., Мальцева Д.А., Федотов Д.А. Технологии искусственного интеллекта как инновационный инструмент реализации государственной молодежной политики РФ: стратегии, механизмы и практики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 590 – 605.
14. Поляков С.В. Феномен цифрового патернализма как фактор трансформации государственной молодежной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 606 – 618.
15. Бегтин И.В. Открытые данные в России: текущее состояние и тенденции развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 1. № 4 (136). С. 112 – 120.
16. Шадаев: ИТ-отрасль РФ показала рост по объёму реализации в I полугодии на 15% // ТАСС. Экономика. 07.10.2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25270343> (дата обращения: 11.01.2026)
17. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 10.01.2026)
18. Спецпроект: Искусственный интеллект в Москве // Официальный сайт Мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/ai/> (дата обращения: 10.01.2026)
19. Виртуальный помощник Лилия // Портал государственных и муниципальных услуг Республики Татарстан. URL: <https://uslugi.tatarstan.ru/news/show/24> (дата обращения: 10.01.2026)
20. Thaler R., Sunstein C. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven: Yale University Press, 2008. 293 p.
21. Yeung K. Algorithmic regulation: A critical interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 505 – 523.
22. Margetts H., Dunleavy P. The Second Wave of Digital-Era Governance: A Quasi-Paradigm for Government on the Web // Philosophical Transactions of the Royal Society A. 2013. Vol. 371. No. 1987. P. 1 – 17. DOI: 10.1098/rsta.2012.0382.
23. Danaher J., Hogan M.J., Noone C., Kennedy R., Behan A., De Paor A., Felzmann H., Haklay M., Khoo S.-M., Morison J., Murphy M.H., O'Brolchain N., Schafer B., Shankar K. Algorithmic governance: Developing a research agenda through the power of collective intelligence // Big Data & Society. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 1 – 21.
24. J. van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge: Polity Press, 2020. 184 p.

References

1. Issuance of a Certificate Confirming the Status of a Large Family in the Russian Federation. Portal of Public Services of the Republic of Tatarstan. URL: <https://uslugi.tatarstan.ru/service/detail/24446> (date of access: 10.01.2026)
2. EMIS. Official Portal of Electronic Services of Moscow Healthcare. URL: <https://emias.info/> (date of access: 10.01.2026)
3. Assignment of a Subsidy for the Payment of Housing and Utilities. Portal of Public Services of the Republic of Tatarstan. URL: <https://uslugi.tatarstan.ru/service/detail/15444> (date of access: 10.01.2026)
4. Official Portal of the Mayor and Government of Moscow (mos.ru). Section "Services". URL: <https://www.mos.ru/services/> (date of access: 10.01.2026)
5. Portal of public and municipal services of the Republic of Tatarstan. URL: <https://uslugi.tatarstan.ru/> (date of access: 10.01.2026)
6. On the provision of subsidies for the payment of housing and utilities: Resolution of the Government of the Russian Federation of 14.12.2005 No. 761 (as amended in 2023). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102103444> (date of access: 10.01.2026)

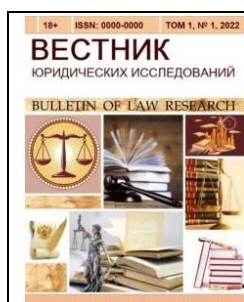
7. Since the beginning of the year, city residents have applied for a subsidy for housing and utilities through mos.ru more than 20,000 times. Official website of MOSGAZ. 06.06.2022. URL: <https://www.mos-gaz.ru/press-service/news-moscow/2022/06/06/6504> (date of access: 10.01.2026)
8. A digital certificate of large families (QR code) has appeared in Moscow on mos.ru. TASS. 2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21066689> (date of access: 10.01.2026)
9. Muscovites will be able to obtain large family status through mos.ru. TASS. 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9537469> (date of access: 10.01.2026)
10. On personal data: Federal Law No. 152-FZ of 27.07.2006. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108261> (date of access: 10.01.2026)
11. The Internet in Russia in 2022-2023: industry report of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Moscow: Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation, 2023. 124 p.
12. Public report on the results of Roskomnadzor's activities in 2022. Moscow, 2023. 48 p.
13. Strebkova K.E., Maltseva D.A., Fedotov D.A. Artificial Intelligence Technologies as an Innovative Tool for Implementing the State Youth Policy of the Russian Federation: Strategies, Mechanisms, and Practices. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2025. Vol. 27. No. 3. P. 590 – 605.
14. Polyakov S.V. The Phenomenon of Digital Paternalism as a Factor in the Transformation of State Youth Policy. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2025. Vol. 27. No. 3. P. 606 – 618.
15. Begtin I.V. Open Data in Russia: Current State and Development Trends. Economy and Management: Problems, Solutions. 2023. Vol. 1. No. 4 (136). P. 112 – 120.
16. Shadayev: The Russian IT Industry Showed a 15% Growth in Sales Volume in the First Half of the Year. TASS. Economy. 10/07/2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25270343> (date of access: 11.01.2026)
17. On the development of artificial intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 (as amended on 15.02.2024) (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence through 2030"). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (date of access: 10.01.2026)
18. Special project: Artificial Intelligence in Moscow. Official website of the Mayor of Moscow. URL: <https://www.mos.ru/city/projects/ai/> (date of access: 10.02.2026)
19. Virtual assistant Lilia. Portal of state and municipal services of the Republic of Tatarstan. URL: <https://uslugi.tatarstan.ru/news/show/24> (date of access: 10.01.2026)
20. Thaler R., Sunstein C. Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness. New Haven: Yale University Press, 2008. 293 p.
21. Yeung K. Algorithmic regulation: A critical interrogation. Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. No. 4. P. 505 – 523.
22. Margetts H., Dunleavy P. The Second Wave of Digital-Era Governance: A Quasi-Paradigm for Governance on the Web. Philosophical Transactions of the Royal Society A. 2013. Vol. 371.No. 1987. P. 1 – 17. DOI: 10.1098/rsta.2012.0382.
23. Danaher J., Hogan M.J., Noone C., Kennedy R., Behan A., De Paor A., Felzmann H., Haklay M., Khoo S.-M., Morison J., Murphy M.H., O'Brolchain N., Schafer B., Shankar K. Algorithmic governance: Developing a research agenda through the power of collective intelligence. Big Data & Society. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 1 – 21.
24. J. van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge: Polity Press, 2020. 184 p.

Информация об авторе

Суров М.Ю., аспирант, Славяно-греко-латинская академия, msx.surov@mail.ru

© Суров М.Ю., 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 340.114.5

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-40-45

Сетевая экспертиза реформы судебного представительства: практика профессионального обсуждения

¹ Салманова А.К., ¹ Аликберов С.А.,

¹ Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: в статье на основе междисциплинарного подхода исследуется трансформация механизмов легитимации законопроектов в условиях цифровизации. Авторы анализируют практику использования дефиниции «сетевой экспертизы» как многосубъектного, публичного и интерактивного процесса обсуждения правотворческих инициатив, разворачивающегося на специализированных интернет-площадках, в профессиональных сообществах и социальных медиа. Показано, что сетевая экспертиза способна выступать действенным механизмом коррекции правотворческой политики, что подтверждается приостановкой жесткого сценария реформы судебного представительства в России переходом к эволюционной модели. Вместе с тем выявлены системные риски: цифровое неравенство, возможность манипуляции общественным мнением, неопределенность правового статуса сетевых отзывов. На основе проведенного анализа предложен комплекс конкретных мер по совершенствованию института общественного обсуждения законопроектов, включающий нормативное закрепление статуса сетевой экспертизы, создание единой цифровой среды правотворчества с элементами искусственного интеллекта, обязательное публичное обоснование отклонения предложений, институционализацию участия научных и профессиональных сообществ, а также внедрение механизмов эволюционной имплементации сложных реформ.

Ключевые слова: сетевая экспертиза, адвокатская монополия, судебное представительство, правовая политика, адвокатура, электронная демократия

Для цитирования: Салманова А.К., Аликберов С.А. Сетевая экспертиза реформы судебного представительства: практика профессионального обсуждения // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 40 – 45. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-40-45

Поступила в редакцию: 4 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

Online expertise on the reform of judicial representation: a professional discussion

¹ Salmanova A.K., ¹ Alikberov S.A.,

¹ North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: this article uses an interdisciplinary approach to examine the transformation of legislative legitimization mechanisms in the context of digitalization. The authors analyze the practice of using the term "online expertise" as a multi-actor, public, and interactive process for discussing legislative initiatives, taking place on special-

ized online platforms, in professional communities, and on social media. It demonstrates that network expertise can serve as an effective mechanism for adjusting legislative policy, as evidenced by the suspension of a rigid reform model and the transition to an evolutionary model. At the same time, systemic risks are identified: digital inequality, the possibility of manipulating public opinion, and the uncertainty of the legal status of online reviews. Based on the conducted analysis, a set of specific measures to improve the institution of public discussion of draft laws is proposed. These include the legal recognition of online expertise, the creation of a unified digital lawmaking environment with elements of artificial intelligence, mandatory public justification for the rejection of proposals, the institutionalization of the participation of scientific and professional communities, and the introduction of mechanisms for the evolutionary implementation of complex reforms.

Keywords: online expertise, attorney monopoly, judicial representation, legal policy, advocacy, e-democracy

For citation: Salmanova A.K., Alikberov S.A. Online expertise on the reform of judicial representation: a professional discussion. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 40 – 45. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-40-45

The article was submitted: January 4, 2025; Approved after reviewing: March 1, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

В российский научный оборот понятие "сетевая экспертиза" введено коллективом авторов Института проблем управления РАН (Д.А. Новиков, Д.А. Губанов, Н.А. Коргин, А.Н. Райков) в монографии «Сетевая экспертиза» (М.: ЭГВЕС, 2011), где дается определение сетевой экспертизы как технологии экспертной поддержки принятия управленческих решений с использованием современных информационно-коммуникационных технологий.

Сетевая экспертиза законотворческого процесса выступает как интегративное понятие, объединяющее общественную экспертизу и общественное обсуждение с использованием цифровых платформ. При этом в рамках сетевой экспертизы эти процессы не противоречат, а скорее дополняют друг друга. С одной стороны широкое общественное обсуждение, опирающееся на мнение неограниченного круга лиц, выявляет наиболее проблематичные аспекты реализации законопроектов, с другой общественная экспертиза, основывающаяся на профессиональном исследовании предмета, с задействованными в ней широкими массами профессиональных юристов разной направленности: адвокатов, преподавателей юридических дисциплин, судебного сообщества, приводит к прозрачности и сравнительной объективности определений. Следует отметить, что на текущий момент разработаны технологии обеспечения правдивости информации при сетевых экспертизах [9]. По мнению авторов наиболее важными функциями сетевых экспертиз являются: формирование реестра профессионалов-экспертов [1]; привлечение к экспертизе экспертно-аналитических организаций федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ), Российской академии наук, независимых аналитических центров, общественных научных организаций, центров компетенций, а также ведущих экспертов в предметных областях [9, с. 626]; оперативное и качественное решение злободневных вопросов применения права [3]; поддержка реализации законопроектов [4]. В России создана «Саморегулируемая организация судебных экспертов» [11], где свободно обсуждаются насущные вопросы, но нет у этой организации сетевого взаимодействия с коллегами, не вступившими в нее.

Материалы и методы исследований

Цель настоящего исследования – на примере широкого общественного обсуждения законопроекта Минюста России «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [12], получившего неофициальное название «адвокатская монополия», выявить особенности сетевой экспертизы как нового инструмента легитимации законопроектов в цифровой среде, определить ее преимущества и системные риски, а также предложить пути совершенствования правового регулирования общественных обсуждений с учетом современных реалий.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе обсуждения законопроектов в цифровой среде, предметом – механизмы сетевой экспертизы и их влияние на легитимацию правотворческих решений на примере реформы судебного представительства. Методологическую основу составляют общенаучные методы (диалектический, системный, структурно-функциональный) и частнонаучные методы юридической науки (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод анализа документов, контент-анализ публичных высказываний). Эмпирическую базу образовали материалы официальных интернет-порталов для размещения правовых актов [13], в том числе Минюста России, данные

профессиональных юридических изданий таких как «Право.ru», «Адвокатская газета», «Закон.ру», деловых СМИ («Ведомости», «Коммерсантъ», «РБК»), аналитические отчеты Федеральной палаты адвокатов [14], сайты, где подобраны судебные практики [15], научные публикации в журналах, индексируемых в РИНЦ, а также результаты мониторинга общественной дискуссии в период с июля 2025 года по февраль 2026 года. Такой широкий эмпирический охват позволяет не только зафиксировать факт общественной реакции, но и реконструировать логику аргументации, выявить основные акторные группы и оценить реальное влияние сетевой экспертизы на исход законодательного процесса.

Результаты и обсуждения

Законопроект, опубликованный Минюстом России 11 июля 2025 года, предусматривал внесение изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [16], Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ и Кодекс административного судопроизводства РФ. Ключевая новация – установление требования о наличии статуса адвоката для представителей в судах (с рядом исключений для штатных юристов и законных представителей) и введение переходного периода до 1 января 2028 года. Уже в первые дни после публикации тема реформы судебного представительства стала одной из самых обсуждаемых в профессиональном сообществе.

Наш анализ публикаций в период с июля 2025 по апрель 2026 года позволяет выделить три типа площадок, где разворачивалась дискуссия, и каждый из них вносил специфический вклад в формирование сетевой экспертизы.

Первый тип – специализированные профессиональные юридические порталы «Право.ru», «Адвокатская газета», «Закон.ру». На этих ресурсах еженедельно выходили аналитические обзоры, интервью с экспертами, отчеты о заседаниях рабочих групп, а также разворачивались многодневные дискуссии в комментариях. Согласно данным, опубликованным на «Право.ru», количество просмотров материалов по теме реформы превысило аналогичные показатели для других законопроектов в 5-7 раз, а число содержательных комментариев от практикующих юристов достигло нескольких тысяч [7].

Второй тип – деловые и общеполитические СМИ («Ведомости», «Коммерсантъ», «РБК»), где акцент делался на экономических последствиях реформы, позиции крупного бизнеса и малого предпринимательства. Как отмечает обозреватель «Коммерсанта» И. Сафронов, «бизнес-сообщество восприняло законопроект как угрозу доступности юридической помощи и ограничение конкуренции, что сразу перевело дискуссию из узкопрофессиональной плоскости в публичную» [8]. Третий тип – научные и академические издания: журналы «Адвокатская практика», «Юридический мир», «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

По данным РИНЦ, за второе полугодие 2025 года в указанных журналах опубликовано более сорока научных статей, посвященных сравнительному анализу адвокатской монополии и альтернативных моделей судебного представительства [2, 5]. Особого внимания заслуживает позиция Федеральной палаты адвокатов, которая на своем официальном сайте регулярно публиковала материалы в поддержку законопроекта, а в сентябре 2025 года обнародовала результаты масштабного опроса адвокатского сообщества, согласно которому большинство адвокатов высказались за монополию, связывая с ней повышение качества юридической помощи и очищение рынка от недобросовестных практик [10]. Минюст России, в свою очередь, использовал официальный портал для размещения сводных отчетов о ходе общественного обсуждения и ответов на часто задаваемые вопросы, пытаясь вести диалог с критиками. Таким образом, впервые в российской практике обсуждение законопроекта приобрело характер многоуровневой сетевой экспертизы, в которой участвовали не только традиционные институты (министерства, профессиональные ассоциации), но и широкая общественность, представленная юристами-практиками, научным сообществом, бизнес-ассоциациями и гражданами.

Проведенный анализ позволяет предложить комплекс конкретных мер, направленных на повышение эффективности и легитимности общественных обсуждений законопроектов в цифровой среде, с учетом как выявленных преимуществ сетевой экспертизы, так и ее системных рисков. Первая группа мер касается правового закрепления статуса сетевой экспертизы. Необходимо внести изменения в Федеральный закон «Об основах общественного контроля» и постановление Правительства РФ № 851 [12], определив, что мнения, высказанные на специализированных интернет-платформах (включая официальные порталы, профессиональные ресурсы и социальные сети в установленном порядке), подлежат обязательному учету при доработке законопроектов.

При этом следует установить критерии значимости: количество однотипных замечаний (например, более 500 идентичных предложений), наличие развернутой аргументации, поддержка профессиональными

ассоциациями или научными организациями. Такое нормативное закрепление превратит сетевую активность из факультативного элемента в юридически значимую стадию правотворческого процесса. Вторая группа мер связана с созданием единой цифровой среды правотворчества с элементами искусственного интеллекта. Целесообразно разработать и внедрить специализированную государственную информационную систему (ГИС) «Общественное обсуждение законопроектов», которая бы интегрировала функции сбора отзывов, автоматической категоризации предложений по тематическим блокам, анализа повторяемости, выявления ключевых аргументов и формирования сводных отчетов с использованием технологий обработки естественного языка (NLP) и машинного обучения.

Такая система позволила бы снизить нагрузку на разработчиков, обеспечить более объективный учет мнений и минимизировать риски избирательного подхода. Третья группа мер предполагает введение обязательного публичного обоснования отклонения предложений.

В целях повышения прозрачности следует законодательно закрепить требование о подготовке по итогам общественного обсуждения не просто сводного отчета, а документа, в котором по каждому значимому предложению (согласно установленным критериям) дается развернутое обоснование причин принятия или отклонения со ссылкой на экспертные заключения, статистические данные или иную объективную информацию. Такой подход, успешно применяемый в законодательном процессе Европейского Союза (Impact Assessment) [17], повышает ответственность разработчиков и снижает риски игнорирования общественного мнения, одновременно дисциплинируя самих участников обсуждения, поскольку требует от них формулировать конкретные, а не декларативные предложения.

Четвертая группа мер направлена на институционализацию участия научных и профессиональных сообществ. Необходимо предусмотреть механизмы системного вовлечения научных организаций, профильных институтов РАН, ведущих юридических вузов и профессиональных ассоциаций (адвокатских палат, нотариальных палат, объединений корпоративных юристов) в сетевое обсуждение. В частности, можно закрепить право таких организаций направлять коллективные экспертные заключения, которые рассматриваются в приоритетном порядке и подлежат обязательному опубликованию вместе с официальным ответом. Это позволит повысить качество аргументации, снизить влияние спонтанных, эмоциональных высказываний и обеспечить баланс между оперативностью сетевой реакции и глубиной академического анализа.

Пятая группа мер касается развития механизмов эволюционной имплементации сложных реформ. Опыт обсуждения «адвокатской монополии» показывает, что резкое введение структурных изменений, затрагивающих интересы миллионов граждан и сотен тысяч субъектов, чревато социальными потрясениями. Целесообразно законодательно закрепить для подобных масштабных реформ обязательное проведение «регуляторной гильотины» в формате расширенного общественного обсуждения с обязательной апробацией в пилотных регионах и публичной оценкой результатов до принятия окончательного решения.

Такой подход превращает сетевое обсуждение из разового мероприятия в постоянный мониторинг, позволяет корректировать реформу на ранних этапах и снижает риски необратимых негативных последствий.

Наконец, шестая группа мер связана с преодолением цифрового неравенства и обеспечением доступности. Необходимо предусмотреть организацию пунктов общественного доступа в библиотеках, многофункциональных центрах (МФЦ) и органах местного самоуправления, где граждане могли бы получать консультации и содействие в оформлении предложений к законопроектам. Параллельно следует проводить обучение представителей некоммерческих организаций и общественных советов основам работы с цифровыми платформами, а также разработать упрощенные интерфейсы для людей с ограниченными возможностями и граждан пожилого возраста.

Реализация этих мер в комплексе позволит не только повысить качество общественных обсуждений, но и укрепить легитимность принимаемых законов за счет реального, а не декларативного участия граждан и институтов гражданского общества в правотворческом процессе.

Выводы

Сетевая экспертиза, как показал пример общественного обсуждения реформы судебного представительства, способна стать действенным механизмом установления электронной демократии в юриспруденции, коррекции правотворческой политики, обеспечивая публичность, интерактивность и учет широкого спектра мнений. Ключевыми факторами успеха сетевой экспертизы в данном случае выступили консолидация профессионального сообщества, использование специализированных цифровых платформ как агрегаторов мнений, вовлечение научной экспертизы и широкий медийный резонанс. В результате радикальный сценарий «адвокатской монополии» был приостановлен, а реформа переведена в эволюционное русло, что свидетельствует о реальном влиянии сетевых механизмов на процесс принятия государственных решений.

Вместе с тем выявлены системные риски: цифровое неравенство, возможность манипуляции общественным мнением, неопределенность правового статуса сетевых отзывов. Предложенный комплекс мер – от нормативного закрепления статуса сетевой экспертизы и создания единой цифровой среды правотворчества до институционализации участия научных сообществ и преодоления цифрового неравенства – направлен на то, чтобы превратить сетевую экспертизу из стихийного явления в предсказуемый, прозрачный и юридически обеспеченный институт. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на разработке методик оценки качества сетевой экспертизы, анализе рисков манипуляции общественным мнением с использованием технологий искусственного интеллекта, а также на сравнительном анализе российского и зарубежного опыта интеграции цифровых технологий в законодательный процесс. Мы убеждены, что сетевая экспертиза выступает тем горизонтом, который позволяет преодолеть ограниченность формальных отзывов и сделать закон более чувствительным к реальным потребностям общества.

Список источников

1. Аналитический доклад «Рынок юридических услуг в России: структура, динамика, тенденции» / Исследовательский центр Консорциума юридических компаний. М., 2026. С. 34 – 38.
2. Гришин Д.А. Адвокатская монополия: зарубежный опыт и российские реалии // Адвокатская практика. 2025. № 5. С. 23 – 29.
3. Губанов Д.А., Коргин Н.А., Новиков Д.А., Райков А.Н. Сетевая экспертиза / Под ред. чл.-к. РАН Д.А. Новикова, проф. А.Н. Райкова. М.: Эгвес, 2010. 168 с.
4. Губарькова В.Г., Нащёкина Е.В. Правовая экспертиза нормативных правовых актов: проблемы теории и практики // Молодой ученый. 2020. № 25 (315). С. 244 – 246. URL: <https://moluch.ru/archive/315/71947>
5. Королев С.В. Реформа судебного представительства: аргументы сторон и поиск компромисса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 10. С. 88 – 96.
6. Обсуждение законопроекта об адвокатской монополии: итоги первых трех месяцев // Право.ru. 2025. 15 октября. URL: <https://pravo.ru/analytics/236598/> (дата обращения: 10.01.2026)
7. Сафронов И. Бизнес против монополии адвокатов // Коммерсантъ. 2025. 5 сентября. № 162. С. 3.
8. Тобин Д.С., Голосовский М.С., Богомолов А.В. Технология обеспечения достоверности информации при проведении сетевых экспертиз // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2020. Т. 16. № 3. С. 623 – 632. DOI 10.25559/ SITITO.16.202003.623-632
9. Федеральная палата адвокатов РФ. Итоги опроса адвокатского сообщества по вопросу реформы судебного представительства. М., 2025. 45 с.
10. <https://exprus.ru/membership>
11. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=490037>
12. regulation.gov.ru
13. <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/otchet-o-deyatelnosti-soveta-fpa-rf-za-period-s-aprelya-2023-goda-po-aprel-2025-goda/>
14. <https://spractic.garant.ru>
15. <https://www.advgazeta.ru/novosti/minyust-predstavil-zakonoproekt-o-professionalizatsii-sudebnogo-predstavitelstva-na-baze-advokatury>
16. https://commission.europa.eu/law/law-making-process/regulatory-scrutiny-board_en

References

1. Analytical report "The Legal Services Market in Russia: Structure, Dynamics, Trends". Research Center of the Consortium of Law Firms. Moscow, 2026. P. 34 – 38.
2. Grishin D.A. Lawyer Monopoly: Foreign Experience and Russian Realities. Advocate Practice. 2025. No. 5. P. 23 – 29.
3. Gubanov D.A., Korgin N.A., Novikov D.A., Raikov A.N. Network Expertise. Ed. by Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences D.A. Novikov, Prof. A.N. Raikov. Moscow: Egves, 2010. 168 p.
4. Gubarkova V.G., Nashchekina E.V. Legal Expertise of Regulatory Legal Acts: Problems of Theory and Practice. Young Scientist. 2020. No. 25 (315). P. 244 – 246. URL: <https://moluch.ru/archive/315/71947>
5. Korolev S.V. Reform of judicial representation: arguments of the parties and the search for a compromise. Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2025. No. 10. P. 88 – 96.
6. Discussion of the draft law on the lawyer monopoly: results of the first three months. Pravo.ru. 2025. October 15. URL: <https://pravo.ru/analytics/236598/> (date of access: 10.01.2026)
7. Safronov I. Business against the lawyer monopoly. Kommersant. 2025. September 5. No. 162. P. 3.

8. Tobin D.S., Golosovsky M.S., Bogomolov A.V. Technology for Ensuring the Reliability of Information During Network Expertise. Modern Information Technologies and IT Education. 2020. Vol. 16. No. 3. P. 623 – 632. DOI 10.25559/ SITITO.16.202003.623-632

9. Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. Results of a Survey of the Bar Community on the Reform of Court Representation. Moscow, 2025. 45 p.

10. <https://expus.ru/membership>

11. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=490037>

12. regulation.gov.ru

13. <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/otchet-o-deyatelnosti-soveta-fpa-rf-za-period-s-aprelya-2023-goda-po-aprel-2025-goda/>

14. <https://spractic.garant.ru>

15. <https://www.advgazeta.ru/novosti/minyust-predstavil-zakonoproekt-o-professionalizatsii-sudebnogo-predstavitelstva-na-baze-advokatury>

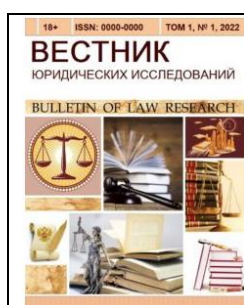
16. https://commission.europa.eu/law/law-making-process/regulatory-scrutiny-board_en

Информация об авторах

Салманова А.К., кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аликберов С.А., Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

© Салманова А.К., Аликберов С.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / *Bulletin of Law Research*»

<https://blr-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 347.77

DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-46-52

Проблемы правового регулирования интеллектуальных прав в условиях технологических изменений

¹ Бориев И.З.,

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: в статье проводится всесторонний анализ актуальных проблем правового регулирования интеллектуальной собственности в условиях стремительного технологического прогресса. Исследование охватывает ключевые вызовы, порожденные цифровой трансформацией, развитием генеративного искусственного интеллекта, технологий блокчейн и смарт-контрактов. Особое внимание уделяется кризису традиционной антропоцентрической парадигмы авторства и необходимости адаптации четвертой части Гражданского кодекса РФ к новым реалиям. В статье подробно рассматривается реформа института компенсаций за нарушения исключительных прав в свете Федерального закона № 214-ФЗ, вступившего в силу в 2026 году. Анализируются вопросы технологического суверенитета и гармонизации национального законодательства с международными стандартами в условиях санкционных ограничений. На основе системного подхода предлагаются пути совершенствования нормативно-правовой базы для стимулирования инновационной активности и защиты интересов правообладателя.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, цифровые права, блокчейн, смарт-контракт, технологический суверенитет, авторское право, патентное право

Для цитирования: Бориев И.З. Проблемы правового регулирования интеллектуальных прав в условиях технологических изменений // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 46 – 52. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-46-52

Поступила в редакцию: 6 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 2 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

Problems of legal regulation of intellectual rights in the context of technological changes

¹ Boriev I.Z.,

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract: this article provides a comprehensive analysis of current issues in the legal regulation of intellectual property in the context of rapid technological progress. The study covers key challenges posed by digital transformation, the development of generative artificial intelligence, blockchain technologies, and smart contracts. Particular attention is paid to the crisis of the traditional anthropocentric paradigm of authorship and the need to adapt Part IV of the Civil Code of the Russian Federation to new realities. The article examines in detail the reform of the institution of compensation for infringement of exclusive rights in light of Federal Law No. 214-FZ, which entered into force in 2026. Issues of technological sovereignty and the harmonization of national legislation with international standards in the context of sanctions are analyzed. Using a systems approach, ways to improve the regulatory framework are proposed to stimulate innovation and protect the interests of copyright holders.

Keywords: intellectual property, artificial intelligence, digital rights, blockchain, smart contracts, technological sovereignty, copyright, patent law

For citation: Boriev I.Z. Problems of legal regulation of intellectual rights in the context of technological changes. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 46 – 52. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-46-52

The article was submitted: January 6, 2025; Approved after reviewing: March 2, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Современная эпоха характеризуется тотальной цифровизацией и информатизацией всех сфер общественной жизни, что неизбежно ведет к трансформации фундаментальных правовых институтов. Интеллектуальная собственность, традиционно выступавшая инструментом защиты творческого труда человека, в условиях четвертой промышленной революции превращается в ключевой актив глобальной экономики знаний [1, с. 161; 8, с. 224]. Влияние интеллектуальных прав на формирование валового внутреннего продукта (ВВП) стремительно увеличивается: по прогнозам экспертов, к 2030 году доля интеллектуальной собственности в мировом ВВП может приблизиться к 30%, превышая темпы роста материальных рынков [2, с. 48].

Однако стремительный технологический прогресс порождает существенный разрыв между динамикой инноваций и скоростью законодательной реакции. Правовая система России, основывающаяся на кодифицированном регулировании четвертой части Гражданского кодекса (ГК РФ), сталкивается с вызовами, которые не могли быть в полной мере предвидены на момент принятия кодекса в 2006 году [5, с. 48]. Дематериализация произведений, трансграничный характер правонарушений в сети Интернет, анонимность пользователей и появление автономных систем искусственного интеллекта требуют глубокого переосмысления существующих доктрин [10, с. 44].

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между защитой интересов авторов и обеспечением технологического суверенитета страны. В условиях санкционного давления и ограничения доступа к критическим технологиям, эффективное регулирование интеллектуальных прав становится фактором национальной безопасности [2, с. 54]. Целью работы является комплексный анализ проблем адаптации законодательства к технологическим изменениям и выработка рекомендаций по совершенствованию правовых механизмов в цифровой среде.

Процесс цифровой трансформации изменил не только способы создания и потребления интеллектуальных продуктов, но и саму архитектуру правоотношений. Ландшафт интеллектуальной собственности претерпевает изменения, связанные с переходом от аналоговой среды к цифровой, что сопровождается усложнением механизмов гражданского оборота и возрастанием рисков несанкционированного использования произведений [1, с. 160].

Одной из центральных проблем остается «законодательное отставание» – ситуация, при которой новые формы интеллектуальной деятельности возникают быстрее, чем законодатель успевает разработать нормы для их охраны [5, с. 49]. В судебной практике это проявляется в неоднозначности интерпретаций существующих норм применительно к интернет-технологиям, облачным сервисам и стриминговым платформам [8, с. 225]. Отсутствие четких ориентиров приводит к правовой неопределенности, что негативно сказывается на инвестиционном климате в инновационных отраслях.

Информационная среда способствует размыванию границ между правомерным использованием и нарушением. Мгновенность распространения информации делает традиционные механизмы защиты, такие как обеспечительные меры в отношении материальных объектов, неэффективными. Более того, анонимность цифрового пространства затрудняет идентификацию нарушителей и привлечение их к ответственности.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования выступили положения Гражданского кодекса РФ, нормы Федерального закона от 07.07.2025 № 214-ФЗ, а также судебная практика по спорам в цифровой среде. Методологическую основу составили:

- системно-структурный анализ для изучения институтов интеллектуальной собственности в их взаимосвязи с цифровыми правами;
- формально-юридический метод при анализе формулировок новых статей ГК РФ о компенсациях;

- сравнительно-правовой метод для оценки подходов к регулированию ИИ-контента в России и за рубежом.

Использование данных методов позволило автору не просто констатировать проблемы, но и смоделировать развитие правоотношений в условиях «цифрового депонирования» прав через блокчейн-системы.

Результаты и обсуждения

Динамика и вызовы регулирования интеллектуальной собственности в эпоху цифровизации

Процесс цифровой трансформации изменил не только способы создания и потребления интеллектуальных продуктов, но и саму архитектуру правоотношений. Ландшафт интеллектуальной собственности претерпевает изменения, связанные с переходом от аналоговой среды к цифровой, что сопровождается усложнением механизмов гражданского оборота и возрастанием рисков несанкционированного использования произведений [1, с. 160].

Одной из центральных проблем остается «законодательное отставание» – ситуация, при которой новые формы интеллектуальной деятельности возникают быстрее, чем законодатель успевает разработать нормы для их охраны [5, с. 49]. В судебной практике это проявляется в неоднозначности интерпретаций существующих норм применительно к интернет-технологиям, облачным сервисам и стриминговым платформам [8, с. 225]. Отсутствие четких ориентиров приводит к правовой неопределенности, что негативно сказывается на инвестиционном климате в инновационных отраслях.

Информационная среда способствует размыванию границ между правомерным использованием и нарушением. Мгновенность распространения информации делает традиционные механизмы защиты, такие как обеспечительные меры в отношении материальных объектов, неэффективными. Более того, анонимность цифрового пространства затрудняет идентификацию нарушителей и привлечение их к ответственности.

Искусственный интеллект и кризис антропоцентрической парадигмы авторства

Появление генеративного искусственного интеллекта (ИИ), способного создавать художественные тексты, музыку и изображения, поставило перед юридической наукой фундаментальный вопрос: может ли произведение существовать без автора-человека? Действующее российское законодательство (ст. 1228, 1257 ГК РФ) по мнению исследователей однозначно связывает возникновение интеллектуальных прав с творческим трудом гражданина [6, с. 147].

Генезис проблемы и современное состояние

Дискуссии об авторстве компьютерных программ и результатов их деятельности велись еще в 1980-х годах (Butler T.L., Samuelson P.), однако тогда возможности технологий были сильно ограничены [6, с. 146]. В 1984 году появилась первая книга, написанная программой Racter («The policeman's beard is half constructed»), но она воспринималась в качестве эксперимента, лишённого глубокого смысла [6, с. 146]. Современные же нейросети демонстрируют уровень «творчества», сопоставимый с человеческим, что по оценкам некоторых исследователей создает угрозу вытеснения живых авторов с рынка из-за колоссальной продуктивности ИИ [6, с. 145].

Ученые выделяют два основных подхода к регулированию ИИ-контента:

1. Инструментальный подход – ИИ рассматривается как сложный инструмент (как кисть или фотоаппарат). Права на результат принадлежат пользователю, сформировавшему промпт, при условии значительного творческого вклада [7, с. 132].
2. Концепция «электронного лица» – наделение ИИ специфической правосубъектностью по аналогии с юридическими лицами, что позволило бы признавать за ним (или его владельцем) права на результаты деятельности и возлагать ответственность за причиненный ущерб [7, с. 130].

Предложения по модернизации режима охраны

В научной литературе активно обсуждается необходимость разработки нового механизма присвоения произведений, созданных ИИ. Поскольку традиционное авторское право (срок охраны 70 лет после смерти автора) кажется избыточным для машинного контента, предлагаются следующие меры:

- введение сокращенного срока охраны (например, 10 лет) для произведений без автора-человека [6, с. 149];
- отказ от предоставления личных неимущественных прав системам ИИ, так как они не обладают достоинством и честью [6, с. 147].

Проблема заключается не в самом факте «творчества» машины, а в отсутствии человеческого участия в тех случаях, когда ИИ генерирует результат на основе случайных алгоритмов. Судебная практика уже сталкивается с отказами в регистрации авторских прав на изображения, созданные нейросетями без доказанного творческого вклада человека [5, с. 55].

Правовое регулирование цифровых прав, блокчейна и смарт-контрактов

Внедрение технологий распределенного реестра (блокчейн) открывает новые горизонты для оборота интеллектуальных прав, одновременно создавая коллизии с традиционным договорным правом. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ ввел в ГК РФ понятие «цифровых прав» (ст. 141.1), признавая за ними статус объектов гражданских прав [4, с. 86].

Смарт-контракты в авторском праве

Смарт-контракт представляет собой самоисполняемый программный код, который автоматически регулирует исполнение обязательств [9, с. 47]. В сфере интеллектуальной собственности смарт-контракты позволяют автоматизировать выплату роялти, передачу прав и управление доступом к цифровому контенту [9, с. 53].

Однако использование смарт-контрактов сталкивается с рядом юридических препятствий:

1. технологическая природа блокчейна исключает возможность расторжения или изменения контракта в одностороннем порядке, что противоречит принципу свободы договора и возможности отказа от обязательств при существенном изменении обстоятельств [9, с. 50];
2. программный код не способен распознавать такие правовые категории, как «добросовестность», «разумность» или «вина» [9, с. 51];
3. попытки признать невзаимозаменяемые токены самостоятельными объектами интеллектуальных прав пока не увенчались успехом. NFT сегодня рассматривается скорее как «цифровой сертификат», подтверждающий право на владение экземпляром произведения, но не само право авторства [5, с. 52].

Реестры объектов интеллектуальной собственности на базе блокчейна

Технология блокчейн может быть эффективно использована для создания децентрализованных реестров авторских и смежных прав. В отличие от государственных реестров патентов и товарных знаков, регистрация авторских прав в России носит факультативный характер [4, с. 89]. Блокчейн-системы позволяют фиксировать факт создания произведения («цифровое депонирование»), обеспечивая надежную доказательственную базу в суде. Презумпция верности информации в блокчейне (если не доказано иное) могла бы существенно упростить рассмотрение споров.

Реформа института компенсаций за нарушение исключительных прав (214-ФЗ)

Важным событием в российской юриспруденции стала реформа системы гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере интеллектуальной собственности. Федеральный закон от 07.07.2025 № 214-ФЗ, вносящий изменения в четвертую часть ГК РФ, направлен на усиление защиты правообладателей и систематизацию подходов к взысканию компенсаций.

Ключевые изменения, вступившие в силу 4 января 2026 года

Основная цель реформы – сделать компенсацию реально работающим в экономическом смысле инструментом. Законом вводится новая статья 1252.1 ГК РФ, которая детально регламентирует порядок расчета выплат.

Дифференциация ответственности

Закон вводит повышенную ответственность за удаление информации об авторском праве и обход технических средств защиты. В таких случаях расчет компенсации в твердом размере может достигать 11 миллионов рублей, а при кратном расчете – 220% от двукратной стоимости права использования. Это обусловлено высокой общественной опасностью действий, направленных на преднамеренное сокрытие факта нарушения в цифровой среде.

Реформа также закрепляет право каждого соправообладателя на самостоятельное обращение в суд, при этом взысканная сумма должна распределяться между всеми владельцами прав. Такой подход устраняет процессуальные тупики, возникающие при конфликтах между соавторами.

Интеллектуальная собственность в инновационном производстве и технологический суверенитет

В условиях санкционных ограничений и необходимости обеспечения технологического суверенитета, интеллектуальная собственность рассматривается как стратегический ресурс государства [2, с. 50]. Законодательство должно не только охранять права, но и стимулировать коммерциализацию РИД.

Новые объекты: цифровое проектирование и виртуальные испытания

В современном производстве создание продукта начинается по оценкам исследователей с формирования «цифрового двойника» и проведения виртуальных испытаний [3, с. 116]. Эти процессы требуют колоссальных инвестиций и интеллектуальных усилий, однако существующая методология патентного права не в полной мере охватывает такие объекты. Наблюдаемое снижение патентной активности в области виртуальных испытаний в последние годы (в 7 раз с 2016 по 2022 гг.) свидетельствует о недостаточности инструментов правовой защиты для данных технологий [3, с. 118].

Для исправления ситуации предлагается:

- законодательное оформление результатов виртуальных испытаний как специфических объектов интеллектуальной собственности [3, с. 117];
- разработка критериев оценки оригинальности цифровых моделей и алгоритмов имитации физических процессов [3, с. 118];
- создание правил распоряжения исключительными правами на комплексные цифровые продукты [3, с. 118].

Экономические и наднациональные механизмы

Российское правительство внедряет ряд стимулирующих мер, таких как пониженная ставка налога на прибыль от лицензий и возможность кредитования под залог интеллектуальных прав [2, с. 52]. Несмотря на то, что залог исключительных прав по оценкам исследователей на сегодняшний день остается редким явлением (170 регистраций в 2023 году), работа над изменением стандартов бухгалтерского учета и методологии оценки стоимости интеллектуальной собственности должна превратить права в реальный экономический актив [2, с. 54].

Особое значение приобретает развитие Евразийской патентной системы. В условиях санкций 14-го пакета ЕС, ограничивающих права россиян в Европейском патентном ведомстве, расширение евразийского сотрудничества и создание единого товарного знака ЕАЭС становятся приоритетными задачами для снижения издержек бизнеса [2, с. 54].

Защита прав в Интернете: информационные посредники и пиратство

Проблема цифрового пиратства остается крайне острой: по данным исследований, уровень нелегального контента в российском сегменте Интернета достигает 60% в сфере программного обеспечения [5, с. 60]. Ущерб экономике оценивается в 1,5 трлн рублей ежегодно [5, с. 50].

Роль информационных посредников

Статья 1253.1 ГК РФ устанавливает особый режим ответственности для провайдеров и владельцев сайтов. Посредник освобождается от ответственности, если он не знал о нарушении и оперативно принял меры по удалению контента после получения уведомления от правообладателя [10, с. 45]. Однако практика выявила проблему «технической нейтральности», когда посредники пытаются избежать ответственности за автоматизированное распространение пиратских данных [5, с. 55].

Судебная практика постепенно вырабатывает баланс между защитой авторских прав и обеспечением свободы информации. Верховный Суд РФ подчеркивает необходимость предотвращения избыточных блокировок, которые могут затронуть правомерные ресурсы [10, с. 45]. Система «Antipiracy» Роскомнадзора, обеспечивающая блокировку в реальном времени, постоянно совершенствуется, включая алгоритмы автоматического выявления «зеркал» пиратских сайтов [10, с. 45].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современное право интеллектуальной собственности находится в фазе глубокой структурной трансформации, вызванной технологическими изменениями. Основные проблемы правового регулирования связаны с необходимостью адаптации традиционных институтов к реалиям цифровой экономики.

Во-первых, кризис антропоцентрической модели требует законодательного признания результатов деятельности искусственного интеллекта. Целесообразным представляется введение специального режима охраны для ИИ-контента с сокращенными сроками защиты и отсутствием личных неимущественных прав. Это позволит стимулировать развитие ИИ-технологий, сохраняя при этом приоритет человеческого творчества.

Во-вторых, интеграция блокчейна и смарт-контрактов в гражданский оборот требует уточнения норм о форме сделок и способах обеспечения обязательств. Необходимо разработать правовые механизмы «обратимости» смарт-контрактов в случаях признания сделок недействительными или их расторжения судом.

В-третьих, реформа института компенсаций является своевременным ответом на вызовы цифрового пиратства. Увеличение предельных размеров выплат до 10 миллионов рублей и конкретизация правил расчета должны повысить эффективность судебной защиты исключительных прав.

В-четвертых, для обеспечения технологического суверенитета необходимо расширение объектов патентной охраны за счет результатов цифрового проектирования и моделирования. Это обеспечит защиту инвестиций в высокотехнологичном производстве и создаст условия для лидерства России в сфере передовых промышленных технологий.

Будущее интеллектуальных прав зависит от способности законодателя перейти от реактивного регулирования к проактивному формированию нормативной среды, которая будет не сдерживать, а направлять технологический прогресс в русло интересов общества и государства.

Список источников

1. Аламова С.М. Трансформации ландшафта интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 3. С. 160 – 164.
2. Ахмадова М.А. Правовое регулирование в сфере интеллектуальной собственности как фактор роста или сдерживания развития технологического предпринимательства // Право и политика. 2024. № 12. С. 48 – 63.
3. Бегнарский В.В., Егерова О.А. Развитие правового регулирования использования интеллектуальной собственности в контексте задач инновационного производства // Теория и практика общественного развития. 2024. № 2. С. 114 – 121.
4. Воробьева О.А., Тагирова А.М., Лапшина О.С. Правовое регулирование использования цифровых технологий в сфере оборота интеллектуальных прав // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2024. Т. 1. № 2. С. 84 – 92.
5. Воронин А.В. Проблемы и противоречия в законодательстве о защите интеллектуальной собственности: правовой анализ // Вестник науки. 2025. Т. 1. № 8 (89). С. 47 – 65.
6. Диас Мартинс Р. Авторство без автора: правовые аспекты произведений, созданных ИИ // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51. № 4. С. 143 – 152.
7. Егорова М.А. Проблема правовой охраны объектов интеллектуальной собственности, созданных с использованием цифровых технологий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 1 (101). С. 127 – 138.
8. Изотова Е.А., Вырдылина Ю.В., Жук К.Д., Долгов Д.С., Фролов В.А. Динамика и вызовы в регулировании интеллектуальной собственности в России // Гражданское право. 2024. С. 224 – 225.
9. Пахомов В.Н. Проблемы использования смарт-контрактов в рамках авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности // Юридические исследования. 2025. № 3. С. 45 – 58.
10. Сказина А.К. Цифровая трансформация и правовые вызовы в сфере авторского права: опыт Российской Федерации // Управление, решения, анализ. 2025. № 2-2. С. 43 – 47.

References

1. Alamova S.M. Transformations of the Intellectual Property Landscape in the Digital Age. Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2025. No. 3. P. 160 – 164.
2. Akhmadova M.A. Legal Regulation in the Sphere of Intellectual Property as a Factor in the Growth or Restraint of Technological Entrepreneurship. Law and Politics. 2024. No. 12. P. 48 – 63.
3. Begnarsky V.V., Egereva O.A. Development of Legal Regulation of the Use of Intellectual Property in the Context of Innovative Production Tasks. Theory and Practice of Social Development. 2024. No. 2. P. 114 – 121.
4. Vorobyova O.A., Tagirova A.M., Lapshina O.S. Legal regulation of the use of digital technologies in the field of intellectual property rights circulation. Bulletin of V.N. Tatishchev Volzhsky University. 2024. Vol. 1. No. 2. P. 84 – 92.
5. Voronin A.V. Problems and contradictions in the legislation on the protection of intellectual property: legal analysis. Bulletin of science. 2025. Vol. 1. No. 8 (89). P. 47 – 65.
6. Dias Martins R. Authorship without an author: legal aspects of works created by AI. Works on Intellectual Property. 2024. Vol. 51. No. 4. P. 143 – 152.
7. Egorova M.A. The problem of legal protection of intellectual property objects created using digital technologies. Bulletin of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2023. No. 1 (101). P. 127 – 138.
8. Izotova E.A., Vyrdylina Yu.V., Zhuk K.D., Dolgov D.S., Frolov V.A. Dynamics and Challenges in Intellectual Property Regulation in Russia. Civil Law. 2024. P. 224 – 225.

9. Pakhomov V.N. Problems of Using Smart Contracts in the Framework of Copyright Protection of the Results of Intellectual Activity. *Legal Research*. 2025. No. 3. P. 45 – 58.

10. Skazina A.K. Digital Transformation and Legal Challenges in the Sphere of Copyright: Experience of the Russian Federation. *Management, Solutions, Analysis*. 2025. No. 2-2. P. 43 – 47.

Информация об авторе

Бориев И.З., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, borievidar@yandex.ru

© Бориев И.З., 2026

 <p>18+ ISSN: 0000-0000 ТОМ 1, № 1, 2022 ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ BULLETIN OF LAW RESEARCH</p>	<p>Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / <i>Bulletin of Law Research</i>» https://blr-journal.ru 2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 https://blr-journal.ru/archives/category/publications Научная статья / Original article УДК 342.723 DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-53-60</p>
---	--

Органы публичной власти как операторы персональных данных: особенности правового статуса

¹ Датий В.Р.,

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Аннотация: в статье рассматривается проблема определения особенностей правового статуса органов публичной власти как операторов персональных данных в условиях расширения цифрового государственного управления и накопления государством крупных массивов сведений о гражданах в реестрах и информационных системах. Показано, что специальный статус публичного оператора выражается в более жестком правовом регулировании и в более широком перечне организационных и технических обязанностей по обеспечению законности и безопасности обработки персональных данных. Специальный статус проявляется в том, что обработка персональных данных фактически допускается без согласия субъекта персональных данных в пределах компетенции органа публичной власти. Сделан вывод о том, что при создании крупных государственных массивов данных может происходить размывание первоначальных целей обработки и расширение круга пользователей. Высказаны суждения по поводу проблемы противоречия между публично-правовой обязанностью длительного, а иногда и бессрочного хранения сведений (например, в системах регистрации населения) и принципами ограничения сроков хранения и недопустимости избыточной обработки, характерными для законодательства о персональных данных.

Ключевые слова: оператор персональных данных; публичный оператор; органы публичной власти; государственные информационные системы персональных данных

Для цитирования: Датий В.Р. Органы публичной власти как операторы персональных данных: особенности правового статуса // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 53 – 60. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-53-60

Поступила в редакцию: 8 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 4 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

Public authorities as personal data operators: specific features of the legal status

¹ Datii V.R.,

¹ Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Abstract: the article examines the problem of identifying the specific features of the legal status of public authorities acting as personal data controllers in the context of the expansion of digital public administration and the accumulation by the state of large volumes of information about citizens in registers and information systems. It is demonstrated that the special status of a public controller is reflected in stricter legal regulation and in a broader range of organizational and technical obligations aimed at ensuring the lawfulness and security of personal data processing. This special status is manifested in the fact that the processing of personal data is, in practice, permitted without the consent of the data subject within the limits of the competence of the public authority. The article con-

cludes that the creation of large-scale state data repositories may lead to a blurring of the original purposes of processing and to an expansion of the circle of users. It also advances arguments concerning the tension between the public-law obligation of long-term, and in some cases indefinite, retention of information (for example, in population registration systems) and the principles of storage limitation and prohibition of excessive processing that are characteristic of personal data legislation.

Keywords: personal data controller; public controller; public authorities; state information systems of personal data

For citation: Datii V.R. Public authorities as personal data operators: specific features of the legal status. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 53 – 60. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-53-60

The article was submitted: January 8, 2025; Approved after reviewing: March 4, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Цифровизация публичного управления сопровождается устойчивой тенденцией к расширению государственных информационных систем и реестров, в которых аккумулируются значительные массивы сведений о гражданах. В этих условиях органы публичной власти становятся полноценными операторами персональных данных, которые несут ответственность за организацию и безопасность соответствующих процедур. Расширение цифровизации публичного управления поднимает вопрос о том, какие именно особенности приобретает правовой статус публичного оператора по сравнению с «обычным» оператором персональных данных, и каким образом должны быть очерчены пределы допустимой обработки.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении и систематизации особенностей правового статуса органов публичной власти как операторов персональных данных и уточнении ориентиров, позволяющих ограничить обработку рамками компетенции и заявленных целей при одновременном обеспечении надлежащего уровня защиты информации. Для достижения цели решаются следующие задачи: 1) выявление источников, определяющих правовой статус органов публичной власти как операторов персональных данных; 2) уточнение пределов допустимой обработки персональных данных публичным оператором в рамках компетенции; 3) характеристика обязанностей публичного оператора по организационному обеспечению обработки и защиты персональных данных.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие при обработке персональных данных государственными и муниципальными органами; **предметом** – положения Закона о персональных данных и других нормативно-правовых актов, устанавливающих, в частности, специальные режимы защиты информации и определяющих организационные и технические меры по её защите.

Научная новизна исследования состоит в систематизации особенностей правового статуса публичного оператора персональных данных. **Практическая значимость** полученных результатов заключается в возможности их использования при совершенствовании законодательства о персональных данных, разработке ведомственных регламентов публичных операторов, а также при осуществлении контроля и надзора за обработкой персональных данных в государственных информационных системах.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования – положения Федерального закона от 27.07.2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных», подзаконные акты Правительства Российской Федерации и уполномоченных органов, регламентирующие требования к обработке и защите данных публичными операторами, а также правоприменительная практика, позволяющие в совокупности оценить границы допустимого вмешательства в сферу частной жизни при использовании цифровых технологий в публичном управлении.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, позволивший выявить структуру нормативного регулирования статуса публичного оператора, сопоставить требования различных правовых режимов и установить их взаимосвязь, а также метод функционального анализа, посредством которого обработка персональных данных была рассмотрена через призму функций тех или иных конкретных органов публичной власти. Применение указанных методов позволило сформировать целостного представления о специфике статуса публичного оператора, а также выработать предложения по совершенствованию законодательства, ведомственных регламентов и практики контроля и надзора в сфере обработки персональных данных в государственных информационных системах.

Результаты и обсуждения

Согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона от 27.07.2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Закон о персональных данных) государственный орган, муниципальный орган (далее – орган публичной власти) становится оператором персональных данных (далее также применительно к органам публичной власти – публичный оператор) в силу факта обработки персональных данных, а также если им осуществляется организационно-волевой контроль над сбором, хранением или использованием персональных данных, т.е. если органом публичной власти определяются цель обработки и объём обрабатываемых данных.

На основании ст. 18.1 Закона о персональных данных Правительством Российской Федерации и иными уполномоченными органами устанавливаются требования к обработке, хранению и защите персональных данных публичными операторами. Структура и интенсивность нормативного регулирования в этой области указывают на то, что публичные операторы обладают особым правовым статусом, который определяется, прежде всего, повышенным объёмом организационных и технических обязанностей, связанных с обработкой персональных данных. Так, Постановлением Правительства от 21.03.2012 г. № 211 утверждён комплекс специальных мер, направленных на обеспечение выполнения обязанностей, предусмотренных Законом о персональных данных для государственных и муниципальных операторов. В частности, публичные операторы обязаны утвердить внутренние правила обработки персональных данных, детально описать процедуры предотвращения нарушений законодательства, для каждой цели обработки персональных данных определить состав собираемых данных, категории субъектов, сроки хранения и порядок уничтожения сведений, назначить должностное лицо, ответственное за организацию обработки персональных данных. Постановлением Правительства Российской Федерации от 01.11.2012 г. № 1119 установлены требования к защите персональных данных при их обработке в информационных системах и определены уровни защищённости таких данных. Во исполнение указанных требований Федеральной службой по техническому и экспортному контролю издан приказ от 11.04.2025 г. № 117, а Федеральной службой безопасности Российской Федерации – приказ от 10.07.2014 г. № 378, которым утверждён состав и содержание таких мер при использовании средств криптографической защиты информации. В целях унификации процедур обезличивания персональных данных Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций издан приказ от 19 июня 2025 г. № 140, которым были утверждены методы по обезличиванию персональных данных, обрабатываемых в информационных системах; на основании п. 9.1 п. 1 ст. 6 Закона о персональных данных Правительством Российской Федерации принято постановление от 01.08.2025 г. № 1154, которое установило особый порядок обезличивания персональных данных по запросу уполномоченного органа (Минцифры России) для формирования т.н. «составов персональных данных» в целях государственного или муниципального управления. Список нормативно-правовых актов, которыми устанавливаются специальные требования к публичным операторам, можно продолжать.

Как указывает М.В. Бундин, в отдельных положениях Закона о персональных данных речь идёт о таких персональных данных, которые одновременно составляют сведения, охраняемые на условиях других режимов: государственной тайны, личной и семейной тайны, тайны частной жизни, врачебной тайны, тайны следствия [1, с. 99]. Адресатами норм о защите информации, относящейся, к примеру, к тайне предварительного расследования, к семейной тайне, являются, прежде всего, органы публичной власти и их должностные лица, поскольку именно ими осуществляется оборот сведений ограниченного доступа. В этом смысле специальными режимами защиты информации также устанавливаются дополнительные требования к государственным, муниципальным органам – операторам персональных данных всякий раз, когда обрабатываемые ими сведения ограниченного доступа одновременно являются персональными данными.

Следует обратить внимание на другую особенность правового статуса публичных операторов. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд России, субъект персональных данных обладает правом на определение режима своих персональных данных, включая право сохранять их в тайне, если иное не предусмотрено законом. Согласно ст. 6 Закона о персональных данных допускается обработка персональных данных без согласия субъекта персональных данных для исполнения полномочий государственных органов, в т.ч. функций по предоставлению государственных услуг; согласно ст. 10 указанного закона допускается обработка специальных категорий персональных данных о расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни без согласия субъекта персональных данных, если она осуществляется, в частности, в соответствии с законодательством Российской Федерации об обороне, о безопасности, о противодействии терроризму, о транспортной безопасности, о противодействии коррупции, об оперативно-разыскной деятельности, об исполнительном производстве, уголовно-процессуальным, уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации. Как видно, сфера, на которую распространяется действие этого законодательства,

не просто значительна – она охватывает ключевые направления публичного управления. Фактически в подавляющем большинстве случаев обработка персональных данных публичным оператором в пределах его компетенции не требует получения согласия субъекта персональных данных. Это является существенной особенностью правового статуса публичных операторов.

При расширительном толковании полномочий возникает риск избыточного сбора данных и их использования «с запасом», а также постепенного смещения целей обработки (вторичного использования) за пределы первоначального назначения [2, с. 174]. Пожалуй, показательным примером в этом отношении может служить практика обработки биометрических персональных данных государственными органами и иными уполномоченными структурами, осуществляющими идентификацию граждан по биометрии. В п. 2 ст. 11 Закона о персональных данных содержится перечень случаев, когда обработка биометрии допускается без согласия: это, например, осуществление правосудия и исполнение судебных актов, обязательная дактилоскопическая и геномная регистрация, деятельность по обороне и безопасности, противодействие терроризму, обеспечение транспортной безопасности, оперативно-розыскные мероприятия, миграционный учёт, нотариальные действия и др. Отсутствие надлежащих процедур передачи информации, обеспечивающих соблюдение принципов необходимости, соразмерности и целевого ограничения использования персональных данных создаёт предпосылки для функционального расширения применения биометрической идентификации. Практика показывает, что инфраструктура видеонаблюдения в метрополитене может использоваться не только для розыска по уголовно-правовым основаниям, но и в целях выявления лиц, причастных к совершению административных проступков. Так, 31 января 2021 г. ТАСС со ссылкой на правоохранительные органы сообщил о задержаниях в московском метро с использованием распознавания лиц в связи с «несанкционированной акцией», указывая, что система срабатывала на изображения, внесённые в биометрическую систему. В постановлении ЕСПЧ по делу *Glukhin v. Russia* (4 июля 2023 г.) Суд признал факт применения технологии распознавания лиц в метрополитене, в результате которого заявитель был привлечён к административной ответственности за нарушение правил участия в публичных мероприятиях. Доступ к биометрической инфраструктуре в последнее время используется и для выявления «уклоняющихся» от призыва в армию и обеспечения их принудительного доставления в военкомат. Показательно интервью военного комиссара г. Москвы, данное им ТАСС в апреле 2023 г., в котором он заявил о применении городских систем видеонаблюдения для определения фактического места жительства призывников.

Согласно ст. 5 Закона о персональных данных сбор и использование персональных данных в принципе допустимы лишь в конкретных, заранее определенных и законных целях. Например, предоставление гражданину государственной услуги требует обработки его персональных данных уполномоченным органом; контрольные и надзорные полномочия по своей природе тоже отвечают критерию публично значимой цели, поскольку направлены на защиту публичных интересов. Принцип ограничения цели обработки приобретает особое значение, когда государство аккумулирует большие массивы персональных данных в различных реестрах и информационных системах [3, с. 78]. Закон требует, чтобы у каждой базы данных была конкретная цель, и использование данных вне рамок этой цели недопустимо.

На практике формулировки цели в законах оказываются размытыми. Так, при создании Единого федерального информационного регистра сведений о населении законодатель обозначил в качестве цели повышение качества предоставления государственных услуг, улучшение выполнения государственных функций в электронном формате, совершенствование государственной политики в различных сферах, охрану прав и законных интересов граждан, обеспечение национальной безопасности, поддержание актуальности всех государственных информационных систем, формирование официальной статистики, обеспечение избирательных прав и работы избирательных комиссий. Фактически одна информационная система объявлена средством достижения сразу множества разноплановых задач – от социального обеспечения до национальной безопасности. По замечанию И.А. Трофимца, остается не вполне ясным, где грань между допустимым использованием «в целях совершенствования политики» и недопустимым вторжением в частную жизнь индивида [4, с. 28]. Когда цель описана общими словами, появляется риск т.н. функционального рассредоточения (*function creep*) – постепенного расширения использования данных на новые задачи, не предусмотренные изначально [5]. Например, регистр населения может начать применяться для новых аналитических или контрольных целей, выходящих за рамки изначально заявленного назначения «учёта». Это создает потенциальный риск того, что персональные данные будут обрабатываться без достаточных гарантий соразмерности. Более того, нечёткая цель затрудняет контроль и надзор за соблюдением законодательства о персональных данных: контролирующему органу становится сложнее оценить, не используются ли данные с превышением заявленных полномочий, если сами полномочия описаны расплывчато. Наконец, согласно п. 1 ст. 22 Закона о персональных данных любой оператор до начала обработки обязан уведомить Роском-

надзор о своём намерении, однако уведомление не требуется, если персональные данные обрабатываются публичным оператором и если эти данные включены в государственные информационные системы персональных данных, созданные в целях защиты безопасности государства и общественного порядка (пп. 7 п. 2 ст. 22 Закона).

Как отмечает И.А. Шелудченко, право на защиту персональных данных обязывает государство создать нормативную базу, гарантирующую субъектам персональных данных справедливую, правомерную и безопасную обработку персональных данных при соблюдении режима конфиденциальности [6, с. 79-80]. Процедуры, обеспечивающие легитимность обработки персональных данных, должны быть официально утверждены руководителем того или иного органа публичной власти – публичного оператора. В правилах обработки персональных данных прописываются способы выявления и предотвращения нарушений законодательства, для каждой цели обработки персональных данных конкретизируется состав обрабатываемых данных, категории субъектов, сроки обработки и хранения, порядок уничтожения данных при достижении целей или при наступлении иных законных оснований. правила рассмотрения запросов субъектов персональных данных или их представителей, правила осуществления внутреннего контроля соответствия обработки персональных данных требованиям к защите персональных данных, правила работы с обезличенными данными, а также перечень информационных систем персональных данных, которые используются публичным оператором, перечень персональных данных, обрабатываемых в связи с реализацией трудовых (служебных) отношений и в связи с предоставлением государственных или муниципальных услуг или выполнением иных функций. Также утверждаются списки ответственных должностных лиц и порядок доступа служащих в помещения, в которых ведётся обработка персональных данных. Таким образом, публичные операторы обязаны формализовать практически все аспекты их обращения с персональными данными. Представляется, что перечень мер, утверждённый Постановлением Правительства Российской Федерации от 21.03.2012 г. № 211, хотя формально и адресован только публичным операторам, по сути содержит общий алгоритм организации защиты персональных данных, полностью укладывающийся в сложившиеся подходы защиты информации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28.04.2023 г. № 670 введён институт аккредитации государственных органов и Банка России на право владения и (или) эксплуатации информационных систем, осуществляющих аутентификацию физических лиц с использованием биометрии. Аккредитация нужна для того, чтобы обеспечить единые высокие стандарты защиты и надежности при работе с биометрическими данными на стороне каждого ведомства. Для прохождения аккредитации государственный орган обязан выполнить строгие требования. В их числе – наличие в собственности сертифицированных в установленном порядке криптографических средств (аппаратных средств шифрования), используемых для биометрической аутентификации; использование программного обеспечения из реестра отечественных программ (то есть запрет на иностранное ПО при работе с биометрией); хранение всех биометрических баз данных исключительно на территории Российской Федерации; подключение информационной системы ведомства к государственной системе обнаружения и предотвращения кибератак (ГосСОПКА); наличие в штате не менее двух специалистов с профильным образованием в области ИТ или информационной безопасности. Выполнение этих условий призвано минимизировать риски компрометации биометрических данных.

Переход от модели межведомственного обмена данными к модели единого федерального регистра населения существенным образом затронул статус органов публичной власти как операторов персональных данных. При прежней децентрализованной системе каждый орган владел своей базой данных и предоставлял сведения другим органам публичной власти по их запросам, т.е. выступал и поставщиком, и получателем информации в рамках межведомственного взаимодействия. Вместе с тем, как отмечалось в научной литературе, межведомственный информационный обмен был «не всегда достаточно безопасен с точки зрения распространения персональных данных граждан, подлежащих особой защите» [4, с. 27; 9, с. 39-42]. Это обстоятельство побудило создать централизованный информационный ресурс – единый федеральный информационный регистр сведений о населении, призванный аккумулировать актуальные и достоверные сведения, поступающие из различных официальных информационных систем органов публичной власти. В результате этой реформы все органы власти, ведущие первичные учётные системы (актов гражданского состояния, миграционного учёта, налогового учёта и др.), становятся поставщиками данных в единый регистр. Они обязаны своевременно передавать в регистр сведения об официально зарегистрированных фактах и статусах граждан. С другой стороны, любой уполномоченный орган, которому нужны сведения для осуществления публичных функций, теперь обращается непосредственно к оператору единого регистра за получением нужных данных вместо направления запросов множеству отдельных ведомств. Оператором

регистра назначена Федеральная налоговая служба (ФНС России); прежние держатели данных становятся участниками наполнения регистра и одновременно пользователями (получателями) сведений из него.

Оператор единого регистра населения несет ответственность за поддержание целостности, актуальности и непротиворечивости сведений, а также за обеспечение мер защиты этих данных. Некоторые авторы высказывают сомнения в способности единого оператора электронного ресурса, содержащего столь масштабный объём сведений, гарантировать информационную безопасность. Так, И.А. Трофимец указывает, что основной риск состоит в несанкционированном использовании данных недобросовестными сотрудниками или техническим персоналом, обслуживающим систему [4, с. 27]. С этим мнением можно согласиться. Вместе с тем риски не исчерпываются внутренними угрозами: такие крупные централизованные массивы данных неизбежно становятся мишенью и для внешних хакерских атак. Показателен инцидент с ПАО «Аэрофлот» 28 июля 2025 г., когда вследствие хакерской атаки произошёл масштабный сбой ИТ-систем; злоумышленники заявляли о компрометации и выгрузке массивов корпоративных данных, включая базу истории перелётов, и писали, что успех атаки был организационными просчётами и недостаточно зрелой культурой кибербезопасности внутри компании. Учитывая всё вышесказанное, думается, что существует объективная необходимость в установлении более чёткой структуры и полномочий органа, ответственного за функционирование единого регистра населения, а также ответственности за нарушение режима конфиденциальности информации. В целях усиления безопасности целесообразно ввести дополнительные организационные меры профилактики утечки данных (например, регулярный аудит рабочих мест, плановые и внеплановые проверки).

Наконец, важным является вопрос о соответствии публично-правовой обязанности длительного хранения данных принципам законодательства о персональных данных, в частности принципу ограничения сроков хранения и недопустимости избыточной обработки. Органы публичной власти по своей природе обязаны сохранять ряд сведений о гражданах долгосрочно, а иногда и бессрочно – ради обеспечения правопреимственности, учета населения, юридической силы документов. Например, записи актов гражданского состояния (рождения, брака, смерти и т.д.) подлежат постоянному хранению; государственные реестры (прав на недвижимость, сведения о налогоплательщиках, пенсионные права) должны храниться десятилетиями и более. Законом о персональных данных, напротив, установлено, что персональные данные должны храниться не дольше, чем требуют цели обработки, после достижения которых данные должны быть уничтожены или обезличены (п. 7 ст. 5). Формально проблема снимается тем, что организация хранения архивных документов в соответствии с законодательством об архивном деле в Российской Федерации выведена из-под действия Закона о персональных данных. Кроме того, принцип ограничения срока хранения не нарушается, когда продолжительное хранение обосновано публично значимой целью: например, данные в Едином государственном реестре ЗАГС хранятся бессрочно для обеспечения доказательств семейного положения граждан, и это соответствует целям закона об актах гражданского состояния – охране имущественных и неимущественных прав граждан и интересов государства. Вместе с тем указанное законодательное разграничение не устраняет всех правовых и организационных проблем длительного хранения данных в условиях цифровизации публичного управления [7, с. 160]. По мере перехода к электронному документообороту и формированию государственных информационных систем возрастает значение нормативно закреплённых требований к созданию и ведению электронных архивов, режимам доступа, а также к обеспечению сохранности и доказательственного значения электронных документов на протяжении длительного времени. В этой связи в доктрине обращается внимание на необходимость совершенствования архивно-правовых механизмов, обеспечивающих юридическую силу электронных документов при их долгосрочном хранении. Л.К. Терещенко отмечает недостаточную проработанность механизмов долгосрочного архивного хранения электронных документов с обеспечением их юридической силы [8, с. 72]. Она указывает на необходимость модернизации законодательства об архивах с учетом цифровизации, чтобы решить задачу «обеспечения возможности долгосрочного архивного хранения электронных документов с сохранением их юридической значимости». Думается, что законодательному регулированию предстоит найти баланс между требованием удалять персональные данные по исчерпанию нужды в них и обязанностью государства сохранять значимые сведения во времени. На практике этот баланс достигается путем законодательно закреплённых сроков хранения: для каждой категории данных установлен либо конкретный срок, либо бессрочное хранение обосновано через публично значимую цель; избыточной будет признана лишь такая обработка, которая выходит за рамки установленного срока или цели.

Выводы

Правовой статус органов публичной власти как операторов персональных данных характеризуется рядом особенностей. Во-первых, специфика статуса публичных операторов проявляется в повышенной ин-

тенсивности правового регулирования их деятельности по обработке персональных данных. Органам публичной власти адресуются требования к защите данных в государственных информационных системах, обезличиванию, обеспечению уровней защищённости, др. Поскольку специальные режимы защиты информации также адресованы прежде всего органам публичной власти и их должностным лицам, всякий раз, когда сведения ограниченного доступа одновременно являются персональными данными, на публичного оператора возлагается совокупность требований сразу нескольких режимов охраны информации. Во-вторых, Закон о персональных данных сформулирован таким образом, что в подавляющем большинстве случаев обработка персональных данных публичным оператором в пределах его компетенции не требует получения согласия субъекта персональных данных. В-третьих, несмотря на принцип обработки персональных данных исключительно в связи с конкретной, заранее определённой и законной целью на практике цели обработки персональных данных публичными операторами, закрепляемые в законах о создании государственных информационных систем, нередко формулируются так широко, что повышает риск функционального рассредоточения, который потенциально затрудняет контроль за соблюдением пределов обработки персональных данных публичными операторами. В-четвёртых, публичные операторы обязаны формализовать все аспекты обращения с персональными данными (процедуры предотвращения нарушений, перечни обрабатываемых сведений по каждой цели, категории субъектов, сроки хранения и порядок уничтожения, правила рассмотрения обращений субъектов, порядок доступа должностных лиц к помещениям и системам, регламенты работы с обезличенными данными и др.). В-пятых, для публичных операторов характерна напряжённость между публично-правовой обязанностью длительного (иногда бессрочного) хранения данных и принципами законодательства о персональных данных, прежде всего принципом ограничения сроков хранения и недопустимости избыточной обработки. Цифровизация публичного управления делает усложняет эту проблему.

В связи с этим представляется целесообразным: (1) конкретизировать цели создания и функционирования государственных информационных систем с тем, чтобы исключить «универсальные» формулировки и закрепить гарантии против вторичного использования персональных данных вне первоначального назначения; (2) детализировать правовой статус оператора единого информационного регистра населения; (3) уточнить требования к организационной профилактике утечек персональных данных и иных сведений ограниченного доступа, а также злоупотреблений полномочиями доступа к ним со стороны должностных лиц и работников (включая работников подрядных организаций), допущенных к обработке таких сведений (регулярные аудиты соблюдения режимов обработки и защиты, плановые и внеплановые проверки рабочих мест и прав (ролей) доступа, усиление процедур внутреннего контроля, регистрации и документирования операций доступа и действий с данными; (4) пересмотреть объём и условия исключений из уведомительного режима в части государственных информационных систем.

Список источников

1. Бундин М.В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2017. 218 с.
2. Матюхина Е.Н. Российское и германское законодательство о персональных данных: сравнительный анализ подходов и практики применения // Lex Russica. 2019. № 4 (149). С. 170 – 178. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.149.4.170-178
3. Дмитрик Н.А. История, смысл и перспективы развития института персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 3. С. 43 – 82. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-3-43-82
4. Трофимец И.А. Преимущества и недостатки новой информационной системы учёта граждан в Российской Федерации // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2022. № 1. С. 25 – 37. DOI 10.24147/1990-5173.2022.19(1).25-37
5. Koops В.-J. The concept of function creep // Law, Innovation and Technology. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 29 – 56. DOI: 10.1080/17579961.2021.1898299
6. Шелудченко И.А. Защита персональных данных в Российской Федерации сквозь призму делегированного правотворчества // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2025. № 1. С. 77 – 99.
7. Химченко А.И. Вопросы формирования цифровой среды доверия как структурного элемента в цифровизации государственного управления // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3. С. 159 – 164. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.22
8. Терещенко Л.К. Законодательство об архивах и единая цифровая среда доверия // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2021. № 2. С. 70 – 75.

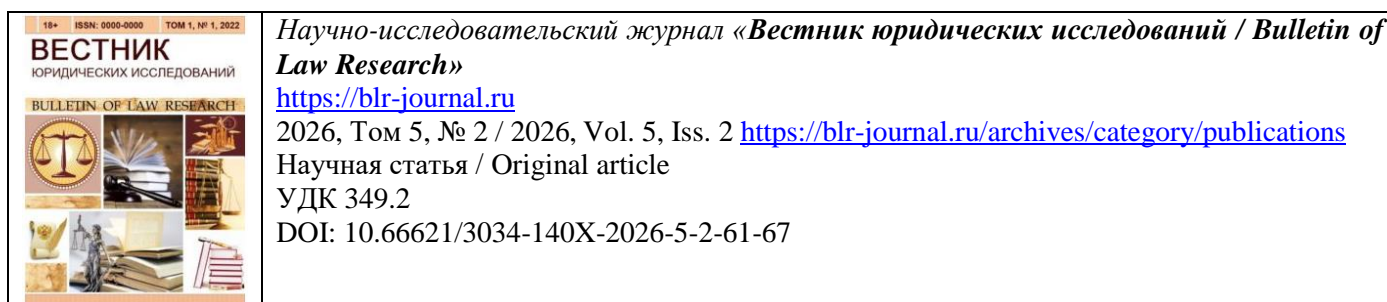
References

1. Bundin M.V. Personal data in a restricted-access information system: diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2017. 218 p.
2. Matyukhina E.N. Russian and German legislation on personal data: a comparative analysis of approaches and application practices. *Lex Russica*. 2019. No. 4 (149). P. 170 – 178. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.149.4.170-178
3. Dmitrik N.A. History, meaning, and development prospects of the personal data institution. *Bulletin of civil law*. 2020. Vol. 20. No. 3. P. 43 – 82. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-3-43-82
4. Trofimets I.A. Advantages and Disadvantages of the New Citizen Registration Information System in the Russian Federation. *Omsk State University Bulletin. Series. Law*. 2022. No. 1. P. 25 – 37. DOI 10.24147/1990-5173.2022.19(1).25-37
5. Koops B.-J. The Concept of Function Creep. *Law, Innovation and Technology*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 29 – 56. DOI: 10.1080/17579961.2021.1898299
6. Sheludchenko I.A. Protection of personal data in the Russian Federation through the prism of delegated law-making. *Bulletin of Moscow University. Series 11, Law*. 2025. No. 1. P. 77 – 99.
7. Khimchenko A.I. Issues of formation of a digital trust environment as a structural element in the digitalization of public administration. *The rule of law: theory and practice*. 2022. No. 3. P. 159 – 164. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.22
8. Tereshchenko L.K. Legislation on archives and a unified digital trust environment. *Actual problems of administrative law and process*. 2021. No. 2. P. 70 – 75.

Информация об авторе

Датий В.Р., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

© Датий В.Р., 2026

Гибридная реальность труда: правовые вызовы и перспективы смешанных форм занятости

¹ Идельбаева Г.И.,

¹ Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: данная научная работа посвящена тщательному исследованию процесса адаптации российского трудового законодательства к актуальным рыночным изменениям, обусловленным быстрым увеличением числа дистанционных форм профессиональной деятельности. Основная задача исследования заключается в выявлении имеющихся правовых несоответствий и лакунарных участков, создающих препятствия для полноценной реализации новых моделей трудовых отношений, а также в формировании предложений по их конструктивному разрешению.

Основу исследования составляют аналитические процедуры, направленные на оценку недавних модификаций национального законодательства, затрагивающих особенности юридического сопровождения дистанционной занятости. Особенный акцент делается на подробном исследовании вводимых понятийных конструкций и уточнении состава субъектов, наделяемых правом исполнять свои функциональные обязанности дистанционно. Центральным этапом исследования является идентификация минимально необходимого уровня правового закрепления ключевых компонентов двусторонних обязательств между работодателями и работниками, исполняющими свои трудовые функции вне стационарного рабочего помещения.

Анализ современного состояния нормативного правового массива продемонстрировал его несоответствие современным экономическим реалиям и формирующимся требованиям рынка труда. Наиболее значимыми проблемами оказались недостаточность детально разработанных регулятивных норм, охватывающих отдельные аспекты взаимодействия сторон, а также ограниченная применимость ряда положений Трудового кодекса к специфике дистанционной формы занятости. Данные факты свидетельствуют о настоятельной необходимости своевременного реформирования национальной правовой основы с целью построения интегральной и функциональной системы регулирования указанных типов трудовых взаимоотношений.

Результаты данной работы имеют непосредственное прикладное значение, поскольку они послужат основой для формулирования действенных шагов по модернизации трудового законодательства РФ. Цель этих шагов – усиление гарантий для всех участников трудовых отношений и создание надежных, прогнозируемых рамок для удаленной занятости. Сделанные заключения и предложенные рекомендации найдут свое применение у государственных структур, исследователей и отраслевых ассоциаций, участвующих в процессе создания и имплементации трудовых норм.

Ключевые слова: дистанционная занятость, российское законодательство, трудовые отношения, правовое регулирование, удалённая работа, пробелы в законодательстве, модернизация трудового права, юридические нормы

Для цитирования: Идельбаева Г.И. Гибридная реальность труда: правовые вызовы и перспективы смешанных форм занятости // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 61 – 67. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-61-67

Поступила в редакцию: 10 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 6 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

The hybrid reality of work: legal challenges and prospects for mixed employment forms

¹ Idelbaeva G.I.,

¹ Ufa University of Science and Technology Institute

Abstract: this research paper focuses on a thorough examination of the process of adapting Russian labor legislation to current market changes caused by the rapid increase in remote forms of professional activity. The main objective of the study is to identify existing legal inconsistencies and gaps that hinder the full implementation of new models of labor relations, and to propose constructive solutions to address these issues.

The study is based on analytical procedures aimed at assessing recent modifications to national legislation that affect the legal support for remote employment. Special attention is given to a detailed examination of the introduced concepts and the clarification of the list of entities that have the right to perform their functions remotely. The central stage of the study is to identify the minimum necessary level of legal regulation for the key components of bilateral obligations between employers and employees who perform their work outside of a stationary workplace.

An analysis of the current state of the regulatory legal framework has demonstrated its inadequacy to the current economic realities and the emerging requirements of the labor market. The most significant issues include the lack of detailed regulatory norms covering specific aspects of the parties' interaction, as well as the limited applicability of certain provisions of the Labor Code to the specific nature of remote employment. These facts highlight the urgent need for timely reform of the national legal framework to establish an integrated and functional system for regulating these types of employment relationships.

The results of this work are of direct practical importance, as they will serve as the basis for formulating effective steps to modernize the labor legislation of the Russian Federation. The purpose of these steps is to strengthen guarantees for all participants in labor relations and create a reliable, predictable framework for remote employment. The conclusions reached and the recommendations proposed will be applied by government agencies, researchers and industry associations involved in the process of creating and implementing labor standards.

Keywords: remote employment, Russian legislation, labor relations, legal regulation, remote work, gaps in legislation, modernization of labor law, legal norms

For citation: Idelbaeva G.I. The hybrid reality of work: legal challenges and prospects for mixed employment forms. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 61 – 67. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-61-67

The article was submitted: January 10, 2025; Approved after reviewing: March 6, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

В настоящее время в Российской Федерации наблюдается интенсивный процесс адаптации нормативно-правовых актов к современным тенденциям, проявляющимся на рынке труда. Одним из приоритетных направлений указанных преобразований является стремительное развитие дистанционных форм организации профессиональной деятельности, получивших широкое распространение в последние годы. «Дистанционный труд получил широкое распространение за последние годы. И если ранее такая форма занятости рассматривалась как-то-то исключительное и редко применяемое, то в настоящее время трудовые договоры с дистанционными работниками широко используются». [9] Рост популярности данного формата обусловлен целым рядом объективных преимуществ. Во-первых, «исполнение должностных функций непосредственно из места проживания освобождает сотрудников от затрат времени и энергии на регулярное перемещение к рабочему месту». [4] Во-вторых, «возможность дистанционного труда позволяет индивидуально формировать рабочую среду, оптимально соответствующую личностным предпочтениям каждого работника и повышающую эффективность исполнения профессиональных обязанностей». [3] Наконец, «указанный режим устраняет территориальные барьеры, обеспечивая доступ к выполнению трудовых функций независимо от фактического местоположения сотрудника» [10].

Материалы и методы исследований

В рамках методологии научного изыскания задействован всесторонний анализ законодательных актов и судебной практики, сопоставительный анализ, а также анкетирование сотрудников, задействованных в смешанных форматах занятости. Первичное информационное поле было сформировано путем изучения

релевантных положений Гражданского и Трудового кодексов России, определений Конституционного Суда РФ, обобщенных материалов судебной практики, подготовленных Верховным Судом РФ, и материалов из специализированной научной литературы.

В ходе научного изыскания использовались следующие фундаментальные исследовательские стратегии:

- Экспертные интервью с квалифицированными специалистами в области юриспруденции и руководителями высшего звена крупных корпоративных структур, активно внедряющих комбинированные формы трудоустройства.

- Массированное анкетирование сотрудников, чьи рабочие графики характеризуются сочетанием традиционной офисной занятости и удаленной работы, с целью фиксации актуальной картины и идентификации наиболее острых проблемных областей.

- Комплексный анализ сложившейся судебной-претензионной практики, связанной с нарушениями прав работников, осуществляющих трудовую деятельность в гибридном формате.

Применение вышеуказанных методик позволило провести глубокий анализ существующего уровня правового регулирования гибридных форматов занятости, точно диагностировать основные трудности и сформировать научно-обоснованные рекомендации по их устранению.

В последние несколько лет объем публикаций на тему дистанционной работы в отечественной научной литературе заметно возрос. Такая ситуация не в последнюю очередь связана с происходящими процессами цифровизации экономики. Именно поэтому ряд авторов рассматривает сегодня подобные трудовые отношения конкретно в ракурсе цифровых преобразований – например, в работах [7-8]. Достаточно много внимания исследователи уделяют изучению особенностей удаленной работы [1], обсуждению уже существующих практик и перспектив дальнейшего развития дистанционного формата на российском рынке труда [11].

Результаты и обсуждения

Несмотря на наблюдаемый положительный тренд роста востребованности дистанционной занятости, современное состояние соответствующей сферы остается достаточно проблематичным вследствие наличия значительных пробелов и правовых коллизий в российском законодательстве. «Безусловно, удаленная работа возможна далеко не во всех видах хозяйственной деятельности. В первую очередь ее целесообразность рассматривается для так называемых транзакционных отраслей и специальностей, которые связаны, в том числе, с информацией, осуществлением разного рода коммуникаций, посредничеством и предоставлением некоторых видов профессиональных услуг – например, для сфер ИТ, HR (подбор персонала), финансов (бухгалтерии и аудита), консалтинговых и переводческих услуг, закупок, продаж и проч. Но, несмотря на достаточно очевидную перспективность в условиях цифровизации экономики, а также наличие ряда определенных преимуществ, даже в указанных областях данный формат организации труда вызывал множество вопросов и у работодателей, и у сотрудников – как в социально-экономических и организационных аспектах, так и с точки зрения его правового обеспечения» [2].

Нормативно-правовая база в существенной степени отстает от реальных потребностей, возникающих при внедрении и функционировании нового типа трудовых взаимоотношений. Основные проблемы заключаются в недостаточной юридической регламентации отдельных аспектов взаимодействия работодателя и работника, осуществляющего трудовую деятельность дистанционно, а также в неприменимости некоторых положений Трудового кодекса к специфическим отношениям сторон. Это предопределяет острую потребность в модернизации действующего правового поля, направленной на устранение выявленных недостатков и приведение нормативных актов в соответствие с современными реалиями рынка труда. Между тем существующие правовые пустоты и противоречия препятствуют эффективному развитию института дистанционной занятости, подчеркивая неизбежность принятия необходимых корректировок и дополнений.

Необходимо особо отметить, что правовое пространство Российской Федерации пребывает исключительно на начальной стадии своего преобразования, адекватного современной экономике и кардинально изменившимся условиям функционирования рынка труда, обусловленным широким распространением дистанционной занятости. Совсем недавно проведенные изменения законодательства являются первыми инициативами, направленными на формирование комплексной правовой инфраструктуры, регулирующие соответствующие виды трудовых отношений. В содержание Трудового кодекса Российской Федерации интегрирован ряд принципиальных новелл, ориентированных на установление базовых принципов взаимодействия работников, осуществляющих свою деятельность дистанционным образом, и работодателей. Законодательством введены определённые терминологические конструкции и чёткие дефиниции, предназначенные для юридического обозначения субъектов, исполняющих свои должностные обязанности вне традици-

онных рабочих пространств, установлены минимально необходимые рамки согласования основных элементов взаимных обязательств сторон.

Однако стоит отметить, что даже при наличии позитивных изменений, действующее законодательство Российской Федерации всё ещё содержит пробелы и недостаточно проработано в аспектах, относящихся к удалённому формату труда. Существует определённый круг основополагающих моментов, которые пока не получили должного регулирования и требуют дальнейшего совершенствования. Одна из центральных проблем связана с самим термином «дистанционная работа»: действующий закон устанавливает, что под данным видом деятельности понимается «выполнение определенной трудовой функцией работника в месте нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования», т.е. исключительно та работа, которая выполняется вне официального местонахождения работодателя.

Подобное ограниченное толкование существенно снижает потенциал применения действующих норм права, лишая необходимой правовой защиты многообразные промежуточные модели трудоустройства, объединяющие традиционные и дистанционные способы реализации трудовых функций. Подтверждением острой потребности в реформировании отечественного законодательства выступает отсутствие полноценного урегулирования ситуаций, характеризующихся одновременным вовлечением отдельного субъекта в разные типы трудовых отношений. Рассмотрим следующий сценарий: значительная доля рабочего времени сотрудника расходуется на выполнение задач дистанционно, преимущественно из домашнего пространства либо иного удобного для него места, однако периодически он присутствует на своем основном рабочем месте, расположенном поблизости от производственного комплекса. Такой специфический, смешанный режим труда получил наименование «гибридный формат». Данная модель представляется перспективным направлением эволюции современных трудовых взаимодействий ввиду интеграции положительных характеристик как традиционного, так и дистанционного способов исполнения обязанностей. Однако действующие нормы права практически не отражают существование подобной разновидности занятости, создавая многочисленные неопределенности и оставаясь без ясных юридико-технических ориентиров.

Особенную сложность представляет регулирование случаев, когда работники оказываются временно отстраненными от стационарного рабочего места в силу определенных производственных обстоятельств. К подобным обстоятельствам относятся, среди прочего, командировки, участие в специализированных конференциях и тренингах, проведение научных экспедиций и обследований местности, оказание содействия удалённым подразделениям или представительствам, находящимся на значительном расстоянии от головного офиса. Такие эпизоды закономерно порождают сложный спектр правовых проблем, затрагивающих интересы всех участников правоотношений.

Практика свидетельствует, что подавляющее большинство конфликтов, сопряженных с гибридным форматом занятости, возникает именно из-за отсутствия исчерпывающих и однозначных правовых установлений, регламентирующих рассматриваемые обстоятельства. Современное законодательство не предусматривает эффективных процедур предотвращения и разрешения возможных споров, равно как и механизма защиты нарушенных прав. Условия современного рынка требуют скорейшего введения специальных регуляторов и соответствующего совершенствования существующих правовых актов, обеспечивающего адекватное отражение новейших реалий трудовых отношений. «Следует отметить, что гибридная занятость позволяет нивелировать недостатки удаленки и создать тем самым положительный баланс между физической и виртуальной рабочей средой, что делает данный формат работы «идеальной серединой» для работодателей и работников [6]».

Выводы

Начало очередного этапа эволюционного процесса российского трудового законодательства стало очевидностью. Гибридный формат занятости предопределил возникновение качественно иной парадигмы правоприменительной практики и продиктовал необходимость разработки принципиально новых законодательных установок. Среди первоочередных задач выделяются: точное определение понятийного аппарата и сущностных особенностей гибридного труда, стандартизация критериев установления графика и режимов работы сотрудников, введение специализированного порядка исчисления заработной платы и компенсаций транспортных издержек, а также закрепление условий возмещения расходов, связанных с обеспечением

необходимыми техническими средствами и коммуникационными ресурсами, используемыми при осуществлении удалённой деятельности. Актуальным вопросом становится также переоценка традиционной концепции рабочего времени с учётом специфической природы задач, решаемых сотрудниками при последовательном сочетании непосредственного присутствия на предприятии и удалённого выполнения поручений. Структура гибридной занятости предполагает интеграцию физического пребывания на рабочем месте и дистанционный характер исполнения обязанностей, что определяет настоятельную потребность в трансформации текущего правового поля и введении инновационных норм в действующую правовую систему. Решение указанного спектра задач возможно путем комплексного подхода, включающего следующие меры:

1. Формулирование детализированного легального определения термина «гибридная занятость», которое охватывает сочетание периодов присутствия на рабочем месте и выполнения заданий в дистанционном режиме, включая конкретные временные интервалы перехода между указанными формами трудовой активности, порядок регулярного чередования указанных форм и оформление подтверждающих документов, удостоверяющих соответствующий рабочий график. В среде ученых и специалистов сформировались разнообразные точки зрения относительно стандартов учёта фактически отработанного времени лицами, осуществляющими свою трудовую деятельность дистанционно. Согласно общепринятым юридическим нормам, если специальные оговорки отсутствуют в положениях Трудового кодекса Российской Федерации либо в тексте индивидуального трудового договора, подразумевается, что такая категория работников должна соблюдать стандартный объем рабочего времени, составляющий 40 часов. Вместе с тем на практике нередко возникают значительные трудности, связанные с фиксацией фактов привлечения сотрудников к исполнению трудовых обязанностей за пределами установленной продолжительности рабочего времени, что осложняет правильное применение норм трудового права и создаёт правовые коллизии в отношениях между сторонами трудового договора.

2. Установление обязательства работодателя вести отдельный учет рабочего времени и графиков труда работников, привлечённых к гибридной форме занятости, что позволит обеспечить эффективный контроль над исполнением трудовых обязанностей и минимизировать конфликты, возникающие вследствие нарушения установленных требований относительно соблюдения прав и обязанностей сторон трудового договора. Можно закрепить обязанность дистанционного работника использовать на компьютере специальное программное обеспечение для мониторинга пользовательской активности.

3. Создание специальной нормативной базы, определяющей правила оплаты труда и механизм компенсации работникам расходов, связанных с эксплуатацией технических устройств, подключением к сети Интернет и услугами мобильных операторов в рамках удаленного выполнения служебных обязанностей. Целесообразно предусмотреть выделение целевого финансирования или создание отдельной строки бюджета организаций для покрытия указанных расходов.

4. Закрепление законодательно минимальной базовой конфигурации технического оснащения и санитарных условий организации рабочих зон для сотрудников, совмещающих офисную работу с дистанционной деятельностью. Данные стандарты должны включать минимальный перечень оборудования, необходимого для продуктивной работы, а также соблюдение гигиенических и эргономических требований, обеспечивающих комфортные условия труда как в домашнем пространстве, так и на территории работодателя.

5. Обязательство работодателя своевременно информировать работников обо всех изменениях в графике трудовой деятельности, уведомлять о переходе на смешанные схемы занятости и документально оформлять подобные договоренности в письменном виде.

6. Гарантирование равных социальных прав и льгот сотрудникам, работающим по гибридной схеме, включая медицинское обслуживание, обязательные пенсионные взносы и право на предоставление оплачиваемых отпусков. Следует разработать механизмы расчета обязательных страховых платежей и налогообложения доходов физических лиц, учитывающие особенности смешанного формата найма.

7. Государственное стимулирование работодателей, использующих гибридную схему найма, путём предоставления налоговых преференций, таких как уменьшение налоговой нагрузки на прибыль предприятия или частичное освобождение от выплат обязательных взносов в социальные фонды, начисляемые на заработную плату работников, занимающихся трудом в смешанной форме.

8. Организация специализированных государственных органов, уполномоченных осуществлять надзор за соблюдением прав и законных интересов работников, привлекаемых к работе в условиях комбинирования офисного и удаленного труда. Эти структуры должны регулярно проводить проверки соответствия деятельности компаний установленным нормам и рассматривать жалобы работников на возможные нарушения.

Реализация перечисленных мер создаст предпосылки для упорядочивания институтов смешанного труда, укрепления гарантий прав работников и формирования благоприятных условий для широкого распространения подобного формата занятости.

Таким образом, наличие целого ряда серьезных правовых пробелов и двусмысленности, приводящих к возникновению практических трудностей как для работодателей, так и для самих работников, затрудняя однозначное установление прав и возложение обязанностей на обе стороны трудового соглашения. Только реформа существующей нормативной базы способна создать возможности для населения Российской Федерации полноценно воспользоваться преимуществами удаленной работы, защищая их от рисков ущемления прав и законных интересов.

Список источников

1. Абрамов В.И., Глухова Е.В., Семенов К.Ю. Цифровая трансформация системы развития и обучения персонала предприятий // *Лидерство и менеджмент*. 2023. № 1. С. 189 – 202.
2. Гурова И.М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2020. № 2. С. 128 – 147.
3. Евсеенко Е.В. Психология управления. Москва Юрайт, 2000. 234 с.
4. Кочетков А.Г. Управление персоналом организации. Москва: Юрайт, 2000. 185 с.
5. Лаас Н.И. Перспективы развития удаленной занятости и особенности построения карьеры в условиях развития рынка удаленной работы управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2023. № 2. С. 37 – 42.
6. Мирзабалаева Ф.И., Кузьмина А.С. Перспективы развития гибридной занятости на современном рынке труда // *Экономика труда*. 2024. № 9. С. 1357 – 1374.
7. Мусимович М.В. Цифровизация рынка труда: потенциальные перспективы и риски для участников трудовых отношений // *Экономика труда*. 2025. № 4. С. 417 – 434.
8. Новиков Д.А. Цифровая трансформация трудовых отношений: правовые вызовы искусственного интеллекта и платформенной занятости // *Трудовое право в России и за рубежом*. 2025. № 4. С. 12 – 14.
9. Осипова С.В. Отдельные аспекты правового регулирования дистанционной работы // *Юридический вестник Самарского университета*. 2022. № 3. С. 55.
10. Полянин Г.Б. Трудовые отношения в условиях рынка. Санкт-Петербург: ИД Питер, 2000. 302 с.
11. Пушнова В.В. Дистанционное обучение: современное состояние и перспективы развития // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2020. № 2. С. 87.

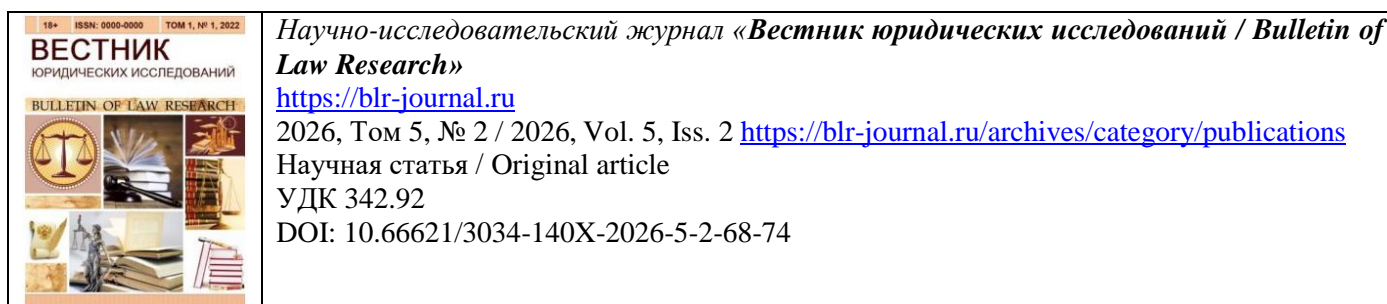
References

1. Abramov V.I., Glukhova E.V., Semenov K.Yu. Digital transformation of the enterprise personnel development and training system. *Leadership and Management*. 2023. No. 1. P. 189 – 202.
2. Gurova I.M. Remote work as a trend of the times: results of mass experiment. *MIR (Modernization. Innovation. Development)*. 2020. No. 2. P. 128 – 147.
3. Evseenko E.V. *Psychology of management*. Moscow: Yurait, 2000. 234 p.
4. Kochetkov A.G. *Personnel management of the organization*. Moscow: Yurait, 2000. 185 p.
5. Laas N.I. Prospects for the Development of Remote Employment and Features of Career Building in the Context of the Developing Remote Work Market: Personnel and Intellectual Resource Management in Russia. *Personnel and Intellectual Resource Management in Russia*. 2023. No. 2. P. 37 – 42.
6. Mirzabalaeva F.I., Kuzmina A.S. Prospects for the Development of Hybrid Employment in the Modern Labor Market. *Labor Economics*. 2024. No. 9. P. 1357 – 1374.
7. Musimovich M.V. Digitalization of the Labor Market: Potential Prospects and Risks for Participants in Labor Relations. *Labor Economics*. 2025. No. 4. P. 417 – 434.
8. Novikov D.A. Digital Transformation of Labor Relations: Legal Challenges of Artificial Intelligence and Platform Employment. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2025. No. 4. P. 12 – 14.
9. Osipova S.V. Certain Aspects of Legal Regulation of Remote Work. *Legal Bulletin of Samara University*. 2022. No. 3. P. 55.
10. Polyanin G.B. *Labor Relations in a Market Economy*. St. Petersburg: ID Piter, 2000. 302 p.
11. Pushnova V.V. Distance Learning: Current State and Development Prospects. *Bulletin of Astrakhan State Technical University*. 2020. No. 2. P. 87.

Информация об авторе

Идельбаева Г.И., кандидат юридических наук, доцент, Институт права, Уфимский университет науки и технологий

© Идельбаева Г.И., 2026

Множественность административных правонарушений: проблемы теории и практики

¹ Лихолет Е.Н., ² Бондаренко Д.М.,

¹ Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,

² Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

Аннотация: современный мир характерен бурными изменениями во всех сферах жизнедеятельности человека, что неминуемо приводит к повышению социальной активности населения, усложнению общественных отношений и, как следствие, комплексной трансформации социального взаимодействия личности и государства. Такая ситуация находит отражение в увеличении точек соприкосновения и зон потенциального конфликта, что проявляется ростом числа случаев совершения одним лицом нескольких правонарушений. Проблемы их квалификации, привлечение к административной ответственности, процессуальное оформление являются одними из наиболее дискуссионных вопросов в правоприменительной практике. Множественность административных правонарушений становится одной из наиболее значимых и сложных задач современной юридической науки, решение которой возможно путем глубокого научного исследования.

Цель исследования: комплексный анализ института множественности административных правонарушений, выявление ключевых проблем его правового регулирования и правоприменения в условиях роста количества и расширения составов административных деликтов.

Задачи исследования:

1. Определить правовую природу и формы множественности административных правонарушений (совокупность и повторность) на основе действующего законодательства.
2. Выявить системные проблемы и коллизии в квалификации множественности, связанные с отсутствием легальных определений, несовершенством норм КоАП РФ и разночтениями в судебной практике.
3. Проанализировать практические последствия некорректной квалификации множественности, включая нарушения принципов справедливости, равенства перед законом и угрозы правам граждан и бизнеса.
4. Разграничить множественность правонарушений с едиными сложными (длящимися, продолжаемыми) деяниями.

Результаты исследования имеют высокую практическую ценность для правоприменителей (судов, должностных лиц контрольно-надзорных органов), так как материалы статьи предоставляют систематизированный алгоритм для разграничения форм множественности и единых правонарушений, что способствует упрощению принятию решений, снижению субъективизма и правоприменительного диссонанса.

Ключевые слова: административное право, административное правонарушение, множественность, совокупность, повторность, административная ответственность

Для цитирования: Лихолет Е.Н., Бондаренко Д.М. Множественность административных правонарушений: проблемы теории и практики // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 68 – 74. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-68-74

Поступила в редакцию: 12 января 2026 г. Одобрена после рецензирования: 7 марта 2026 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

Multiplicity of administrative offenses: theoretical and practical issues

¹ Likholet E.N., ² Bondarenko D.M.,

¹ Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,

² Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov

Abstract: the modern world is characterized by rapid changes in all spheres of human activity, which inevitably leads to increased social activity, a more complex public relationship, and, as a consequence, a comprehensive transformation of social interaction between the individual and the state. This situation is reflected in the increase in points of contact and areas of potential conflict, which is manifested by the growing number of cases of multiple offenses committed by one person. The problems of their classification, administrative liability, and procedural formalization are among the most controversial issues in law enforcement practice. The multiplicity of administrative offenses is becoming one of the most significant and complex problems of modern legal science, the solution of which is possible through in-depth scientific research.

Objective of the study: to comprehensively analyze the institution of multiplicity of administrative offenses, identify key issues in its legal regulation and enforcement in the context of the growing number and expansion of administrative offenses.

Research objectives:

1. To determine the legal nature and forms of multiplicity of administrative offenses (aggregate and repeat offenses) based on current legislation.
2. To identify systemic problems and conflicts in the classification of multiple offenses related to the lack of legal definitions, imperfect provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and discrepancies in judicial practice.
3. To analyze the practical consequences of incorrectly qualifying multiple offenses, including violations of the principles of fairness, equality before the law, and threats to the rights of citizens and businesses.
4. To distinguish multiple offenses from single complex (continuing, ongoing) acts.

The results of the study are of high practical value for law enforcement agencies (courts, officials of regulatory and supervisory bodies), as the article's materials provide a systematic algorithm for distinguishing between forms of multiple offenses and single offenses, which facilitates decision-making and reduces subjectivity and dissonance in law enforcement.

Keywords: administrative law, administrative offense, multiple offenses, aggregate offenses, repetition, administrative responsibility

For citation: Likholet E.N., Bondarenko D.M. Multiplicity of administrative offenses: theoretical and practical issues. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 68 – 74. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-68-74

The article was submitted: January 12, 2025; Approved after reviewing: March 7, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

В правоохранительной деятельности государства административные правонарушения выходят на центральное место в связи с тем обстоятельством, что административные деликты стали самым массовым сегментом правовой реальности, затрагивающим повседневную деятельность общества. В сравнении с преступными деяниями, количество административных правонарушений в значительной степени выше. Появляются признаки, что их доля увеличивается, а это в свою очередь говорит о нарастании угроз для современного социума со стороны лиц, в своем поведении выходящих за обозначенные государством границы правового поля [5]. При этом административная юрисдикция выступает универсальным регулятором, обеспечивающим стабильность общественных отношений. В этом вопросе рассмотрение множественности административных правонарушений становится одним из ключевых факторов определения реальной степени угрозы, которую представляет нарушитель для общества.

Проблема множественности административных правонарушений выходит за рамки только теоретического рассмотрения, приобретая высокую научную, правоприменительную и социальную значимость по ряду причин:

1. Эскалация административного регулирования, проявляющаяся в условиях усложнения общественных отношений усилением, расширением или ужесточением государственного контроля и надзора в определенных сферах жизни общества. Во многом это связано с расширением составов административных

правонарушений в новых сферах, таких как финансовые технологии, экология, цифровая среда. При этом увеличиваются риски совершения одним лицом нескольких правонарушений, что требует четкости в их квалификации.

2. Несовершенства и коллизии в законодательстве. Это, прежде всего, отсутствие в административном законодательстве легальных определений ключевых понятий – совокупности и повторности, а также неясности критериев их разграничения порождают следующие вопросы:

- правоприменительный диссонанс, при котором одинаковые ситуации по разному квалифицируются судьями и должностными лицами, особенно в разных регионах;
- нарушение принципов справедливости и равенства перед законом.

3. Угрозы реализации законных прав граждан и представителей бизнеса. Неправильная квалификация множественности приводит к излишнему ужесточению или смягчению ответственности. В условиях, когда штрафы для юридических лиц могут исчисляться миллионами рублей, такая ситуация может приводить к серьезным финансовым проблемам.

4. Повышенная нагрузка на правоприменителей, выражающаяся в необходимости судьям и уполномоченным должностным лицам восполнять пробелы законодательства собственным усмотрением.

5. Теоретическая востребованность. Дискуссии о природе административной ответственности, заимствовании конструкций из уголовного законодательства с их адаптацией к административно-деликтным отношениям остаются открытыми. Научное осмысление явления множественности являются необходимостью для обеспечения эффективного государственного управления.

Материалы и методы исследований

Методы, примененные для изучения рассматриваемой темы составляют два уровня:

- общенаучный: анализ, синтез, дедукция, индукция;
- частнонаучный: нормативно-логический, сравнительно-правовой, социологические и статистические методы.

Результаты и обсуждения

Единого определения множественности в административном законодательстве не представлено, в связи с чем, под этим явлением понимается совершение лицом двух и более административных правонарушений, ни за одно из которых лицо не было привлечено к административной ответственности. Такое понимание множественности вытекает из ст. 4.4 КоАП РФ [1]. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в административном праве отсутствуют институты рецидива и совокупности приговоров в отличие от уголовно-правовой множественности. В этом вопросе административное регулирование менее детализировано. Нормативной базой регулирования множественности выступает ст. 4.4 КоАП РФ (назначение административных наказаний за совершение нескольких правонарушений) [1].

Множественность административных правонарушений классифицируется по таким ключевым критериям как характер деяния и момент его выявления. Выделяется две основных формы множественности: совокупность и повторность [2].

Совокупность – совершение двух и более правонарушений, каждое из которых образует самостоятельный состав административного правонарушения, ни за одно из которых лицо не было привлечено к административной ответственности.

В свою очередь совокупность может быть двух видов:

1. Идеальная совокупность, когда одно действие (или бездействие) нарушает нормы двух и более статей КоАП РФ. Ключевым признаком выступает единство деяния при множественности его юридической оценки. Наказание в таких случаях предусмотрено по принципу поглощения или применение санкции, предусматривающей более строгое наказание (ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ) [1].

2. Реальная совокупность в том случае, когда совершается два и более правонарушения, при условии, что ни за одно из них лицо не было привлечено к административной ответственности. Ключевым признаком является раздельность деяний во времени и их самостоятельность. В этом случае ответственность наступает за каждое правонарушение по ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ по принципу сложения наказаний.

При выявлении нескольких составов правонарушений в ходе одного контрольного мероприятия возможно назначение наказания как за совершение одного правонарушения (ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ) при совершении тождественных правонарушений и наиболее строгое наказание при не тождественных правонарушениях (ч. 6 ст. 4.4 КоАП РФ) [1]. Такой порядок действий характерен для идеальной совокупности. В слу-

чае квалификации реальной совокупности не имеет значения, в рамках скольких проверок она выявлена [6].

Тождественность двух и более правонарушений будет иметь значение в разграничении нескольких самостоятельных правонарушений и одного сложного деяния. При реальной совокупности лицо совершает несколько тождественных правонарушений, каждое из которых вызвано новым умыслом. Наказание в этом случае назначается за каждое правонарушение отдельно, согласно ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ. Тождественные действия, объединенные единым умыслом и общей целью должны рассматриваться как одно продолжаемое правонарушение [8].

Другим вариантом множественности выступает повторность, которая рассматривается и как ее форма, и как специальный признак конкретного состава правонарушения, ужесточающий ответственность [4]. Под повторностью понимается совершение лицом однородного административного правонарушения в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию [7]. В такой ситуации важное практическое значение имеет разграничение между реальной совокупностью и повторностью. Юридическая разница между этими формами множественности заключается в стадии правоотношений, на которой находится лицо, а также в порядке назначения наказания. При реальной совокупности лицо совершило два или более административных правонарушения, ни по одному из которых не вынесено постановление (или не вступило в силу). При повторности лицо совершает новое правонарушение в статусе подвергнутого административному наказанию (ст. 4.6 КоАП РФ) [3]. Таким образом, главным критерием служит наличие вступившего в законную силу постановления по первому делу.

Наказание в случае повторности административного правонарушения назначается:

- при наличии в статье КоАП РФ специальной части для повторного правонарушения, наказание назначается по этой части;
- при отсутствии в статье КоАП РФ специальной части за повторность, она учитывается как обстоятельство, отягчающее административную ответственность и рассматривается по п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ [1].

В судебной практике представлено достаточно случаев, касающихся разночтений в понимании. Примером такой ситуации может быть определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.04.2024 г. № по делу № А11-10811/2022 [9]. В рамках осуществления государственного контроля, компания представила статистическую отчетность с нарушением установленных сроков по 14 эпизодам перемещения товара в таможенный орган, который квалифицировал каждый эпизод нарушения как самостоятельный состав по ч. 2 ст. 19.7.13 КоАП РФ, вынес 14 отдельных постановлений о штрафе. Компания обратилась с апелляцией в Арбитражный суд о признании вынесения наказания по 13 постановлениям из 14 не подлежащих исполнению, с чем суд согласился. Тем не менее, кассационная инстанция отменила данное решение, указав на невозможность трактовки совокупности поданных документов как результат единого контрольного мероприятия.

Верховным Судом России было установлено, что спорная ситуация возникла по причине того, что таможенным органом не был составлен акт проверки, что является необходимым по окончании проведения контрольного мероприятия. Судебное решение кассационной инстанции было отменено, законные интересы компании защищены [9].

В данном примере мы видим разночтения в трактовке положений административного законодательства по вопросу применения положений ст. 4.4 КоАП РФ. В приведенном случае прослеживаются два разных подхода к вопросу. В одном из них каждое из выявленных правонарушений образует отдельный состав административного правонарушения с вынесением административного наказания за каждый из них. В другом случае только одно из постановлений подлежит административному наказанию, другие однородные правонарушения в рамках одного контрольного мероприятия подлежат отмене. Такой подход соответствует ч. 5 ст. 4.4 КоАП РФ. Кроме того, он также не вступает в противоречие с ч. 5 ст. 4.1 КоАП РФ [1].

Сложностью в данном случае является выявление нарушений в рамках одного или нескольких контрольных мероприятий, поскольку неправильное оформление правонарушения может создавать искусственную множественность, в ряде случаев сложно распознаваемую.

Как мы видим, в приведенном примере возник вопрос о возможности рассмотрения четырнадцати фактов перемещения товаров в рамках одного контрольного мероприятия. При этом является дискуссионным необходимость оформления такого перемещения одним пакетом документов (что предполагает одно контрольное мероприятие) или каждый факт его перемещения требует отдельной самостоятельной отчетности и является самостоятельным составом правонарушения, рассматриваемым отдельными контрольными мероприятиями.

Обзоры судебной практики РФ подтверждают остроту проблемы. Если обратиться к статистике административных правонарушений судами первой инстанции, то по состоянию на 2024 год мы увидим следующую картину. Всего за год рассмотрено 5 953 669 дел по всем статьям КоАП РФ, из которых административное наказание понесли 4 910 414 лиц [10]. По мнению Н.А. Ахтаниной, отмеченный разрыв в статистике (почти на 1 млн. дел) может быть связан с таким явлением административно-правовой действительности, как множественность правонарушений [10].

На наш взгляд, повышенное внимание следует уделять отличию длящегося продолжаемого административного правонарушения, не представляющего собой ни одну форму множественности. Такое административное правонарушение характеризуется началом реализации объективной стороны без ее прекращения либо по воле правонарушителя, либо при пресечении правоохранительными органами. Таким образом, при длящемся единичном правонарушении, при наступлении нового дня, либо его повторном совершении, новый состав не будет образован, это продолжение уже существующего противоправного акта. Совокупность же очевидно обладает эпизодичностью, когда несколько совершенных действий (бездействий) каждый раз формируют состав административного правонарушения, таким образом, порождая череду тождественных самостоятельных деликтов, совершение которых объединено единым умыслом. Классическим примером является ст. 18.9 КоАП РФ. Мы видим, что когда иностранное лицо начинает нарушать требования нахождения на территории РФ, оно не совершает каждый раз новый эпизод приведенного деяния, в отличие от административного правонарушения, рассмотренного в качестве примера по ст. 19.7.13 КоАП РФ.

Выводы

Проведенное исследование института множественности административных правонарушений позволяет сформулировать следующие теоретические и практические выводы, имеющие значение для административно-деликтного права и правоприменительной деятельности. На теоретическом уровне подтверждается дуалистическая природа множественности, что проявляется в первую очередь в формах идеальной и реальной совокупности. Ключевой проблемой остается разграничение единого сложного правонарушения от идеальной совокупности, что требует обращения к критериям направленности умысла и одновременности. Правоприменительная практика показывает, что при реальной совокупности противоречия в основном отсутствуют: наказание назначается за каждое правонарушение. Противоречивость наблюдается при выявлении идеальной совокупности. Одни суды, следуя ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ, строго применяют правило поглощения более строгим наказанием. Другие пытаются квалифицировать действия как единое сложное правонарушение, что ведет к нарушению принципа законности. Такая ситуация возможна из-за наличия пробелов в законодательстве, восполняемые правоприменителем по-разному, что приводит к нарушению принципа равенства перед законом.

На основании вышеизложенного, для повышения эффективности института множественности, предлагаем:

- внести изменения и дополнения в ст. 4.4 КоАП РФ, детализировав понятия «одно действие (бездействие)», «несколько самостоятельных действий» с закреплением критериев их разграничения, таких как единая цель, временной промежуток, объект посягательства;
- Верховному Суду РФ дать разъяснения по квалификации множественности, особенно в спорных случаях (длящиеся правонарушения, повторность, смежные составы);
- в рамках ведомственного нормотворчества правоохранительным органам разработать методические рекомендации для сотрудников, разъясняющие типичные ситуации множественности в конкретной сфере (благоустройство, ЖКХ, миграционный контроль).

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // КонсультантПлюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 10.01.2026)
2. Ахтанина Н.А. Совокупность как вид множественности административных правонарушений: понятие и законодательное закрепление // Административное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 11 – 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovokupnost-kak-vid-mnozhestvennosti-administrativnyh-pravonarusheniy-ponyatie-i-zakonodatelnoe-zakreplenie> (дата обращения: 08.11.2025)
3. Ахтанина Н.А. Множественность административных правонарушений: дис. ... канд. юрид. наук. Орел. 2021. 212 с.

4. Ахтанина Н.А. Правовая характеристика повторности административных правонарушений // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-harakteristika-povtornosti-administrativnyh-pravonarusheniy> (дата обращения: 08.11.2025)

5. Зарницина К.В. Психосоматические расстройства как детерминанта качества жизни: междисциплинарный анализ // Вестник науки. 2026. № 1 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihosomaticheskie-rasstroystva-kak-determinanta-kachestva-zhizni-mezhdistsiplinarnyy-analiz> (дата обращения: 08.11.2025)

6. Климашевская О.В. Проблема классификации административных правонарушений в правоприменительной деятельности // Власть. 2021. № 4. С. 150 – 155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-klassifikatsii-administrativnyh-pravonarusheniy-v-pravoprimeritelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 08.11.2025)

7. Павлова Е.В., Ахтанина Н.А. Проблемные аспекты эффективности применения норм административной ответственности при множественности правонарушений // Научный портал МВД России. 2022. № 4 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-effektivnosti-primeneniya-norm-administrativnoy-otvetstvennosti-pri-mnozhestvennosti-pravonarusheniy> (дата обращения: 08.11.2025)

8. Соловьева С.В., Чабан Е.А. Повторность совершения административного правонарушения: вопросы квалификации и назначения наказания // Образование и право. 2024. № 7. С. 169 – 174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtornost-soversheniya-administrativnogo-pravonarusheniya-voprosy-kvalifikatsii-i-naznacheniya-nakazaniya> (дата обращения: 08.11.2025)

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.04.2024 № 301-ЭС23-25028 по делу № А11-10811/2022 // LegalActs.ru : [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03042024-n-301-es23-25028-po-delu-n-a11-108112022/> (дата обращения: 08.11.2025)

10. Официальная страница судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 08.11.2025)

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 29.12.2025). ConsultantPlus: [website]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (date of access: 10.01.2026)

2. Akhtanina N.A. Aggregate as a type of plurality of administrative offenses: concept and legislative consolidation. Administrative and municipal law. 2020. No. 4. P. 11 – 16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovokupnost-kak-vid-mnozhestvennosti-administrativnyh-pravonarusheniy-ponyatie-i-zakonodatelnoe-zakreplenie> (date of access: 08.11.2025)

3. Akhtanina N.A. Plurality of Administrative Offenses: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Orel. 2021. 212 p.

4. Akhtanina N.A. Legal Characteristics of Repeated Administrative Offenses. Law and State: Theory and Practice. 2020. No. 4 (184). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-harakteristika-povtornosti-administrativnyh-pravonarusheniy> (date of access: 08.11.2025)

5. Zarnitsina K.V. Psychosomatic disorders as a determinant of quality of life: an interdisciplinary analysis. Bulletin of science. 2026. No. 1 (94). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihosomaticheskie-rasstroystva-kak-determinanta-kachestva-zhizni-mezhdistsiplinarnyy-analiz> (date of access: 08.11.2025)

6. Klimashevskaya O.V. The problem of classification of administrative offenses in law enforcement activities. Vlast. 2021. No. 4. pp. 150–155. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-klassifikatsii-administrativnyh-pravonarusheniy-v-pravoprimeritelnoy-deyatelnosti> (accessed: 08.11.2025)

7. Pavlova E.V., Akhtanina N.A. Problematic aspects of the effectiveness of applying administrative liability norms in the case of multiple offenses. Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-effektivnosti-primeneniya-norm-administrativnoy-otvetstvennosti-pri-mnozhestvennosti-pravonarusheniy> (date of access: 08.11.2025)

8. Solovieva S.V., Chaban E.A. Repeated commission of an administrative offense: issues of qualification and sentencing. Education and Law. 2024. No. 7. P. 169 – 174. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povtornost-soversheniya-administrativnogo-pravonarusheniya-voprosy-kvalifikatsii-i-naznacheniya-nakazaniya> (date of access: 08.11.2025)

9. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.04.2024 No. 301-ES23-25028 in case No. A11-10811/2022. LegalActs.ru: [website]. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03042024-n-301-es23-25028-po-delu-n-a11-108112022/> (date of access: 08.11.2025)

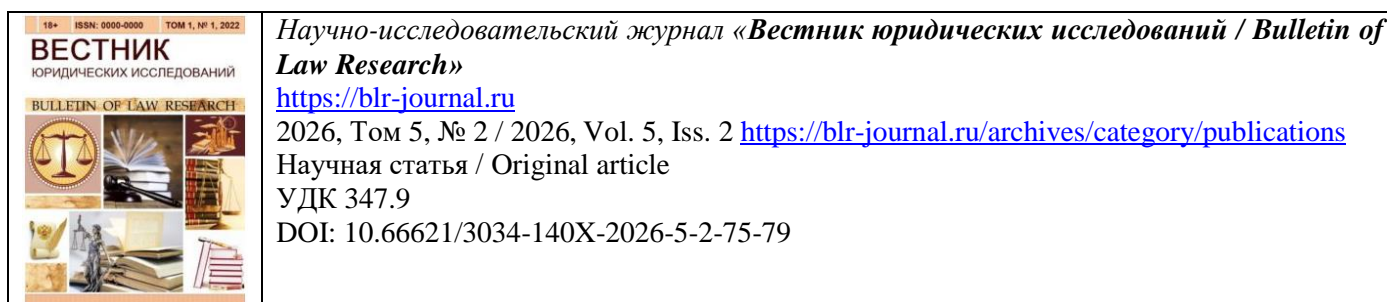
10. Official page of judicial statistics. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=5> (date of access: 08.11.2025)

Информация об авторах

Лихолет Е.Н., кандидат юридических наук, доцент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

Бондаренко Д.М., адъюнкт, Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова

© Лихолет Е.Н., Бондаренко Д.М., 2026

***Возмещение судебных расходов ненадлежащему
ответчику по делам о защите прав потребителей***

¹ Якунин Д.В.,

¹ Дальневосточный филиал Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева

Аннотация: в статье исследована проблема отсутствия единой судебной практики по вопросу возмещения судебных расходов, понесенных ненадлежащим ответчиком. В судебной практике встречаются случаи как возложения обязанности по компенсации таких расходов на истца, несмотря на вынесение судебного решения по делу в его пользу, так и возложение обязанности на надлежащего ответчика. В связи с этим целью исследования явилось определение и оценка правовых последствий возложения обязанности по компенсации судебных расходов ненадлежащего ответчика на истца по делам о защите прав потребителей. Результаты исследования могут быть использованы при формулировании соответствующих позиций при рассмотрении судами аналогичных дел.

Ключевые слова: судебные расходы, ненадлежащий ответчик, защита прав потребителей

Для цитирования: Якунин Д.В. Возмещение судебных расходов ненадлежащему ответчику по делам о защите прав потребителей // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 75 – 79. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-75-79

Поступила в редакцию: 13 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

Reimbursement of court costs to an inappropriate defendant in consumer protection cases

¹ Yakunin D.V.,

¹ Far Eastern Branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice

Abstract: this article examines the lack of uniform judicial practice regarding the reimbursement of legal costs incurred by an improper defendant. Cases have included both the imposition of the obligation to reimburse such costs on the plaintiff, despite a court ruling in their favor, and the imposition of the obligation on the proper defendant. Therefore, the aim of this study was to determine and evaluate the legal consequences of imposing the obligation to reimburse the legal costs of an improper defendant on the plaintiff in consumer protection cases. The results of this study can be used to formulate appropriate positions when courts consider similar cases.

Keywords: legal costs, improper defendant, consumer protection

For citation: Yakunin D.V. Reimbursement of court costs to an inappropriate defendant in consumer protection cases. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 75 – 79. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-75-79

The article was submitted: January 13, 2025; Approved after reviewing: March 9, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Действующее гражданско-процессуальное законодательство, регулируя вопросы возмещения судебных расходов, устанавливает следующую дефиницию «Стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы» (ч. 1 ст. 98 ГПК РФ) [1]. При этом за пределами правового регулирования находится вопрос о возмещении судебных расходов ответчику который был признан ненадлежащим и в отношении, которого была произведена замена [10].

Признание ответчика ненадлежащим фактически означает то что в процессе судебного разбирательства выяснилось что претензии к нему истца оказались необоснованными и фактически в споре с истцом он является выигравшей стороной.

Тогда как в этом же судебном разбирательстве истец может являться выигравшей стороной по отношению к надлежащему ответчику, который был привлечен в процесс взамен ненадлежащего.

Итого в указанной конструкции фактически имеют место три участника, два из которых независимо друг от друга являются лицами в пользу которых в рамках одного процесса вынесены судебные акты (решение об удовлетворении исковых требований, определение о признании ответчика ненадлежащим и его замене) и один участник является проигравшей стороной по отношению к истцу.

Судебная практика неоднозначно подходит к вопросу о том как в этом случае будут распределяться судебные расходы между участниками.

Материалы и методы исследований

В рамках исследования проанализированы материалы гражданского дела № 2-566/2025 рассмотренного мировым судьей судебного участка № 26 судебного района «Центральный район г. Хабаровска» [5], определение Верховного суда РФ от 06.02.2024г. по делу № 309-ЭС23-28902 [3], определение Московского городского суда от 06.06.2024г. по делу № 33-20983/2024 [4].

Результаты и обсуждения

Очень ярко проявляет указанную проблему следующее дело.

20 января 2026г. мировой судья судебного участка № 26 судебного района «Центральный район г. Хабаровска» было вынесено определение по делу № 2-566/2025 о взыскании с Истца в пользу ненадлежащего ответчика (далее – Ответчик 1) судебных расходов, понесенных в связи с оплатой стоимости судебной экспертизы и юридических услуг представителя в общей сумме 70 000 рублей.

Изначально Истец обратилась в суд с иском о взыскании с индивидуального предпринимателя оказывающего услуги по химической чистке вещей (Ответчика 1) стоимости испорченной вещи, компенсации морального вреда, потребительского штрафа, судебных расходов. Основанием для иска явился факт порчи куртки в результате оказания услуги по химической чистке, которая была оказана Ответчиком 1.

В связи с тем что по результатам судебной экспертизы было установлено что порча куртки при химической чистке произошла вследствие того что производителем была некорректно указана соответствующая информация на ярлыке, а также производителем при изготовлении были использованы некорректные материалы, в ходе рассмотрения дела был заявлен отказ от иска в отношении Ответчика 1 и предъявлены исковые требования к индивидуальному предпринимателю – производителю куртки (далее – Ответчик 2), которые были удовлетворены.

Ответчик 1 был полностью выведен судом из процесса и дальнейшее судебное разбирательство проходило в отношении требований Истца к Ответчику 2.

10.11.2025г. Мировым судьей судебного участка № 26 судебного района «Центральный район г. Хабаровска» было вынесено решение по делу № 2-566/2025. которым с Ответчика 2 в пользу Истца взысканы: стоимость товара в размере 31 900 руб. 00 коп., компенсация морального вреда в размере 6000 руб., штраф в размере 18 950 руб., расходы на оплату услуг представителя в размере 30 000 руб., почтовые расходы в размере 327 руб. Всего взыскано 87 087 руб.00 коп.

Ответчик 1 обратился в суд с заявлением о взыскании с Истца судебных расходов, понесенных в связи с оплатой стоимости судебной экспертизы и юридических услуг представителя в общей сумме 70 000 рублей, которое было удовлетворено в полном объеме.

При этом, на наш взгляд, суд не учел, что возмещение понесенных Ответчиком 1 судебных расходов должно быть произведено не за счет Истца, а за счет Ответчика 2 поскольку в целях соблюдения принципа процессуальной экономии при рассмотрении Дела № 2-566/2025 фактически была произведена замена ненадлежащего ответчика надлежащим. То есть рассматривались не два разрозненных дела по иску Истца к Ответчику 1 и иску Истца к Ответчику 2, а одно дело, в котором была произведена замена ответчика.

Если бы данные дела рассматривались отдельно то, безусловно, по первому делу при отказе Истца от иска к Ответчику 1, последний имел бы право на возмещение понесенных судебных расходов в соответствии с ч. 1 ст. 101 ГПК РФ. В дальнейшем же Истец мог указанные выплаты заявить к Ответчику 2 как убытки, понесенные в связи с продажей товара ненадлежащего качества в рамках рассмотрения второго дела по иску Истца к Ответчику 2 о защите прав потребителей.

Но, в сложившейся ситуации имело место одно судебное разбирательство а не два отдельных, в связи с чем необходимо исходить из того что стороной в пользу которой вынесен судебный акт по делу № 2-566/2025 является Истец, в отношении Ответчика 1 производство прекращено в связи с отказом Истца от иска, а проигравшей стороной, чьи действия привели к причинению ущерба, в том числе необходимость несения судебных расходов иными участниками, в итоге является Ответчик 2.

В соответствии с п. 16 Обзора практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования споров (утв. Президиумом Верховного суда РФ 22.07.2020г.) [2] если суд установит, что истец, будучи осведомленным о надлежащем ответчике, намеренно недобросовестно обратился в суд с требованиями к иному ответчику, пытаясь извлечь из этого какие-либо необоснованные преимущества, либо вновь привлеченным (вступившим в дело) ответчиком будет доказано, что он имел намерение урегулировать спор в досудебной процедуре, но был лишен такой возможности, то суд вправе отнести на истца все судебные расходы вне зависимости от результатов рассмотрения дела [9].

Таким образом, исходя из смысла данного пункта, возложение судебных расходов на истца, выигравшего спор, возможно лишь при намеренном недобросовестном обращении в суд с иском к ненадлежащему ответчику.

Аналогичная позиция изложена в определении Верховного суда РФ от 06.02.2024г. № 309-ЭС23-28902 в котором указано что истец является выигравшей спор стороной, а ОАО «РЗС», ранее до замены являвшееся ответчиком по делу, и понесшее судебные издержки не доказало что предъявленный изначально к нему иск является заведомо необоснованным. На основании этого во взыскании судебных расходов в пользу ОАО «РЗС» с истца было отказано.

Несмотря на то, что указанные судебные акты касаются арбитражного судопроизводства, считаем возможным руководствоваться ими в гражданском судопроизводстве ввиду однородности рассматриваемых отношений и идентичности содержания соответствующих норм ГПК РФ и АПК РФ, а также отсутствия прямого правового регулирования рассматриваемого вопроса [8].

Также апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 06.06.2024г. по делу № 33-20983/2024 признано законным решение районного суда о взыскании расходов по оплате судебной экспертизы с надлежащего ответчика, вступившего в дело уже после проведения экспертизы. В указанном деле также иск был изначально предъявлен к ненадлежащим ответчикам, которые оплатили судебную экспертизу: «Третьи лица фио и фио в судебное заседание не явились, их представитель фио в судебном заседании не возражала против удовлетворения требований истца и возмещении ущерба по результатам экспертизы с ТСЖ «Сосны-1», просила взыскать с ответчика ТСЖ «Сосны-1» в пользу фио расходы на проведение судебной экспертизы в размере сумма, указав, что до замены ответчиков на ТСЖ «Сосны-1» фио произведены расходы на проведение судебной экспертизы, по результатам которой их вина в заливе не была установлена».

В исследуемом деле не вызывает сомнения то что, что Истец, изначально подавая исковое заявление к Ответчику 1, действовал добросовестно, поскольку в сложившейся ситуации, получив из химчистки испорченную куртку, объективно был уверен в том, что ее порча произошла вследствие оказания услуги Ответчиком 1 ненадлежащего качества.

Только лишь по результатам судебной экспертизы было установлено, что Ответчик 1 не нарушал технологию оказания услуги и действовал в соответствии с рекомендациями указанными производителем на ярлыке куртки, и, как следствие, именно производитель – Ответчик 2 несет ответственность за порчу куртки в связи с некорректным указанием на ярлыке соответствующей информации, которая ввела в заблуждение Ответчика 1. Об этом обстоятельстве Истец, не обладающий специальными познаниями в технологии производства верхней одежды и технологии её химической чистки, заранее знать не мог, что исключает факт изначально необоснованности предъявления иска к Ответчику 1.

В связи с этим представляется, что расходы на проведение судебной экспертизы должны быть возмещены за счет Ответчика 2, как лица, чьи действия повлекли причинение ущерба Истцу, как было установлено заключением эксперта и вступившим в законную силу решением суда.

Аналогично должен решаться вопрос и о возмещении Ответчику 1 расходов на оплату юридических услуг представителя. При замене ненадлежащего ответчика надлежащим сторона, в пользу которой вынесен судебный акт, не должна нести негативных последствий изначальной подачи иска к ненадлежащему ответчику, если она действовала добросовестно [7].

Кроме того считаем возможным применить в данном случае по аналогии правило установленное в ч. 4 ст. 98 ГПК РФ – «Судебные издержки, понесенные третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований относительно предмета спора, участвовавшими в деле на стороне, в пользу которой принят судебный акт по делу, могут быть возмещены им, если их фактическое поведение как участников судебного процесса способствовало принятию данного судебного акта». Так как фактически в споре между Истцом и Ответчиком 2 Ответчик 1 выступает третьим лицом. Действия Ответчика 1, в том числе его представителя, по оплате судебной экспертизы, формулированию вопросов эксперту, поиска экспертной организации безусловно способствовали принятию судебного акта. Но совершенно не логичным и противоречащим принципу справедливости представляется возложение этих расходов на сторону в пользу которой было принято судебное решение по делу.

То что суд после отказа Истца от иска в отношении Ответчика 1 вывел его из процесса полностью и не перевел в категорию третьих лиц, не должно приводить к ущемлению прав Истца [6].

Как третье лицо Ответчик 1 не имел никаких препятствий к тому чтобы обратиться в суд с заявлением о взыскании судебных расходов с Ответчика 2, как с проигравшей спор стороны, чьи действия фактически привели к причинению ущерба Истцу и необходимости проведения судебного разбирательства по настоящему делу и несению участниками судебных расходов.

Также следует учесть, что в пользу Истца с Ответчика 2 взыскано 87 087 рублей 00 копеек при одновременном обязательстве возврата Ответчику 2 куртки стоимостью 31 900 руб., взысканы расходы на оплату услуг представителя и почтовые расходы в размере 30 327 рублей. Это те суммы, которые компенсировали ранее затраченные. Оставшаяся сумма - 24 860 рублей фактически является компенсационным доходом Истца (потребительский штраф и компенсация морального вреда) но в рамках этого же процесса Истец вынужден в пользу Ответчика 1 выплатить 70 000 рублей.

Это фактически ставит Истца в положение значительно худшее чем то, которое существовало до обращения Истца в суд, что само по себе никак не обеспечивает достижение целей правосудия и защиту нарушенного права. В результате рассмотрения дела, в котором Истец является выигравшей спор стороной, после всех взаиморасчетов он фактически несет прямые убытки в размере 45 140 рублей, что почти в полтора раза превышает стоимость испорченной куртки.

Обращаем внимание на то, что изначально не подать иск к Ответчику 1 а сразу подать иск к Ответчику 2 Истец не мог поскольку не было никаких правовых и фактических оснований обвинять в порче куртке в результате химической чистки именно производителя куртки а не исполнителя услуг по химической чистке. Поэтому признавая факт несения расходов Ответчика 1 и необходимость компенсации ему этих расходов следует признать, что такие расходы должны быть возмещены за счет проигравшей спор стороны – Ответчика 2.

Выводы

В целях достижения целей судопроизводства, представляется целесообразным возложение обязанности по возмещению судебных расходов, понесенных ненадлежащим ответчиком со стороны проигравшей основной спор, за исключением случаев намеренного недобросовестного обращении истца в суд с иском к ненадлежащему ответчику.

Список источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
2. Обзор практики применения арбитражными судами положений процессуального законодательства об обязательном досудебном порядке урегулирования споров (утв. Президиумом Верховного суда РФ 22.07.2020г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 2.
3. Определение Верховного Суда РФ от 06.02.2024 N 309-ЭС23-28902 по делу № А60-15664/2022 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.
4. Определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 06.06.2024г. по делу № 33-20983/2024 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

5. Материалы гражданского дела № 2-566/2025 судебного участка № 26 судебного района «Центральный район г. Хабаровска» // Архив судебного участка № 26 судебного района «Центральный район г. Хабаровска».

6. Климова О.В., Бельды Н.И. Проблемы и пути совершенствования защиты конституционных прав и свобод граждан // Актуальные вопросы юридической науки и практики: материалы II Всероссийской научно-практической конференции со студенческим участием. Хабаровск. 2021. С. 51 – 57.

7. Овчинникова Т.А. Проблемы реализации конституционных гарантий прав человека и гражданина в Российской Федерации // Научная Россия: теория, проблемы и вызовы: материалы II Всероссийской науч.-практ. конф. (Хабаровск, 30 января 2024 г.) / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тихоокеанский государственный университет. Хабаровск: ОЭПИ РИОЦ ТОГУ, 2024. С. 244 – 250.

8. Шереметьева А.К. Вопросы достижения единообразия правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 7. С. 3 – 7.

9. Шереметьева А.К., Денисенко О.В. Единство судебной практики как способ оптимизации процесса рассмотрения гражданских дел // Право и государство: теория и практика. 2024. №1. С. 173 – 175.

10. Певцова И.Е., Шереметьева А.К. Влияние судебной практики на совершенствование российской системы гражданского права // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7. С. 255 – 258.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 46. Article 4532.

2. Review of the Practice of Applying Provisions of Procedural Legislation on Mandatory Pre-Trial Dispute Resolution by Arbitration Courts (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 22, 2020). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. No. 2.

3. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of February 6, 2024, No. 309-ES23-28902 in Case No. A60-15664/2022. ConsultantPlus Legal Reference System.

4. Determination of the Civil Division of the Moscow City Court dated June 6, 2024, in Case No. 33-20983/2024. ConsultantPlus Legal Reference System.

5. Materials of Civil Case No. 2-566/2025 of Judicial Precinct No. 26 of the Central District of Khabarovsk. Archive of Judicial Precinct No. 26 of the Central District of Khabarovsk.

6. Klimova O.V., Beldy N.I. Problems and Ways to Improve the Protection of Constitutional Rights and Freedoms of Citizens. Current Issues of Legal Science and Practice: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with Student Participation. Khabarovsk. 2021. P. 51 – 57.

7. Ovchinnikova T.A. Problems of Implementing Constitutional Guarantees of Human and Citizen Rights in the Russian Federation. Scientific Russia: Theory, Problems, and Challenges: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conf. (Khabarovsk, January 30, 2024). Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Pacific National University. Khabarovsk: OEPI RIOС TOGU, 2024. P. 244 – 250.

8. Sheremetyeva A.K. Issues of Achieving Uniformity of Law Enforcement. Arbitration and Civil Procedure. 2025. No. 7. P. 3 – 7.

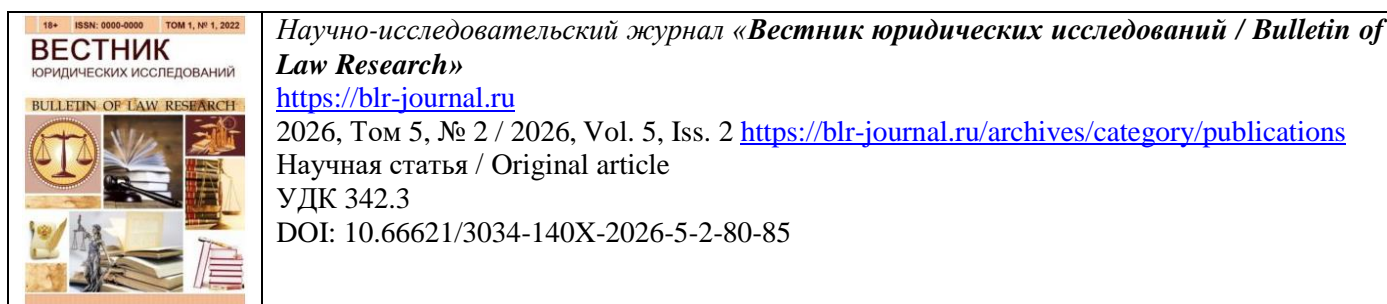
9. Sheremetyeva A.K., Denisenko O.V. Unity of Judicial Practice as a Way to Optimize the Process of Considering Civil Cases. Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 1. P. 173 – 175.

10. Pevtsova I.E., Sheremetyeva A.K. The influence of judicial practice on the improvement of the Russian civil law system. Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 7. P. 255 – 258.

Информация об авторе

Якунин Д.В., кандидат юридических наук, доцент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева

© Якунин Д.В., 2026

Цифровой суверенитет как интегральный контур устойчивости государства: правовые и социально-политические аспекты

¹ Колюшкина Л.Ю., ¹ Маркина Е.В.,

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Аннотация: целью исследования выступала разработка интегральной концептуальной модели цифрового суверенитета как многоуровневого конструкта, объединяющего правовые, социологические и политологические аспекты обеспечения устойчивости государства в условиях тотальной цифровизации. Задачи включали анализ эволюции понятия суверенитета, исследование его юридического измерения через российское законодательство (о цифровых финансовых активах, ИИ, информационной безопасности), выявление социокультурных механизмов когнитивной защиты и рассмотрение политико-стратегических инструментов технологической автономии.

Результаты показали, что цифровой суверенитет представляет собой синтетическую категорию, где конституционные основы финансовой системы, образовательные практики формирования резистентности и государственное планирование в сфере ИИ взаимно усиливают друг друга, создавая единый контур национальной безопасности. Установлена прямая связь между технологической независимостью и защитой культурно-исторического кода как основы «когнитивного суверенитета».

Практическая значимость исследования заключается в сформулированных предложениях по совершенствованию правового регулирования, включая необходимость кодификации информационного законодательства, закрепления права граждан на цифровой отказ, развития экспериментальных правовых режимов и поддержки культурно-ориентированной цифровизации. Полученные выводы могут быть использованы для дальнейшего стратегического планирования, разработки образовательных программ по цифровой культуре и формирования государственной политики в области технологического суверенитета.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, устойчивость государства, когнитивная безопасность, технологическая автономия, правовое регулирование, национальная идентичность, стратегическое планирование, искусственный интеллект, информационная безопасность

Для цитирования: Колюшкина Л.Ю., Маркина Е.В. Цифровой суверенитет как интегральный контур устойчивости государства: правовые и социально-политические аспекты // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 80 – 85. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-80-85

Поступила в редакцию: 14 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

Digital sovereignty as an integral framework for state stability: legal, social and political aspects

¹ Kolyushkina L.Yu., ¹ Markina E.V.,

¹ Rostov State University of Economics (RINH)

Abstract: the purpose of the study was to develop an integrated conceptual model of digital sovereignty as a multi-level construct that combines legal, sociological, and political science aspects of ensuring state stability in the context of total digitalization. The objectives included analyzing the evolution of the concept of sovereignty, examining its legal dimension through Russian legislation (on digital financial assets, AI, and information security), identifying sociocultural mechanisms of cognitive protection, and considering political-strategic instruments of technological autonomy.

The results demonstrated that digital sovereignty is a synthetic category where the constitutional foundations of the financial system, educational practices for building resilience, and state planning in the field of AI mutually reinforce each other, creating a unified national security framework. A direct link has been established between technological independence and the protection of the cultural and historical code as the basis of "cognitive sovereignty."

The practical significance of the study lies in the formulated proposals for improving legal regulation, including the need for codifying information legislation, enshrining the citizens' right to "digital refusal," developing experimental legal regimes, and supporting culturally-oriented digitalization. The findings can be used for further strategic planning, the development of educational programs on digital culture, and the formation of state policy in the field of technological sovereignty.

Keywords: digital sovereignty, state stability, cognitive security, technological autonomy, legal regulation, national identity, strategic planning, artificial intelligence, information security

For citation: Kolyushkina L. Yu., Markina E. V. Digital sovereignty as an integral framework for state stability: legal, social and political aspects. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 80 – 85. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-80-85

The article was submitted: January 14, 2025; Approved after reviewing: March 10, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

В условиях тотальной цифровизации, когда контроль над информационными потоками и алгоритмами становится ключевым ресурсом глобальной конкуренции, цифровой суверенитет предстает как многослойный феномен, объединяющий юридические, социологические и политологические измерения государственной устойчивости. Целью настоящего исследования является системный анализ цифрового суверенитета как интегрального контура устойчивости государства на стыке права, социологии и политологии, с акцентом на российскую практику.

Цель исследования: разработать концептуальную модель цифрового суверенитета, выявить его правовые, социокультурные и политические компоненты, а также обосновать их взаимосвязь как стратегической рамки для обеспечения национальной автономии в эпоху глобальных технологических вызовов.

Задачи исследования:

1. Проанализировать эволюцию понятия цифрового суверенитета в контексте трансформации классической доктрины суверенитета под влиянием третьей волны глобализации.
2. Исследовать юридическое измерение цифрового суверенитета через призму нормативного регулирования цифровых финансовых активов, ИИ и информационной безопасности в Российской Федерации.
3. Выявить социологическое измерение, связанное с когнитивной безопасностью, воспроизводством национальной идентичности и механизмами социализации в цифровой среде.
4. Рассмотреть политологическое измерение как инструмент геополитической субъектности и стратегического планирования технологического развития.
5. Сформулировать системную модель интегрального контура устойчивости государства на основе междисциплинарного синтеза.

Объект исследования: цифровой суверенитет как феномен современной государственности.

Предмет исследования: взаимодействие правовых, социологических и политологических аспектов цифрового суверенитета в условиях тотальной информатизации.

Новизна исследования заключается в разработке интегральной модели цифрового суверенитета как многоуровневого конструкта, сочетающего конституционные гарантии финансовой независимости, социокультурные механизмы когнитивной устойчивости и политико-технологические стратегии автономии, что позволяет преодолеть фрагментарный характер существующих подходов и обосновать его роль в определении самостоятельной цивилизационной траектории России.

Теоретическая значимость состоит в уточнении доктринальных основ суверенитета с учетом специфики киберпространства, а также в предложении методологии междисциплинарного анализа для изучения цифровой трансформации государственности.

Практическая значимость проявляется в рекомендациях по совершенствованию нормативного регулирования, образовательных программ по культуре безопасности и стратегического планирования технологического суверенитета.

Методологическая основа: системный подход, междисциплинарный синтез, сравнительно-правовой и социологический методы анализа.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования включают нормативно-правовую базу Российской Федерации [1, 2, 3, 4, 6]; стратегические документы [5, 7]; эмпирические данные экспертных опросов и социологических исследований общественных настроений по вопросам суверенитета; аналитические материалы по цифровизации культурного наследия и молодежной социализации.

Методы исследования: сравнительно-правовой метод (сопоставление норм российского законодательства о цифровых активах, ИИ и информационной безопасности с доктринальными принципами суверенитета и международными подходами к регулированию киберпространства), системный анализ (изучение цифрового суверенитета как целостного конструкта, включающего юридические, социальные и политические подсистемы с выявлением их взаимосвязей и синергетических эффектов), социологический метод контент-анализа (обработка экспертных оценок, данных опросов и публикаций по темам когнитивной безопасности, цифровой зависимости и культуры идентичности), политологический метод дискурс-анализа (интерпретация стратегических актов и идеологических конструктов в контексте геополитической конкуренции), формально-юридический метод (деконструкция нормативных актов и судебных решений для выявления регулятивных контуров цифрового суверенитета), интерпретативный метод (синтез подходов для конструирования интегральной модели устойчивости государства).

Методологический аппарат обеспечивает комплексный характер исследования, позволяя перейти от описательного анализа к моделированию стратегической рамки цифрового суверенитета.

Результаты и обсуждения

Проведенный комплексный анализ позволяет констатировать, что цифровой суверенитет в современной научно-правовой парадигме трансформировался из узкотехнической категории управления инфраструктурой в многослойный публично-правовой и социокультурный конструкт, выступающий решающим ресурсом глобальной конкуренции [13]. В юридическом измерении выявлено сохранение преемственности с классической доктриной верховенства государственной власти, которая, однако, вынуждена адаптироваться к условиям снижения территориального влияния ввиду экспансии транснациональных ИТ-корпораций и формирования новых внесударственных центров «цифровой власти» [10, 22].

Важнейшим результатом исследования является фиксация прямой взаимосвязи между технологической автономией и конституционно-правовыми основами государства. Установлено, что в российской системе цифровой суверенитет неразрывно сопряжен с финансовым суверенитетом и исключительной компетенцией Центрального банка, что предопределяет институциональный отказ от признания криптовалют законным платежным средством и их ориентацию исключительно на инвестиционный сектор в рамках Федерального закона № 259-ФЗ [14, 15]. При этом судебная практика, как подтверждает дело № А40-124668/2017, уже демонстрирует инкорпорацию цифровых активов в правовую реальность через механизмы принудительного исполнения [14].

Социолого-политологический срез исследования показал, что объектом суверенизации сегодня выступает не только аппаратно-программный комплекс, но и когнитивная сфера граждан. Алгоритмические практики формирования «информационных пузырей» и «вычислительная пропаганда» создают риски автоматизированного управления общественным сознанием, что требует формирования системы «социального иммунитета» и культуры безопасности, особенно в молодежной среде [11, 15, 18]. Социологические данные подтверждают наличие консолидированного общественного запроса на укрепление суверенитета, хотя в профессиональных ИТ-сообществах сохраняются определенные когнитивные разрывы относительно моделей интеграции [16].

Обсуждение теоретических аспектов цифровой трансформации указывает на необходимость перехода к концепции «когнитивного суверенитета», обеспечивающего защиту традиционных духовно-нравственных ценностей и исторической памяти как элементов национального культурного кода [20, 22]. Научно-технологическое лидерство, закрепленное в Указе Президента РФ № 145, рассматривается не как самоцель, а как инструмент обеспечения геополитической субъектности в условиях соперничества глобальных технологических укладов [8].

Для эффективной реализации стратегии суверенного развития представляется необходимым осуществление следующих шагов по совершенствованию правовой базы:

1. Кодификация и систематизация. Требуется комплексная систематизация информационного законодательства в форме Цифрового или Информационного кодекса, который обеспечит единство понятийного

аппарата и устранил фрагментарность регулирования в вопросах данных, алгоритмов и искусственного интеллекта.

2. Защита «слабой стороны» и право на отказ. Целесообразно нормативно закрепить право граждан на отказ от использования цифровых технологий в пользу традиционных способов взаимодействия с государством, а также квалифицировать физических лиц как «слабую сторону» в отношениях с рекомендательными сервисами, введя ответственность платформ за деструктивное алгоритмическое воздействие [17].

3. Развитие экспериментальных режимов. Необходимо расширить практику применения Федерального закона № 258-ФЗ об экспериментальных правовых режимах для апробации моделей трансграничных расчетов в цифровых валютах при сохранении жесткого контроля внутри страны, что позволит преодолеть кадровые и инфраструктурные ограничения [15, 21].

4. Стимулирование культурно-ориентированной цифровизации. Требуется разработка правовых механизмов поддержки горизонтальной социальной кооперации в сфере цифровизации культурного наследия, что позволит противостоять клиповому мышлению и фрагментации внимания граждан.

Выводы

1. Интегральный характер суверенитета. Цифровой суверенитет представляет собой синтетическую категорию, в которой правовые инструменты регулирования критической инфраструктуры, социокультурные механизмы защиты когнитивной среды и политические решения по обеспечению технологической независимости образуют единый контур национальной безопасности.

2. Синергия факторов. Исследование подтвердило, что конституционные основы финансовой системы, образовательные практики формирования резистентности и государственное планирование в сфере ИИ взаимно координируются, обеспечивая устойчивость государства к экстерриториальному влиянию и манипулятивным воздействиям современных сетевых акторов [12, 20].

3. Мировоззренческий фундамент. Успешная реализация траектории цивилизационного развития невозможна без опоры на ценностные основания и укрепление культурной идентичности, которые выступают внутренним ресурсом защиты от социально-психологических издержек тотальной информатизации, таких как цифровая зависимость и дефицит критического мышления [13, 19].

4. Стратегическая автономия. Итоговое видение цифрового суверенитета заключается в способности государства самостоятельно определять цели научно-технологического прогресса, используя нормативный и инструментальный контроль над информационными потоками для сохранения субъектности в социотехнологической реальности XXI века [8, 9].

Проведенное исследование демонстрирует, что цифровой суверенитет в условиях XXI века перестал быть исключительно технической или правовой проблемой, трансформировавшись в комплексный стратегический приоритет национального развития. Он выступает интегральным контуром устойчивости, в котором юридические нормы, социокультурные практики и политические стратегии образуют единую систему, обеспечивающую автономию государства в цифровом пространстве. Российский опыт показывает, что фундаментом такой системы являются конституционные принципы финансового суверенитета, которые определяют подход к регулированию новых технологий, таких как цифровые активы и искусственный интеллект. Одновременно с защитой инфраструктуры на первый план выходит задача обеспечения когнитивной безопасности граждан и сохранения культурно-исторической идентичности как основы социального иммунитета. Таким образом, цифровой суверенитет предстает не как оборонительная доктрина, а как активная стратегия, позволяющая государству сохранять субъектность, самостоятельно определять траекторию технологического развития и защищать свои фундаментальные ценности в эпоху глобальной информационной конкуренции. Дальнейшее совершенствование этой модели требует системной кодификации законодательства, развития экспериментальных правовых режимов и целенаправленного формирования культуры цифровой безопасности в обществе.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 2020. 4 июля
2. О внесении изменений в статью 4 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»: Федеральный закон от 02.12.2019 № 425-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 49 (часть VI). Ст. 6984.
3. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть III). Ст. 5018.

4. О единой системе публичной власти в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть I). Ст. 8973.
5. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.
6. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5017.
7. Об утверждении Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 10. Ст. 1363.
8. Аникин Д.А., Мамычев А.Ю. Технологический суверенитет в цифровую эпоху развития российского общества: политико-правовой аспект // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2024. № 5. С. 54 – 74.
9. Архиреев Н.В. О правовых вопросах обеспечения цифрового суверенитета Российской Федерации // Труды Института государства и права РАН. 2025. Т. 20. № 4. С. 293 – 310.
10. Гнедь А.Д. Глобализация и ее влияние на публично-правовое понятие и генезис государственного суверенитета // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2024. Т. 12. № 3. С. 35 – 43.
11. Изгарская А.А. Когнитивная безопасность как новая научная дисциплина и инструмент обеспечения национального суверенитета России // Век глобализации. 2024. № 3. С. 169 – 176.
12. Жарова А.К., Елина В.В. Множественность понятия «суверенитет Российской Федерации в информационной сфере» // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 51–55.
13. Кашерокова А.А., Комерцов В.В. Информационные войны в цифровую эпоху как вызов для национальной безопасности Российской Федерации // Философия права. 2025. № 4 (115). С. 116 – 124.
14. Маркина Е.В. Конституционные основы правового регулирования оборота криптовалюты в России // Юридический вестник ДГУ. 2023. Т. 46. № 2 (66). С. 37 – 42.
15. Максимов К.Г., Шаповалов М.Ю. Искусственный интеллект в политической коммуникации: вызовы для обеспечения национальной безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 12. С. 77 – 83.
16. Мерзликин Н.В. Суверенитет в восприятии российского гражданского общества: социологическое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 21 – 32.
17. Наумов В.Б. Цифровое сохранение культурного наследия как средство обеспечения государственного суверенитета // Ценности и смыслы. 2025. № 6 (100). С. 154 – 167.
18. Палаткин В.В., Джуманов Р.Г. Культура безопасности молодежи как педагогическое условие укрепления национального суверенитета России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2026. № 01. С. 200 – 216.
19. Понизовкина И.Ф. Технологии XXI века как угроза здоровью и развитию человечества // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 105 – 114.
20. Синявина Н.В., Громова М.В. Культурная политика цифрового государства // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2025. № 2 (57). С. 6 – 16.
21. Троян Н.А. Правовое обеспечение цифрового суверенитета России: актуальные проблемы и перспективные направления // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 169 – 172.
22. Шаповалова Г.М. Историческая память как составная часть культурного суверенитета // Политика и Общество. 2025. № 2. С. 141 – 165.

References

1. Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993. Rossiyskaya Gazeta. 2020. July 4
2. On Amendments to Article 4 of the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights": Federal Law of December 2, 2019 No. 425-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 2019. No. 49 (Part VI). Art. 6984.
3. On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part III). Art. 5018.
4. On the Unified System of Public Authority in the Russian Federation: Federal Law of 21.12.2021 No. 414-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 52 (Part I). Art. 8973.

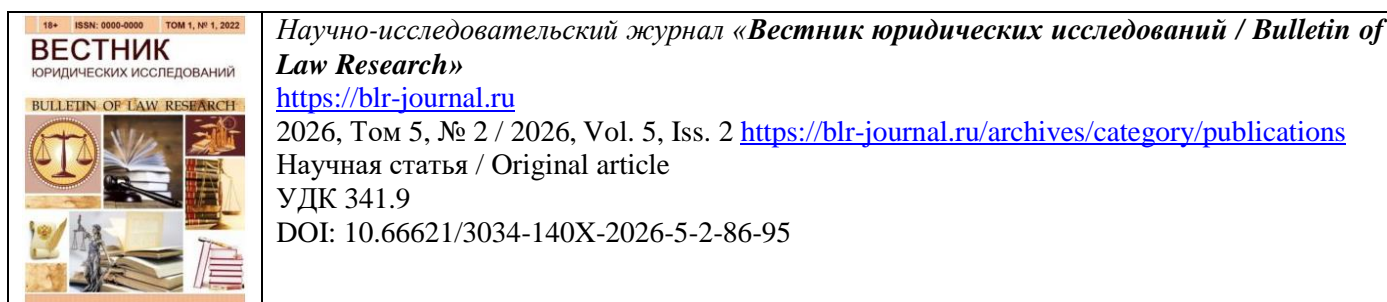
5. On Strategic Planning in the Russian Federation: Federal Law of 28.06.2014 No. 172-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (Part I). Art. 3378.
6. On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital and Technological Innovations in the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 No. 258-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (Part I). Art. 5017.
7. On Approval of the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024, No. 145. Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 10. Article 1363.
8. Anikin D.A., Mamychev A.Yu. Technological Sovereignty in the Digital Age of Russian Society Development: Political and Legal Aspect. Bulletin of Moscow University. Series 12, Political Sciences. 2024. No. 5. P. 54 – 74.
9. Arkhiereev N.V. On Legal Issues of Ensuring the Digital Sovereignty of the Russian Federation. Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2025. Vol. 20. No. 4. P. 293 – 310.
10. Gned A.D. Globalization and its Impact on the Public Law Concept and the Genesis of State Sovereignty. Electronic Scientific Journal “Science. Society. State”. 2024. Vol. 12. No. 3. P. 35 – 43.
11. Izgarskaya A.A. Cognitive Security as a New Scientific Discipline and an Instrument for Ensuring Russia's National Sovereignty. The Century of Globalization. 2024. No. 3. P. 169 – 176.
12. Zharova A.K., Elina V.V. The Plurality of the Concept of “Sovereignty of the Russian Federation in the Information Sphere”. Law and Order: History, Theory, Practice. 2024. No. 4 (43). P. 51 – 55.
13. Kasherokova A.A., Komertsov V.V. Information Wars in the Digital Age as a Challenge to the National Security of the Russian Federation. Philosophy of Law. 2025. No. 4 (115). P. 116 – 124.
14. Markina E.V. Constitutional Foundations of Legal Regulation of Cryptocurrency Circulation in Russia. Legal Bulletin of DSU. 2023. Vol. 46. No. 2 (66). P. 37 – 42.
15. Maksimov K.G., Shapovalov M.Yu. Artificial Intelligence in Political Communication: Challenges for Ensuring National Security. Society: Politics, Economics, Law. 2025. No. 12. P. 77 – 83.
16. Merzlikin N.V. Sovereignty in the Perception of Russian Civil Society: Sociological Dimension. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2025. Vol. 25. No. 1. P. 21 – 32.
17. Naumov V.B. Digital Preservation of Cultural Heritage as a Means of Ensuring State Sovereignty. Values and Meanings. 2025. No. 6 (100). P. 154 – 167.
18. Palatkin V.V., Dzhumanov R.G. Youth Safety Culture as a Pedagogical Condition for Strengthening Russia's National Sovereignty. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2026. No. 01. P. 200 – 216.
19. Ponizovkina I.F. Technologies of the 21st Century as a Threat to Human Health and Development. Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Philosophical Sciences". 2025. No. 2 (54). P. 105 – 114.
20. Sinyavina N.V., Gromova M.V. Cultural Policy of the Digital State. Culture and Education: Scientific and Information Journal of Universities of Culture and Arts. 2025. No. 2 (57). P. 6 – 16.
21. Troyan N.A. Legal Support of Russia's Digital Sovereignty: Current Issues and Promising Directions. Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 6 (234). P. 169 – 172.
22. Shapovalova G.M. Historical Memory as an Integral Part of Cultural Sovereignty. Politics and Society. 2025. No. 2. P. 141 – 165.

Информация об авторах

Колюшкина Л.Ю., кандидат социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Маркина Е.В., кандидат юридических наук, доцент, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), shevelevaev@mail.ru

© Колюшкина Л.Ю., Маркина Е.В., 2026

Особенности правоприменительной практики Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража

¹ Бутрим А.О.,

¹ старший юрист, EMVE трейдинг, 1404 Аль Сурая Тауэр 1, Дубай, ОАЭ

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные особенности правоприменительной практики Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража при разрешении имущественных споров между участниками гражданского оборота. На основе анализа арбитражных решений исследуются подходы к определению компетенции состава арбитража, оценке процессуального поведения сторон, применению правила эстоппель, толкованию альтернативных арбитражных оговорок, распределению арбитражных расходов, снижению неустойки на основании статьи 333 ГК РФ, а также взысканию убытков по замещающей сделке. Особое внимание уделяется тому, как арбитры соотносят договорную свободу сторон, процессуальную экономию, принципы добросовестности и справедливости с необходимостью обеспечить эффективную защиту нарушенных прав. Показано, что в своей практике РАЦ ориентируется не только на арбитражные регламенты и условия соглашения сторон, но и на правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, включая их применение по аналогии. Сделан вывод о том, что правоприменительная практика РАЦ формирует сбалансированный подход к разрешению коммерческих споров, в котором приоритет отдается существу спорного правоотношения, предсказуемости арбитражной процедуры и поддержанию баланса интересов сторон.

Ключевые слова: международный коммерческий арбитраж, Российский арбитражный центр, арбитражное соглашение, компетенция арбитража, эстоппель, альтернативная арбитражная оговорка, арбитражные расходы, неустойка, статья 333 ГК РФ, замещающая сделка, убытки, правоприменительная практика

Для цитирования: Бутрим А.О. Особенности правоприменительной практики Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 86 – 95. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-86-95

Поступила в редакцию: 17 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

Features of the law-application practice of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration

¹ Butrim A.O.,

¹ Senior Lawyer at EMVE Trading, 1404 Al Thuraya Tower 1, Dubai, UAE

Abstract: the article examines selected features of the law-application practice of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration in resolving property disputes arising out of commercial relations. Based on an analysis of arbitral awards, the study explores the determination of arbitral jurisdiction, the assessment of party conduct, the application of estoppel, the interpretation of alternative arbitration clauses, the allocation of arbitration costs, the reduction of penalties under Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation, and the

recovery of damages through substitute transactions. Particular attention is paid to the manner in which arbitral tribunals reconcile party autonomy, procedural efficiency, good faith, and fairness with the need to provide effective protection of violated rights. The article demonstrates that the practice of the Russian Arbitration Center relies not only on arbitration rules and the wording of the parties' agreement, but also on the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, including their application by analogy where appropriate. It is concluded that the law-application practice of the Russian Arbitration Center develops a balanced approach to the resolution of commercial disputes, giving priority to the substance of the legal relationship, the predictability of the arbitral procedure, and the preservation of the parties' legitimate interests.

Keywords: international commercial arbitration, Russian Arbitration Center, arbitration agreement, arbitral jurisdiction, estoppel, alternative arbitration clause, arbitration costs, penalty reduction, Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation, substitute transaction, damages, law-application practice

For citation: Butrim A.O. Features of the law-application practice of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 86 – 95. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-86-95

The article was submitted: January 17, 2025; Approved after reviewing: March 14, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Российский арбитражный центр при Автономной некоммерческой организации «Российский институт современного арбитража» (далее – РАЦ) представляет собой одно из ведущих, постоянно действующих арбитражных учреждений России, занимающихся администрированием споров между предпринимателями.

РАЦ администрирует поступающие к нему дела, формирует составы арбитров, обеспечивает коммуникацию между ними и участниками разбирательства, выполняет иные необходимые функции с целью профессионального, оперативного и беспристрастного разрешения внутренних и международных экономических споров [1].

РАЦ является структурным подразделением АНО «Российский институт современного арбитража», деятельность которого направлена на развитие и популяризацию арбитража в России, а также на повышение привлекательности российской юрисдикции как места ведения бизнеса и разрешения гражданско-правовых споров [2].

Помимо арбитража РАЦ также занимается поддержкой альтернативных способов разрешения споров, включая различные примирительные процедуры, медиацию и адьюдикацию. Этот способ предотвращения и урегулирования имущественных споров состоит в том, что независимые эксперты сопровождают процесс реализации инвестиционного или иного коммерческого проекта, помогая сторонам оперативно разрешать все возникающие между ними разногласия и не доводить дело до судебного разбирательства или арбитража.

В список арбитров РАЦ входят более 400 ведущих специалистов из более чем 30 стран на пяти континентах, а используемые им правила арбитража представляют собой один из наиболее прогрессивных сводов предписаний, отражающих основные тенденции в современном арбитраже.

РАЦ предлагает участникам споров гибкую процедуру арбитража, предоставляющую им следующие возможности:

- согласование сроков, места разбирательства и процедуры назначения арбитров;
- возможность объединения исковых требований, уже начатых арбитражей и присоединения к арбитражу дополнительных истцов и ответчиков;
- дополнительный механизм исполнимости обеспечительных мер и срочные обеспечительные меры;
- ускоренный арбитраж с возможностью перехода из одной процедуры в другую;
- коммуникацию с помощью электронной почты, онлайн-слушания и обмен документами в электронной системе РАЦ.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования выступили арбитражные решения Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража, положения Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», Арбитражный регламент Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража, разъяснения выс-

ших судебных инстанций Российской Федерации, а также научные публикации по рассматриваемой проблематике. В ходе исследования использовались формально-юридический, системно-правовой, сравнительно-правовой методы, а также метод анализа правоприменительной практики.

РАЦ осуществляет свою деятельность в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [3], Арбитражным регламентом 2021 РАЦ при РИСА (в редакции от 01.11.2021 г.) [4] и иными внутренними документами, регламентирующими его деятельность.

Особый интерес представляет правоприменительная практика РАЦ, основанная на соблюдении базовых принципов правового регулирования имущественных отношений с участием предпринимателей.

Результаты и обсуждения

Начнем с того, что определение компетенции состава арбитража рассматривать тот или иной спор, инициированный участниками гражданского оборота, происходит на основании анализа условий заключенного между ними арбитражного соглашения. В арбитражном соглашении должно быть прямо указано на то, что все или часть споров сторон, вытекающих из определенной группы коммерческих сделок или связанных с ними, включая вопросы действительности, заключенности и исполнимости, подлежат разрешению составом арбитража или единоличным арбитром РАЦ, сформированным/выбранным сторонами в соответствии с действующим регламентом данного постоянно действующего арбитражного учреждения.

Помимо оценки содержания такого документа арбитры учитывают также поведение самих спорящих сторон: если, к примеру, одна сторона инициировала процедуру арбитражного разбирательства, а вторая не заявила об отсутствии у состава арбитража компетенции рассматривать спор, приняла участие и совершила юридически значимые действия, направленные на признание такой компетенции (направление отзыва и процессуальных ходатайств, представление доказательств, участие в организационных мероприятиях и т.п.), то состав арбитража вправе рассматривать дело по существу.

Так, в одном деле при решении этого процессуального вопроса состав арбитража особо отметил, что ответчик не выдвигал возражений против компетенции состава арбитража рассматривать дело, равно как и против компетенции РАЦ его администрировать.

Очевидно, что ответчик, не согласный с передачей своего экономического спора с процессуальным оппонентом в арбитраж, мог и должен был, действуя своей волей и в своем интересе, безотлагательно или, во всяком случае до начала процедуры арбитражного разбирательства заявить об отсутствии у арбитража компетенции рассматривать дело.

Не предпринимая таких мер, ответчик выражает свое безусловное согласие на разрешение спора составом арбитража, что в дальнейшем лишает его права выдвигать возражения по этому поводу (правило «эстоппель»).

В данном деле ответчик направил составу арбитража и в РАЦ соглашение об участии в процедуре арбитражного разбирательства и ходатайство о вынесении арбитражного решения на согласованных сторонами условиях. Такие процессуальные действия со всей очевидностью свидетельствовали о том, что ответчик был готов участвовать в процедуре арбитражного разбирательства, поскольку в ином случае он бы заявил о наличии у него мотивированных возражений.

Тем самым ответчик полностью признал компетенцию состава арбитража рассматривать спор и право РАЦ его администрировать своими процессуальными действиями (Арбитражное решение РАЦ от 14.09.2022 г. по делу № PI9937-22) [5].

Арбитражная оговорка о передаче всех или части споров, вытекающих из договорных и иных материальных правоотношений сторон, в РАЦ может быть сформулирована как альтернативное условие, наделяющее сами стороны возможностью выбора.

В одном деле стороны заключили арбитражное соглашение, в котором было прямо предусмотрено, что любой спор, разногласия, претензия или требование, вытекающие из заключенного между ними договора или возникающие в связи с ним, в том числе связанные с его нарушением, заключением, изменением, прекращением или недействительностью, по выбору истца разрешаются РАЦ, либо Международным коммерческим арбитражным судом при Торгово-промышленной палате РФ (МКАС при ТПП), либо Арбитражным центром при Российском союзе промышленников и предпринимателей (РСПП).

Данное условие арбитражного соглашения, наделяющее истца правом выбрать любой арбитраж из согласованного сторонами списка, не противоречит закону и в полной мере соответствует принципу свободы договора, закрепленного в п. 1 ст. 1, пп. 1 п. 1 ст. 8 и ст. 421 ГК РФ.

Такое условие арбитражного соглашения отвечает критерию исполнимости, поскольку выбор конкретного арбитражного учреждения осуществляется истцом, обращающимся за получением правовой защиты. После осуществления истцом выбора соответствующее арбитражное учреждение в соответствии со своим регламентом инициирует процедуру арбитражного разбирательства.

Стороны арбитражного соглашения изначально определяют список арбитражных учреждений, каждое из которых будет компетентно рассматривать их спор. Тем самым стороны арбитражного соглашения изначально утверждают перечень учреждений и потенциально готовы к тому, что все или часть их экономических споров может поступить в любое из таких учреждений.

При несогласии любой из сторон арбитражного соглашения со всеми или отдельными арбитражными учреждениями, поименованными в данном списке, она была не лишена возможности еще на стадии обсуждения условий контракта заявить о своем несогласии или предложить иные учреждения.

При невозможности согласовать конкретный перечень или определенное арбитражное учреждение стороны были также не лишены возможности выбрать государственный суд или вообще отказаться от заключения договора. Не предприняв таких мер, в дальнейшем они считаются связанными обязательствами, вытекающими из арбитражного соглашения, и должны неукоснительно соблюдать их (ст. ст. 307, 309 и 310 ГК РФ).

В данном деле состав арбитража РАЦ, куда истец передал спор из заключенного между ним и ответчиком контракта, отметил ясно выраженную волю сторон относительно разрешения своих экономических споров путем арбитража, администрируемого в одном из перечисленных постоянно действующих арбитражных учреждений по выбору истца.

Истец в данном деле выбрал РАЦ, при этом ответчик со своей стороны не представил никаких возражений относительно компетенции состава арбитража и права РАЦ администрировать спор, более того, он сам направил отзыв на исковое заявление и заявил встречный иск, ходатайствовал о принятии арбитражного решения на согласованных сторонами условиях.

Поскольку заключенное сторонами арбитражное соглашение являлось действующим, о его недействительности или незаключенности никто не заявлял, состав арбитража в этом деле признал наличие компетенции рассматривать возникший экономический спор (Арбитражное решение РАЦ от 08.08.2023 г. по делу № D7726-23) [6].

Следует учитывать, что такая симметричная альтернативная арбитражная оговорка хотя и наделяет стороны большей свободой усмотрения, все же она может нести в себе определенные риски, вызванные сложностью выбора компетентного состава арбитража для рассмотрения спора, а также возбуждения параллельных арбитражных разбирательств, на что справедливо указывается в юридической литературе [7].

При рассмотрении арбитражных дел РАЦ изучает заявленные требования и возражения сторон, их дополнительные пояснения по существу возникшего материально-правового спора, определяет предмет доказывания по делу, исследует и дает правовую оценку представленным доказательствам, анализирует фактические обстоятельства спора с целью принятия законного и обоснованного арбитражного решения.

Особую значимость вопросы оценки и фиксации доказательств приобретают в спорах, осложненных иностранным элементом и связанных с исполнением коммерческих обязательств в динамичной деловой среде. В таких делах содержание первичных документов, переписки сторон, электронных сообщений и иных материалов, отражающих фактический ход исполнения договора, нередко оказывает прямое влияние как на квалификацию спорных отношений, так и на итоговое распределение рисков между участниками спора. В научной литературе справедливо отмечается, что отсутствие заранее согласованных подходов к документированию юридически значимых обстоятельств, а также к определению применимого права и порядка разрешения споров способно усиливать правовую неопределенность. В этой связи последовательный подход арбитража к исследованию фактических обстоятельств дела, оценке представленных доказательств и установлению действительной воли сторон приобретает особую практическую ценность. [8]

При разрешении споров РАЦ применяет нормы материального права России и разъяснения Верховного Суда РФ, связанные с определением практики применения действующего законодательства РФ, в том числе по аналогии.

Например, в одном деле арбитры РАЦ исходили из того, что п. 49 Положения об арбитражных сборах и арбитражных расходах (Приложение № 1 к Арбитражному регламенту РАЦ при РИСА (в редакции от 01.11.2021 г.) не содержит специальных правил о распределении арбитражного сбора в случае, если состав арбитража снижает размер взысканной неустойки.

Однако в силу п. 6 ст. 15 названного положения состав арбитража вправе с учетом обстоятельств конкретного спора, в том числе процессуального поведения сторон арбитража, установить иное распределение арбитражного сбора между сторонами.

Состав арбитража посчитал возможным применить по аналогии абз. 3 п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 гражданского кодекса Российской Федерации» [9], согласно которому если размер заявленной неустойки снижен арбитражным судом по правилам ст. 333 ГК РФ на основании заявления ответчика, расходы истца по государственной пошлине не возвращаются в части сниженной суммы из бюджета и подлежат возмещению ответчиком исходя из суммы неустойки, которая подлежала бы взысканию без учета ее снижения.

Исходя из данного подхода, состав арбитров посчитал, что ответчик должен возместить истцу расходы по уплате арбитражного сбора в полном объеме. Такая действенная и эффективная мера выполняла функцию превенции дальнейших нарушений со стороны ответчика, стимулируя его к своевременному и надлежащему выполнению обязательств и формированию уважительного отношения к правопорядку.

Права и законные интересы ответчика, кроме того, были учтены путем снижения составом арбитража размера заявленной ко взысканию неустойки, в связи с чем арбитры с целью соблюдения паритета сторон посчитали необходимым отнести на ответчика все расходы по уплате арбитражного сбора.

Применение данного подхода и возложение на ответчика арбитражного сбора в полном размере являлось также оправданным исходя из процессуального поведения ответчика, который имел реальную возможность удовлетворить претензию истца в добровольном порядке и оплатить необходимый размер неустойки до инициирования истцом арбитражного разбирательства.

Однако, ответчик таких шагов со своей стороны не предпринял, поэтому на его счет и должны были быть отнесены соответствующие риски (Решение РАЦ от 16.06.2023 г. по делу № D3342-22) [10].

При разрешении имущественных споров арбитры РАЦ также применяют ключевые принципы правоприменения, позволяющие принять справедливое и сбалансированное арбитражное решение.

В частности, арбитры РАЦ учитывают, что разрешение споров, исходя из соображений *правового пуризма* (чистоты правоприменения, предполагающей приоритет юридической формы над содержанием), а не существа спорных отношений, судебной практикой недопустимо, поскольку формальное обеспечение какого-либо элемента права на суд может привести к иллюзорности такого права и нарушению баланса интересов сторон.

Так, предметом рассмотрения в одном деле стал вопрос о правомерности удержания заказчиком неустойки из суммы окончательного платежа, причитавшегося подрядчику за работы, выполненные по договору подряда.

Из материалов дела следовало, что стороны обменялись письмами, однако, в ходе арбитражного разбирательства подрядчик заявил довод о том, что свое письмо написал под давлением со стороны процессуального оппонента, чтобы скорее получить оплату. Делая подобное утверждение, подрядчик в условиях состязательного арбитражного процесса должен был подкрепить его конкретными доказательствами, отвечающими требованиям относимости, допустимости и достоверности, однако, он этого не сделал, в связи с чем такое утверждение арбитры расценили как голословное и бездоказательное.

Отклоняя данный довод как необоснованный, арбитры отметили, что стороны прямо выразили согласие на удержание неустойки при проведении окончательных расчетов по договору подряда.

Обмен предложениями относительно возможности удержания неустойки арбитры квалифицировали как заключение двусторонней сделки, предметом которой стало установление факта просрочки выполнения подрядчиком своих обязательств по договору подряда, размере начисленной неустойки и порядке ее уплаты путем удержания из суммы финального платежа.

Закон не содержит запрета на использование участниками гражданского оборота подобного способа расчетов по договору подряда, при том, что подрядчик объективно был не ограничен в своих переговорных возможностях при обсуждении спорного условия, мог предложить свои параметры сделки или вовсе отказаться от ее совершения.

Доказательств его принуждения к совершению сделки подрядчиком представлено не было, само соглашение об удержании неустойки, которое можно было рассматривать в качестве дополнительного соглашения к договору подряда, он не оспаривал, поэтому у арбитров не имелось законных оснований для признания его незаключенным или недействительным (Арбитражное решение РАЦ от 07.06.2021 г.) [11].

В другом деле арбитры расценили как ходатайство должника об уменьшении размера начисленной неустойки на основании ст. 333 ГК РФ его возражения, изложенные в письменном отзыве на исковое заявление кредитора, посчитав, что таких возражений было достаточно.

Исходя из сложившейся в настоящее время практики применения положений ст. 333 ГК РФ, задействовать данный правовой механизм возможно лишь в исключительных случаях, когда подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушенного обязательства.

Уменьшение суммы неустойки допускается только по заявлению ответчика, сделанному в суде первой инстанции или в суде апелляционной инстанции, перешедшем к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции. В решении должны указываться мотивы, по которым суд пришел к выводу, что уменьшение их размера является допустимым.

Такая правовая позиция представлена, в частности, в п. 72 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», п. 73 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества» и др. [12].

Рассматривая возникший спор и давая оценку письменным возражениям должника, арбитры отметили, что данный процессуальный документ можно рассматривать как ходатайство о снижении неустойки на основании ст. 333 ГК РФ, поскольку тот был явно несогласен с уплатой какой-либо суммы в пользу кредитора помимо иных, прямо обозначенных им денежных сумм.

При этом состав арбитража учитывал, что в соответствующем ходатайстве не обязательно должна быть упомянута ст. 333 ГК РФ или словосочетание «снижение неустойки». Вполне достаточным, по мнению арбитров, было того, чтобы была видна воля обязанного лица на оспаривание суммы, предъявленной ко взысканию его оппонентом (Арбитражное решение РАЦ от 06.03.2024 г. по делу № PD0204-23) [13].

Действительно, если сторона спора в процессе участия в процедуре арбитражного разбирательства заявляет о своем несогласии с размером начисленной неустойки, такое поведение со всей очевидностью свидетельствует о том, что она не признает предъявленную ко взысканию сумму, в связи с чем состав арбитража должен дать правовую оценку сделанному заявлению именно как процессуальному ходатайству о снижении неустойки.

Закон не содержит требования, что вопрос о снижении неустойки должен быть поставлен исключительно в форме ходатайства, равно как и не указывает на то, что участник спора не вправе это сделать в какой-либо иной активной форме, например, включив соответствующие возражения в свой отзыв на исковое заявление, в возражения, дополнения к ним или в иной процессуальный документ.

Иное бы означало излишний формализм и нарушение правовой принципа приоритета существа над формой.

При рассмотрении требований о снижении размера неустойки на основании ст. 333 ГК РФ арбитры учитывают вид и характер допущенного нарушения, длительность просрочки, поведение сторон спора и иные заслуживающие внимания обстоятельства. В прецедентной практике РАЦ нет преобладания продебиторского подхода и произвольного вмешательства состава арбитража в условия договоров предпринимателей.

Согласовав параметры коммерческой сделки, включая размер неустойки, а нарушение обязательств, коммерсанты вправе рассчитывать на надлежащее исполнение достигнутых договоренностей с применением мер правовой защиты, вытекающих из заключенного между ними арбитражного соглашения.

В такой ситуации произвольное снижение арбитрами размера неустойки являлось бы нарушением таких основополагающих принципов гражданского права, как свобода договора, равенство участников гражданского оборота, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав (ст. 1 ГК РФ).

В одном деле состав арбитража, отклоняя ходатайство экспедитора о снижении размера начисленной неустойки за нарушение обязательств, вытекающих из договора транспортной экспедиции, отметил, что сумма неустойки была выражена в долларах США.

Поскольку спорящие стороны были российскими юридическими лицами, оплата в любом случае должна была производиться в рублях по курсу ЦБ РФ на дату платежа. За время рассмотрения данного спора (с учетом замены составов арбитража) курс доллара США по отношению к рублю значительно снизился.

Соответственно снизилась и эквивалентная сумма неустойки в рублях на дату вынесения арбитражного решения, что, по мнению арбитров, также являлось основанием для отказа в снижении неустойки на основании ст. 333 ГК РФ (Арбитражное решение РАЦ от 10.08.2022 г. по делу № P13212-21) [14].

Еще одним примером взвешенной и справедливой оценки арбитрами РАЦ спорной правовой ситуации, сложившейся между участниками гражданского оборота, является дело о возмещении убытков, вызванных заказами товаров покупателем у другого поставщика по замещающей сделке.

Не получив от контрагента нужную партию продукции, покупатель направил заказ на ее поставку другому партнеру, цены у которого были выше. С этим партнером он заключил договор после выявления нарушения со стороны поставщика, однако, с последний договор поставки не расторгнул.

Полагая, что убытки в виде ценовой разницы по замещающей сделке у него возникли по вине поставщика, покупатель обратился в РАЦ с иском об их взыскании. Рассматривая заявленные исковые требования, состав арбитража исходил из того, что покупатель был вынужден получить исполнение от другого поставщика позднее и по возросшим ценам, что является обычной практике в деловом обороте.

Тот факт, что по замещающей сделке предусматривалась полная предоплата товара покупателем, в любом случае свидетельствовал не в пользу поставщика, поскольку покупатель согласовал менее выгодное условие по очередности собственного имущественного предоставления (оплаты), что нередко влечет возможность получения более выгодной цены на товар по сравнению с последующей оплатой, уже по факту получения партии продукции.

Ввиду того, что размер убытков в такой ситуации может оказаться меньше, действия покупателя можно считать добросовестными и разумными, направленными на удовлетворение своей потребности в получении товара с одной стороны и минимизации возможных убытков – с другой, как того требуют положения ст. ст. 393 и 404 ГК РФ.

Арбитры отклонили довод поставщика о том, что замещающая сделка была совершена до отказа покупателя от заключенного с ним договора поставки. Согласно п. 1 ст. 393.1 ГК РФ замещающая сделка заключается взамен прекращенного договора, а из п. 1 ст. 524 ГК РФ вытекает, что такая сделка заключается после расторжения договора вследствие нарушения обязательств поставщиком.

Между тем по смыслу данных правовых норм не должно иметь принципиального значения, когда именно заключается замещающая сделка, поскольку решающим является не темпоральный аспект, а телеологический, предполагающий учет того, для каких целей вообще пострадавший кредитор заключает сделку.

Если замещающая сделка заключена взамен нарушенного договора, т.е. для получения сопоставимого имущественного блага, не полученного кредитором от должника по нарушенному договору, то кредитору должна быть предоставлена правовая защита по возмещению причиненных ему убытков с использованием метода определения их размера по разнице в ценах.

Кроме того, кредитор, чьи права оказались нарушенными, может быть законным образом заинтересован действовать осмотрительно и не прекращать нарушенный договор, по крайней мере до тех пор, пока он не подыщет другого контрагента и не свяжет его обязательством поставить товар на согласованных условиях.

Верховный Суд РФ также в своей практике исходит из того, что замещающая сделка может быть заключена до прекращения нарушенного договора, но при условии, что впоследствии такой договор будет прекращен в связи с нарушением обязательства, которое вызвало заключение замещающей сделки (п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»).

Именно такое положение дел и имело место в рассматриваемом случае, в связи с чем состав арбитража отметил, что он не считает возможным отклониться от толкования правовых норм, приведенных высшей судебной инстанции, так как иное привело бы к умалению защиты прав кредиторов в третейском суде по сравнению с тем, как они ее получают в государственных судах.

Ответчик также приводил аргумент о том, что по замещающей сделке покупатель заказал меньшее количество товара, чем это было предусмотрено спецификацией по нарушенному договору поставки. По этому поводу состав арбитража отметил, что данный аспект мог иметь правовое значение для определения размера убытков.

Действительно размер цены напрямую зависит от объема закупаемого товара, что неминуемо сказывается и на величине убытков по замещающей сделке. Вместе с тем в рассматриваемом случае поставщик избрал стратегию своей процессуальной защиты не в виде оспаривания размера убытков, а на недоказанности связи нарушенного договора и замещающей сделки.

Однако, различный объем закупаемого товара по обеим коммерческим сделкам сам по себе не опровергал того факта, что последующая сделка относилась к замещающему договору, поскольку для последнего ключевой характеристикой являлась сопоставимость товара (Арбитражное решение РАЦ от 20.07.2022 г. по делу № D7104-22) [15].

Аналогичным образом и в другом деле состав арбитража отклонил довод ответчика о том, что новый договор нельзя было считать замещающей сделкой, поскольку он был заключен еще до нарушения обязательств по заключенному между ними договору.

Вопреки мнению ответчика этого не следует из п. 13 Постановления № 7, наоборот, его положения прямо допускают заключение замещающей сделки до прекращения первоначального обязательства, однако под условием, что у должника сохраняется возможность исполнить свои обязательства по первоначальному договору в течение срока их действия.

Занятая же ответчиком позиция не соответствовала принципу равенства участников гражданского оборота, гарантируемому ст. ст. 1, 2 ГК РФ, т.к. она влечет за собой смещение баланса интересов в пользу должника в обязательстве (Арбитражное решение РАЦ от 12.08.2021 г.) [16].

Отметим со своей стороны, что возможность применения ст. 393.1 ГК РФ связана с заключением замещающей сделки, которое для пострадавшего от нарушения кредитора должна носить вынужденный характер. Он может расторгнуть договор с должником не сразу после заключения замещающей сделки, дождавшись получения исполнения в нужном объеме от другого контрагента.

Иными словами, замещающая сделка заключается пострадавшим кредитором взамен нарушенной сделки, а не наряду с ней, поскольку ее назначение состоит в обеспечении доступа кредитора к получению товаров, работ или услуг, которого его лишил неисправный должник, не предоставивший оговоренного в договоре исполнения.

Заключение замещающей сделки пострадавшим кредитором нацелено на преодоление негативной ситуации, в которой он оказался по вине должника, от которого не смог дождаться получения исполнения. Вступая в обязательственные правоотношения с иным контрагентом, кредитор тем самым добивается достижения цели иным способом, минуя первоначально обязанного лица, которое нарушило перед ним свои договорные обязательства.

По этой причине кредитор во всяком случае не вправе ставить вопрос о возмещении убытков по правилам данной статьи в ситуации, когда договор с другим контрагентом был заключен не в результате нарушения обязательств перед ним должником, а ранее этого момента, когда нарушения не было.

Допустим, кредитор заключил одновременно несколько договоров с разными контрагентами, чтобы в процессе работы оценивать предлагаемые каждым коммерческие условия и иные параметры исполнения обязательств. В таком случае ни один из указанных контрактов нельзя рассматривать в качестве замещающей сделки, поскольку они носят самостоятельный и автономный характер по отношению друг к другу.

Заключая и исполняя такие сделки с разными партнерами, кредитор тем самым уже заранее диверсифицирует свои коммерческие риски, страхуется от возможных нарушений и получает возможность регулировать получение исполнения от каждого из партнеров, ориентируясь на качество и стоимость отгружаемой продукции.

Выводы

Таким образом, как мы видим из анализа отдельных арбитражных решений РАЦ, в своей прецедентной практике арбитры учитывают существующие правовые подходы высшей судебной инстанции и тенденции развития современного законодательства РФ, применяют свои выверенные правовые позиции, основанные на анализе складывающейся практики правоприменения.

Обращение в РАЦ для участников гражданского оборота позволяет получить эффективную правовую защиту в случае нарушения их прав и законных интересов, используя при этом все самые передовые возможности арбитража по сравнению с государственными судами – скорость, удобство и конфиденциальность.

Список источников

1. Парамонова С.П. Беспристрастность арбитров в международном коммерческом арбитраже // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 8. С. 44 – 47. DOI: 10.18572/1812-383X-2024-8-44-47
2. Кропотов Леонид, Гурченко Евгений, Шевелев Сергей, Афанасьева Наталия. Приведение в исполнение решения третейского суда – пределы рассмотрения арбитражным судом // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2020. № 1. С. 27 – 34.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (часть I). Ст. 2.
4. Арбитражный регламент Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража: редакция от 01.11.2021. 53 с.
5. Арбитражное решение на согласованных условиях Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 14 сентября 2022 г. по делу № PI9937-22. Ст.3.

6. Арбитражное решение на согласованных условиях Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 8 августа 2023 г. по делу № D7726-23. Ст.5.

7. Бутрим А.О., Челак С.В., Тхаркахова И.Г. и др. Пути совершенствования социально-экономических и правовых систем: специфика, противоречия, перспективы: монография. Ростов-на-Дону: ООО "Издательство "Манускрипт", 2025. 91 с. ISBN 978-5-605-55600-8.

8. Butrim, Alina, Methodology for Recording Delays in Cargo Handling in Maritime Transport Operations: Legal Specifics, Conflicts, and Harmonization Prospects (October 13, 2025). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=5910487> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5910487>

9. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации».

10. Решение Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 16 июня 2023 г. по делу № D3342-22 [Электронный ресурс]. 13 с.

11. Арбитражное решение Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 7 июня 2021 г. Ст. 23.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 19 «О применении судами законодательства о добровольном страховании имущества».

13. Арбитражное решение Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 6 марта 2024 г. по делу № PD0204-23. 32 с.

14. Арбитражное решение Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 10 августа 2022 г. по делу № P13212-21. Ст. 23.

15. Арбитражное решение Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 20 июля 2022 г. по делу № D7104-22. Ст. 8.

16. Арбитражное решение Российского арбитражного центра при Российском институте современного арбитража от 12 августа 2021 г. Ст. 13.

References

1. Paramonova S.P. Impartiality of Arbitrators in International Commercial Arbitration. Arbitration and Civil Procedure. 2024. No. 8. P. 44 – 47. DOI: 10.18572/1812-383X-2024-8-44-47

2. Kropotov Leonid, Gurchenko Evgeny, Shevelev Sergey, Afanasyeva Natalia. Enforcement of an Arbitral Tribunal Award – the Limits of Consideration by the Arbitration Court. Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2020. No. 1. P. 27 – 34.

3. Federal Law of December 29, 2015 No. 382-FZ "On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 1 (Part I). Art. 2.

4. Arbitration Rules of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration: version of 01.11.2021. 53 p.

5. Arbitration Award on Agreed Terms of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration dated September 14, 2022 in Case No. PI9937-22. Art. 3.

6. Arbitration Award on Agreed Terms of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration dated August 8, 2023 in Case No. D7726-23. Art. 5.

7. Butrim A.O., Chelak S.V., Tkharkakhova I.G. and others. Ways to improve socio-economic and legal systems: specifics, contradictions, prospects: monograph. Rostov-on-Don: ООО Izdatelstvo Manuscript, 2025. 91 p. ISBN 978-5-605-55600-8.

8. Butrim, Alina, Methodology for Recording Delays in Cargo Handling in Maritime Transport Operations: Legal Specifics, Conflicts, and Harmonization Prospects (October 13, 2025). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=5910487> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5910487>

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of December 22, 2011 No. 81 "On Certain Issues of Application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation."

10. Decision of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration Award of June 16, 2023, Case No. D3342-22 [Electronic resource]. 13 p.

11. Arbitration Award of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration of June 7, 2021. Art. 23.

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 25, 2024, No. 19 "On the Application of Legislation on Voluntary Property Insurance by Courts."

13. Arbitration Award of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration of March 6, 2024, Case No. PD0204-23. 32 p.

14. Arbitration Award of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration of August 10, 2022, Case No. P13212-21. Art. 23.

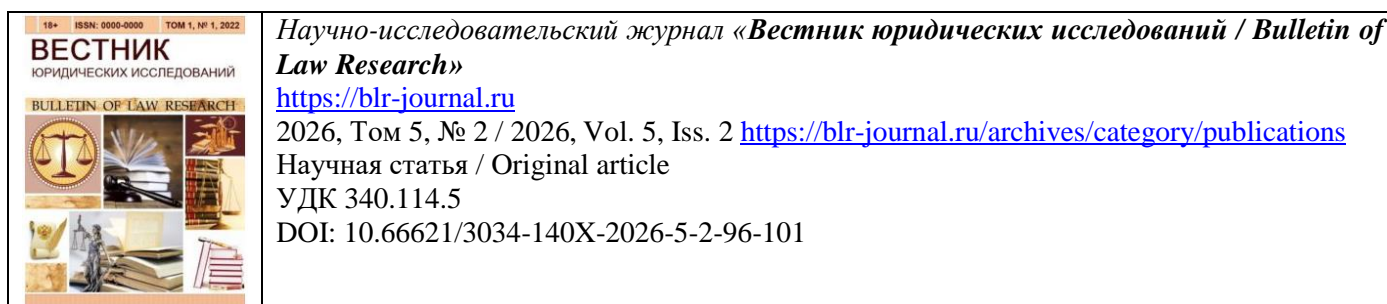
15. Arbitration Award of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration dated July 20, 2022 in Case No. D7104-22. Art. 8.

16. Arbitration Award of the Russian Arbitration Center at the Russian Institute of Modern Arbitration dated August 12, 2021. Art. 13.

Информация об авторе

Бутрим А.О., старший юрист, EMVE трейдинг, 1404 Аль Сурая Тауэр 1, Дубай, ОАЭ, (SPIN-код): 4465-1212, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0009-0909-9207>

© Бутрим А.О., 2026

О формировании электронной демократии в Российской Федерации на примере общественного обсуждения реформ судебного представительства

¹ Салманова А.К.,

¹ Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: в статье дается анализ формирования электронной демократии на примере беспрецедентного по масштабу общественного обсуждения законопроекта Минюста России «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (так называемой «адвокатской монополии»). Автор подчеркивает постулат о том, что демократия возможна только при общественном обсуждении, в юридической практике особенно. Новый термин «электронная демократия», в том числе и анонимная, позволяет законодательство сделать прозрачным. Выявлены ключевые механизмы создания демократичности на просторах информационного пространства, к состав которых входят приемы консолидация профессионального сообщества, использование цифровых платформ как агрегаторов профессионального мнения, вовлечение научной экспертизы и широкий медийный резонанс принятия законов и их обсуждения. Анализ показал острую необходимость изменения системы оценок реформ судопроизводства, где в качестве важной меры предлагается широкое общественное обсуждение законопроектов в режиме цифрового поля.

Ключевые слова: легитимация законопроектов, судебное представительство, общественное обсуждение, цифровые платформы, адвокатская монополия, электронная демократия

Для цитирования: Салманова А.К. О формировании электронной демократии в Российской Федерации на примере общественного обсуждения реформ судебного представительства // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 96 – 101. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-96-101

Поступила в редакцию: 18 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

On the formation of electronic democracy in the Russian Federation using the example of public discussion of judicial representation reforms

¹ Salmanova A.K.,

¹ North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: this article analyzes judicial practice using the example of the unprecedented public debate surrounding the Russian Ministry of Justice's draft law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (the so-called "lawyer monopoly"). The author emphasizes the premise that democracy is only possible through public debate, especially in legal practice. The new term "e-democracy," including anonymous debate, allows for transparent lawmaking. Key mechanisms for fostering democracy in the information space are identified, including methods for consolidating the professional community, using digital platforms as aggregators of profes-

sional opinion, engaging scientific expertise, and ensuring broad media coverage of the adoption of laws and their discussion. The analysis demonstrates the urgent need to change the system for evaluating judicial reforms, where broad public debate on draft laws in the digital realm is proposed as an important measure.

Keywords: bill legitimization, judicial representation, public debate, digital platforms, lawyer monopoly, e-democracy

For citation: Salmanova A.K. On the formation of electronic democracy in the Russian Federation using the example of public discussion of judicial representation reforms. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 96 – 101. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-96-101

The article was submitted: January 18, 2025; Approved after reviewing: March 15, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Современный этап развития российской правовой системы характеризуется не просто внедрением информационно-коммуникационных технологий в отдельные сферы юридической деятельности, но формированием принципиально новой цифровой среды, в которой создаются, интерпретируются и легитимируются правовые нормы. Электронное правосудие, дистанционные юридические консультации, автоматизированные системы документооборота стали привычными элементами повседневной практики. Однако наиболее глубокие изменения происходят в сфере правотворчества, где цифровые платформы открывают возможности для участия граждан и институтов гражданского общества, ранее немислимые в рамках традиционных бюрократических процедур. Поэтому актуальным становится внедрение демократических механизмов осуществления этих процессов. В юридической науке все чаще поднимается вопрос о трансформации механизмов легитимации законопроектов: традиционные формальные отзывы, направляемые в рамках ведомственного согласования и публикуемые на едином портале, уступают место так называемому «общественному обсуждению» – многосубъектному, публичному, интерактивному обсуждению, которое разворачивается на специализированных интернет-площадках, в профессиональных сообществах, научных журналах и социальных медиа. Данный феномен требует глубокого теоретического осмысления, поскольку он меняет не только процедуру, но и саму природу взаимодействия государства и общества в нормотворческом процессе, перераспределяя власть над определением общественно значимых интересов и способов их нормативного закрепления.

Правовое регулирование общественного обсуждения законопроектов в Российской Федерации базируется на Федеральном законе от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [11] и постановлении Правительства РФ от 25.08.2012 № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» [8]. Согласно этим актам, федеральные органы исполнительной власти обязаны размещать проекты нормативных правовых актов на едином портале regulation.gov.ru, проводить сбор замечаний и предложений в установленный срок (не менее 15 дней, для наиболее значимых – до 60 дней) и представлять сводный отчет.

Однако, как справедливо отмечает Е.А. Фролова, «формальное соблюдение процедур еще не означает реального учета общественного мнения: сводный отчет может содержать обобщенные формулировки, а отказ от учета предложений не требует развернутого обоснования» [13, с. 47]. Работники кафедры конституционного права СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ Я.В. Антонов и В.А. Овчинников с соавтором в своей работе пишут: «Электронная демократия, как и электронное голосование, берет свое начало в конституционных идеях народовластия и выборности, в частности в идее непосредственного осуществления народом принадлежащей ему власти. При этом электронная демократия предназначена для расширения и углубления традиционных форм народовластия (референдум и свободные выборы) как посредством модернизации существующих демократических процедур (например, упрощение порядка организации референдума, организация электронного референдума и электронных выборов), так и путем внедрения принципиально новых демократических процедур (например, электронное правительство, электронный парламент, принятие политических решений путем электронного голосования и пр.). Однако вся политическая реформационная деятельность в данной области должна находиться в правовом русле и строго следовать букве и духу конституционных правовых предписаний» [7, с. 40].

До недавнего времени механизмы общественного участия носили преимущественно пассивный характер, а сама процедура воспринималась разработчиками как техническое условие, не оказывающее

существенного влияния на содержание законопроекта. Цифровая среда, однако, изменила эту модель: наличие интерактивных платформ, возможность мгновенного распространения информации, объединения заинтересованных лиц в профессиональные сетевые сообщества и привлечения внимания СМИ превратили формальную процедуру в реальный канал влияния.

Общественное обсуждение, в отличие от формального сбора отзывов, позволяет не только выявить спектр мнений, но и проследить логику аргументации, выявить наиболее уязвимые места законопроекта и сформулировать альтернативные предложения.

Материалы и методы исследований

В данном исследовании были использованы теоретические методы сбора данных, базирующийся на общефилософских понятиях, так как нас интересовала мировоззренческая позиция носителей, репликаторов и реализаторов права. Применялся контент-анализ публикаций, анализ юридической практики, также официальных сайтов практикующих юристов и их объединений.

Результаты и обсуждения

Проведенный нами контент-анализ публикаций на вышеуказанных платформах позволил выделить два ключевых аргументационных кластера, которые в итоге определили исход дискуссии.

Аргументы сторонников реформы (прежде всего адвокатского сообщества и руководства ФПА) строились на тезисе об институциональной надежности адвоката как судебного представителя. В отличие от частнопрактикующего юриста, адвокат связан едиными этическими стандартами, несет дисциплинарную ответственность вплоть до прекращения статуса, а главное – обязан сохранять адвокатскую тайну, которая гарантирует клиенту, что переписка и документы юриста не будут изъяты правоохранительными органами. Как отмечалось в редакционной статье «Адвокатской газеты», «адвокатура – это корпорация, где каждый член подконтролен сообществу, что исключает безответственное отношение к защите прав доверителя, а адвокатская тайна выступает надежным щитом для доверителя в условиях, когда правоохранительные органы могут изъять документы у частного юриста» [6]. Кроме того, сторонники реформы указывали на необходимость очистить рынок правовых услуг от так называемых «черных юристов», фирм-однодневок, использующих агрессивный маркетинг и исчезающих после получения аванса, а также на то, что реформа приведет к повышению престижа профессии адвоката и созданию единой корпорации с четкими правилами входа, вступительными экзаменами и обязательным наличием стажа, что в конечном счете повысит доверие населения к юстиции.

Оппоненты реформы – представители бизнеса, частнопрактикующие юристы, значительная часть научного сообщества – выдвинули не менее весомые контраргументы, которые в итоге оказались решающими. Самым весомым контраргументом стала институциональная неготовность адвокатуры к реформе. Как справедливо указывает В.Н. Баландин, «адвокатские палаты в регионах не справятся с резким наплывом новых членов ни административно, ни финансово; введение адвокатской монополии на судебное представительство приведет к коллапсу, поскольку большинство адвокатов задействовано в уголовном судопроизводстве, тогда как юристы без статуса адвоката чаще участвуют в гражданских, административных и арбитражных процессах» [2, с. 28]. Эмпирические данные подтверждали эти опасения: по состоянию на январь 2025 года численность адвокатов с действующим статусом составляла около 76 тысяч, тогда как число частнопрактикующих юристов, представляющих интересы граждан в судебных процессах без статуса адвоката, оценивалось от 300 до 430 тысяч человек [1]. Таким образом, на одного действующего адвоката приходилось примерно в 5-7 раз больше «свободных» юристов. Даже при плане Минюста довести число адвокатов до 100 тысяч к завершению переходного периода, дефицит защитников оставался бы критическим, особенно в гражданском и арбитражном процессе, где адвокаты традиционно менее задействованы. Критики настаивали, что монополия ограничивает конкуренцию, неизбежно приведет к росту гонораров, снизит доступность юридической помощи для граждан и малого бизнеса, особенно в регионах и малых городах, где адвокатов часто недостаточно. Научное сообщество заняло взвешенную позицию, предлагая компаративный анализ зарубежных моделей (англосаксонская система с разделением на солиситоров и барристеров, континентальная модель с различными формами допуска) и подчеркивая, что «адвокатская монополия в чистом виде не является универсальным решением и требует учета национальных правовых традиций и реальной структуры рынка юридических услуг» [5, с. 92]. В совокупности эти аргументы, многократно воспроизведенные на цифровых платформах, сформировали устойчивый общественный запрос на пересмотр жесткого сценария реформы.

Важнейший вывод, который можно сделать на основе анализа обсуждения, заключается в том, что сетевая экспертиза выступила действенным механизмом коррекции правотворческой политики. Несмотря

на первоначальную поддержку концепции Минюста профильным комитетом Государственной Думы, радикальный вариант «адвокатской монополии» не был принят. Широкий резонанс и общественные обсуждения перевели реформу в стадию длительной эволюции, когда реализация реформы судебного представительства на основе законопроекта Минюста максимально растянута во времени во избежание негативных социальных последствий. Как следует из итогового документа, опубликованного Минюстом России в феврале 2026 года, «реализация реформы судебного представительства будет осуществляться эволюционно, с учетом результатов пилотных проектов и поэтапного расширения численности адвокатского корпуса» [4]. По сути, жесткий сценарий был приостановлен, а реформа переведена в режим постепенных изменений, что свидетельствует о реальном влиянии общественных механизмов на процесс принятия государственных решений.

Каким же образом общественность достигла такого эффекта? На наш взгляд, ключевыми факторами стали: во-первых, агрегация и визуализация общественного мнения – цифровые платформы позволили в реальном времени фиксировать масштаб несогласия, превращая индивидуальные мнения в статистически значимый массив данных, который уже нельзя было игнорировать; во-вторых, мобилизация профессионального сообщества – площадки вроде «Право.гу» и «Закон.ру» стали центрами консолидации юристов, не входящих в адвокатуру, совместные открытые письма, экспертные заключения, скоординированные выступления в СМИ создали эффект единой позиции; в-третьих, вовлечение научной экспертизы – академические публикации обеспечили глубину анализа и аргументированность контраргументов, ссылки на научные статьи в официальных документах и парламентских слушаниях придали критике реформы дополнительный вес; в-четвертых, медийный резонанс – освещение в деловых СМИ вывело дискуссию за пределы узкопрофессиональной аудитории, сделав ее предметом обсуждения в бизнес-среде и среди широкой общественности, а экономические аргументы оказались особенно убедительными для лиц, принимающих решения.

Таким образом, сетевая экспертиза превратила диалог с властью из закрытого бюрократического процесса в публичный и интерактивный механизм, что наиболее ярко проявилось при обсуждении реформы адвокатуры. Это соответствует концепции делиберативной демократии, развиваемой в работах Ю. Хабермаса: легитимность правовых решений, возрастает, когда они являются продуктом публичной дискуссии, а не только административного усмотрения [4].

Однако, признавая несомненные достоинства сетевой экспертизы, нельзя не видеть и ее системные риски. Во-первых, сохраняется проблема цифрового неравенства: не все социальные группы имеют равный доступ к интернет-площадкам и навыки формулирования аргументированных предложений. Представители малого бизнеса из отдаленных регионов, пожилые граждане, люди с низким уровнем цифровой грамотности оказываются фактически исключенными из сетевой дискуссии, что ставит под сомнение репрезентативность высказываемых мнений. Во-вторых, существует опасность манипуляции общественным мнением через боты, заказные комментарии и «информационные вбросы», что может создавать ложное впечатление о степени поддержки или неприятия законопроекта. В-третьих, правовая природа мнений, высказанных в сети, остается неопределенной: в отличие от формальных отзывов, направленных в установленном порядке, сетевые комментарии не обладают официальным статусом и могут быть проигнорированы при сохранении видимости учета. Как справедливо отмечает О.Ю. Рыбаков, «цифровая среда порождает феномен “гибридной легитимации”, когда формальные процедуры дополняются неформальными, но при этом критерии учета последних остаются размытыми, что создает пространство для избирательного подхода» [10, с. 67]. В случае с законопроектом об адвокатской монополии это проявилось в том, что, хотя радикальный вариант был отложен, сам законопроект не был снят с повестки, а переход к эволюционной модели оставляет значительную свободу усмотрения за исполнительной властью. Кроме того, высокая интенсивность сетевой дискуссии может приводить к «информационной перегрузке» лиц, принимающих решения, когда обилие противоречивых мнений затрудняет выделение действительно значимых аргументов.

Выводы

В заключение следует подчеркнуть, что проведенное исследование позволяет утверждать: возможность высказать свое мнение в цифровой среде создает принципиально новый уровень легитимации законопроектов, выходящие за рамки традиционных формальных отзывов. Основными механизмами электронной демократии и её эффективности являются процессы консолидации профессионального сообщества с использованием цифровой среды, репликаторов профессиональных мнений. Важно вовлечь научную общественность для экспертизы и создания широкого медийного резонанса реализации

законопроектов. Анализ показал острую необходимость изменения системы оценок реформ судопроизводства, где в качестве важной меры предлагается широкое общественное обсуждение законопроектов в режиме цифрового поля.

Список источников

1. Аналитический доклад «Рынок юридических услуг в России: структура, динамика, тенденции» / Исследовательский центр Консорциума юридических компаний. М., 2026. С. 34 – 38.
2. Баландин В.Н. Институциональные ограничения адвокатской монополии в России // Юридический мир. 2025. № 11. С. 25 – 31.
3. Ковалевская Н.В., Лаврека М.А., Шевченко Я.Н. Цифровая демократия как объект концептуализации в современной политической социологии // Социодинамика. 2026. № 1. DOI: 10.25136/2409-7144.2026.1.69601. EDN:CAGBEGURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69601
4. Министерство юстиции Российской Федерации. Итоговый отчет по результатам общественного обсуждения законопроекта «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». М., 2026. 62 с.
5. Михайлова Т.Н. Сравнительно-правовой анализ моделей судебного представительства: уроки для России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 12. С. 90 – 101.
6. Обсуждение законопроекта об адвокатской монополии: итоги первых трех месяцев // Право.ru. 2025. 15 октября. URL: <https://pravo.ru/analytics/236598/> (дата обращения: 10.01.2026)
7. Овчинников В.А., Антонов Я.В. К вопросу о конституционно-правовом измерении электронного голосования в системе электронной демократии // Время и право. 2014. № 3. С. 40 – 43.
8. Постановление Правительства РФ от 25.08.2012 № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 36. Ст. 4902.
9. Редакционная статья. Адвокатская монополия: время перемен // Адвокатская газета. 2025. 20 августа. № 16. С. 1 – 2.
10. Рыбаков О.Ю. Гибридная легитимация права в условиях цифровизации // Lex Russica. 2025. № 3. С. 62 – 71.
11. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213.
12. Федеральная палата адвокатов РФ. Итоги опроса адвокатского сообщества по вопросу реформы судебного представительства. М., 2025. 45 с.
13. Фролова Е.А. Цифровая трансформация правотворчества: вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2025. № 4. С. 42 – 56.
14. Хабермас Ю. Вовлечение другого: очерки политической теории. М.: Наука, 2001. 417 с.

References

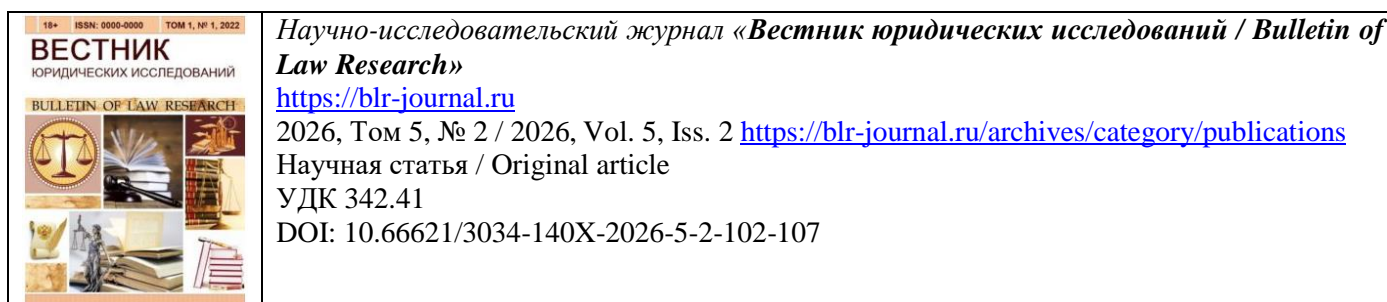
1. Analytical report "The Legal Services Market in Russia: Structure, Dynamics, Trends". Research Center of the Consortium of Law Firms. Moscow, 2026. P. 34 – 38.
2. Balandin V.N. Institutional Limitations of the Lawyer Monopoly in Russia. Legal World. 2025. No. 11. P. 25 – 31.
3. Kovalevskaya N.V., Lavreka M.A., Shevchenko Ya.N. Digital Democracy as an Object of Conceptualization in Modern Political Sociology. Sociodynamics. 2026. No. 1. DOI: 10.25136/2409-7144.2026.1.69601. EDN:CAGBEGURL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69601
4. Ministry of Justice of the Russian Federation. Final report on the results of public discussion of the draft law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Moscow, 2026. 62 p.
5. Mikhailova, T.N. Comparative legal analysis of models of judicial representation: lessons for Russia. Bulletin of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2025. No. 12. P. 90 – 101.
6. Discussion of the draft law on the lawyer monopoly: results of the first three months. Pravo.ru. 2025. October 15. URL: <https://pravo.ru/analytics/236598/> (date of access: 10.01.2026)
7. Ovchinnikov V.A., Antonov Ya.V. On the Issue of the Constitutional and Legal Dimension of Electronic Voting in the Electronic Democracy System. Time and Law. 2014. No. 3. P. 40 – 43.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of August 25, 2012 No. 851 "On the Procedure for Disclosure by Federal Executive Bodies of Information on the Preparation of Draft Regulatory Legal Acts and the Results of Their Public Discussion". Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 36. Article 4902.

9. Editorial Article. The Lawyer's Monopoly: Time for Change. Advocate Newspaper. 2025. August 20. No. 16. P. 1 – 2.
10. Rybakov O. Yu. Hybrid Legitimization of Law in the Context of Digitalization. Lex Russica. 2025. No. 3. P. 62 – 71.
11. Federal Law of July 21, 2014 No. 212-FZ "On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 30 (Part I). Art. 4213.
12. Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. Results of a Survey of the Bar Community on the Reform of Judicial Representation. Moscow, 2025. 45 p.
13. Frolova E.A. Digital Transformation of Lawmaking: Challenges and Prospects. Journal of Russian Law. 2025. No. 4. P. 42 – 56.
14. Habermas J. Involving the Other: Essays on Political Theory. Moscow: Nauka, 2001. 417 p.

Информация об авторе

Салманова А.К., кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

© Салманова А.К., 2026

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник уголовного права: проблема восполнения пробелов и границы судебного нормотворчества

¹ Серeda С.П.,

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: в представленной статье исследуется феномен правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ) в контексте их влияния на уголовное право. Актуальность темы обусловлена дискуссией о пределах судебного нормотворчества и роли КС РФ в восполнении пробелов в уголовном законодательстве. Цель исследования – определить место правовых позиций КС РФ в системе источников уголовного права, выявить границы их нормотворческого потенциала и оценить эффективность различных способов воздействия КС РФ на уголовно-правовую материю (негативное нормотворчество, интерпретация и др.). В статье представлена статистика соотношения решений о признании норм соответствующими и не соответствующими Конституции РФ, рассмотрена эволюция подходов КС РФ. Автор приходит к выводу, что правовые позиции КС РФ de facto обладают свойствами источника права, однако их нормотворческая природа требует легитимации через соблюдение принципов определенности и разделения властей. Выявлена тенденция к использованию конституционно-правового истолкования вместо прямого признания норм недействующими. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательной техники и разграничению полномочий КС РФ и Верховного Суда РФ в сфере конкретизации уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: Конституционный Суд РФ, правовые позиции, источник права, конституционализация уголовного права, судебное нормотворчество, принцип правовой определенности, границы судебного усмотрения

Для цитирования: Серeda С.П. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник уголовного права: проблема восполнения пробелов и границы судебного нормотворчества // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 102 – 107. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-102-107

Поступила в редакцию: 19 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of criminal law: the problem of filling gaps and the boundaries of judicial rulemaking

¹ Sereda S.P.,

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the presented article examines the phenomenon of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation (hereinafter CC RF) in the context of their influence on criminal law. The relevance of the topic is due to the discussion about the limits of judicial rulemaking and the role of the Constitutional Court of the Russian Federation in filling gaps in criminal legislation. The purpose of the study is to determine the place of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the system of sources of criminal law, to identify the boundaries of their rule-making potential and to evaluate the effectiveness of various ways of influenc-

ing the Constitutional Court of the Russian Federation on criminal law (negative rulemaking, interpretation, etc.). The article presents statistics on the ratio of decisions on recognizing norms as appropriate and inconsistent with the Constitution of the Russian Federation, and examines the evolution of approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation. The author concludes that the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation de facto have the properties of a source of law, but their rule-making nature requires legitimation through respect for the principles of certainty and separation of powers. The tendency to use constitutional and legal interpretation instead of direct recognition of norms as invalid is revealed. Proposals have been formulated to improve legislative techniques and delineate the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation in the field of specifying criminal law norms.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, legal positions, source of law, constitutionalization of criminal law, judicial rulemaking, principle of legal certainty, limits of judicial discretion

For citation: Sereda S.P. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a source of criminal law the problem of filling gaps and the boundaries of judicial rulemaking:.. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 102 – 107. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-102-107

The article was submitted: January 19, 2025; Approved after reviewing: March 16, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Проблема источников права в современной российской юриспруденции остается одной из наиболее дискуссионных. Особую остроту она приобретает в связи с деятельностью органов судебной власти, чьи акты и правовые позиции оказывают существенное влияние на содержание и применение законодательства. В центре этой дискуссии находится КС РФ, чьи решения, будучи формально актами правосудия, по своему содержанию и последствиям часто выходят за рамки простого применения права, вторгаясь в сферу правотворчества.

Наиболее ярко нормотворческий потенциал решений КС РФ проявляется при их воздействии на уголовное право – отрасль, где требования правовой определенности имеют особое, конституционное значение [1, с. 119]. Как верно отмечает А. Алаторцев, уголовный закон – это «крайнее средство», и любая его неопределенность ведет к произволу [1, с. 119]. Однако практика КС РФ демонстрирует множество случаев, когда КС РФ не просто отменяет неконституционные нормы, но и формулирует их конституционно-правовой смысл, фактически создавая новое правило поведения, либо указывает законодателю на необходимость выполнения пробелов, задавая параметры будущего регулирования.

Цель настоящей статьи – комплексный анализ роли правовых позиций КС РФ как источника уголовного права и определение допустимых границ судебного нормотворчества в этой сфере.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу исследования составили научные работы, посвященные анализу решений КС РФ в уголовно-правовой сфере. Эмпирическую базу исследования составили тексты постановлений КС РФ, вынесенных в период с 2006 по 2025 год, которые касались проверки конституционности положений Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ).

Методологическую основу работы составили как общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), так и частнонаучные методы юридического познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод статистического анализа и метод интерпретации.

Результаты и обсуждения

Анализ постановлений КС РФ позволяет сделать ряд предварительных выводов о динамике и направленности конституционного правосудия в уголовно-правовой сфере. Во-первых, обращает на себя внимание относительно высокий процент решений, которыми нормы УК РФ признаются не соответствующими Конституции РФ (65% от общего числа проанализированных дел). Это может свидетельствовать о существенных дефектах законодательной техники, приводящих к нарушению конституционных прав граждан. Среди наиболее частых оснований для признания неконституционности – нарушение принципа правовой определенности. Классическим примером здесь является Постановление № 8-П от 27 мая 2008 года по делу М.А. Асламазян, где КС РФ, восприняв европейский критерий «предвидимости», указал, что преступление и его последствия должны быть определены в законе так, чтобы каждый мог предвидеть последствия своих действий [1, с. 125]. Впоследствии этот подход был развит в Постановлении № 15-П от 13 июля 2010 года

по делам о контрабанде, где КС РФ признал неконституционным использование рыночной стоимости товара на территории РФ вместо его таможенной стоимости для целей определения размера контрабанды, поскольку это порождало неопределенность.

Во-вторых, среди дел, где нормы были признаны соответствующими Конституции РФ (35%), значительную часть составляют постановления, в которых КС РФ выявляет конституционно-правовой смысл нормы. По сути, это «мягкая» форма нормотворчества. КС РФ не отменяет норму, но указывает, что она подлежит применению только в определенном, конституционно-валидном значении. Яркими примерами являются Постановления № 38-П/2020 от 22 июля 2020 г. и № 5-П от 4 марта 2021 г. по делам о мошенничестве с налоговыми вычетами [8, 6]. В этих решениях КС РФ, признав ст. 159 УК РФ соответствующей Конституции РФ, фактически создал новое правило: необоснованное обращение за налоговым вычетом не образует состава мошенничества, если налогоплательщик представил достоверные документы, а ошибка допущена налоговым органом [9, с. 335; 11; 12]. Этот подход получил название «терапевтических средств» (по выражению Е.В. Тарибо), позволяющих корректировать правоприменение без хирургического вмешательства в текст закона [2, с. 32-33].

В-третьих, динамика дел показывает, что КС РФ все чаще сталкивается с межотраслевыми коллизиями, где пробелы возникают на стыке уголовного и иных отраслей права. Это подтверждают Постановления № 17-П от 25 апреля 2018 г. (ст. 264 УК РФ и проблема установления опьянения у скрывшегося водителя), № 22-П от 16 июля 2015 г. (ст. 226.1 УК РФ и отсутствие правил ввоза лекарств, содержащих сильнодействующие вещества) и № 46-П от 17 декабря 2025 г. (коллизия между законодательством о банкротстве и уголовно-процессуальным законодательством по вопросу ареста имущества и взыскания штрафа). В таких случаях КС РФ часто не просто отменяет норму, а обязывает законодателя разработать комплексное регулирование.

В юридической литературе отсутствует единство мнений относительно юридической природы правовых позиций КС РФ. Как отмечают Л.В. Готчина и Е.Е. Новопавловская, их называют и «судебными прецедентами», и «конституционной доктриной», и «особым самостоятельным источником права» [2, с. 30]. Анализ эмпирического материала позволяет согласиться с признанием за правовыми позициями КС РФ правоустановительного значения. О.С. Гузеева убедительно доказывает, что формулируемые КС РФ правовые позиции обладают свойствами нормативности: они сохраняют значение для всех аналогичных дел, распространяются на будущие правоотношения и выступают ориентиром для правотворчества и правоприменения [3, с. 51]. Это подтверждается, например, Постановлением № 5-П от 4 марта 2021 г., где выявленный конституционно-правовой смысл ч. 1 ст. 159 УК РФ объявлен общеобязательным, исключая любое иное истолкование.

В этом контексте крайне полезной представляется теоретическая модель, предложенная М.М. Бабаевым и Ю.Е. Пудовочкиным. Они разграничивают две модели судебного толкования: модель презентации парламентского смысла (суд лишь выявляет волю законодателя) и модель презентации судебного смысла закона (суд самостоятельно формирует смысл нормы, адаптируя ее к сложным ситуациям) [10, с. 81]. Практика КС РФ, особенно в случаях выявления конституционно-правового смысла (Постановления № 38-П от 22 июля 2020 г., № 5-П от 4 марта 2021 г.), является яркой иллюстрацией второй модели. Суд не находит волю парламента, а конструирует правило, которого в тексте закона нет, исходя из высших конституционных принципов.

Исторически КС РФ начинал как «негативный законодатель», просто исключая неконституционные нормы из правовой системы. Однако современная практика демонстрирует эволюцию в сторону более сложных, «терапевтических» методов [2, с. 32-33]. Можно выделить три основные модели воздействия КС РФ на уголовное право. Первая модель - это негативное нормотворчество (дисквалификация нормы). Это классический способ, при котором норма признается неконституционной и утрачивает силу. Примерами служат Постановления № 32-П от 11 декабря 2014 г. (признание ст. 159.4 УК РФ неконституционной в части несоответствия наказания и категории преступления) и № 11-П от 8 апреля 2021 г. (признание ст. 116.1 УК РФ неконституционной в той мере, в какой она не обеспечивала защиту от побоев со стороны лиц, уже имеющих судимость). В последнем случае интересен механизм: КС РФ признал норму неконституционной, но сохранил ее действие до внесения изменений законодателем, чтобы не создавать правового вакуума. Это демонстрирует, что даже в режиме негативного нормотворчества КС РФ вынужден заниматься позитивным регулированием, определяя временные рамки действия закона.

Вторая модель – позитивное нормотворчество через интерпретацию (выявление конституционно-правового смысла). Эта модель становится доминирующей. Суд признает норму конституционной, но лишь в том истолковании, которое он дает. Фактически это означает создание новой нормы, которая может су-

щественно отличаться от буквального текста или сложившейся практики ее применения. Наиболее ярко это проявилось в делах о мошенничестве с налоговыми вычетами (Постановления № 38-П от 22 июля 2020 г., № 5-П от 4 марта 2021 г.), а также в Постановлении № 2-П от 10 февраля 2017 г. по делу И.И. Дадина. В последнем случае КС РФ признал ст. 212.1 УК РФ конституционной, но только при условии, что нарушение порядка проведения публичного мероприятия повлекло или создало реальную угрозу причинения вреда здоровью, имуществу или иным конституционно охраняемым ценностям. Этого условия в тексте закона не было. Как отмечает А.Г. Рублев, в этом решении Суд фактически «доработал» закон, установив конституционные рамки его применения [7, с. 347]. Другим примером служит Постановление № 2-П от 12 января 2023 г. по делу о краже из собственного помещения, переданного в аренду. Суд дал толкование признаку «незаконность проникновения», указав, что доступ собственника в помещение, переданное во владение другого лица, может быть ограничен, и его самовольное проникновение с целью хищения чужого имущества, находящегося в этом помещении, является незаконным и подлежит квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Тем самым КС РФ преодолел возможный пробел и создал общеобязательное правило квалификации.

Третья модель – установление временного регулирования (квазинормотворчество), когда пробел или неопределенность не могут быть устранены простым толкованием, но и немедленная отмена нормы невозможна без ущерба для правопорядка. Помимо упомянутого дела о ст. 116.1 УК РФ, примером служит Постановление № 17-П от 25 апреля 2018 г. по ст. 264 УК РФ. КС РФ признал пункт 2 примечаний к статье неконституционным, поскольку он ставил водителей, скрывшихся с места ДТП, в преимущественное положение перед теми, кто остался, но отказался от освидетельствования. Однако КС РФ не отменил норму немедленно, а установил годичный срок для внесения изменений законодателем, сохранив на этот период действующий порядок.

Анализ практики КС РФ и ее доктринальной оценки выявляет острую проблему размывания границ между толкованием и нормотворчеством. Наиболее жесткую критику в этом отношении вызывает деятельность КС РФ по легитимации репрессивных мер законодателя, особенно в сфере общеправовых последствий судимости. Так, А.С. Павлов в своих работах, анализируя решения КС РФ 2024 года, демонстрирует эту тенденцию. В Определении № 2967-О по делу Ильичева КС РФ признал конституционным пожизненный запрет на владение оружием для лиц с погашенной судимостью за тяжкое преступление (мошенничество), не связанное с насилием [5, с. 143-144]. Суд не стал оценивать соразмерность такого ограничения, сославшись на формальную презумпцию общественной опасности. В деле Валетовой (№ 1498-О) КС РФ фактически создал новую норму, допустив конфискацию автомобиля, находящегося в совместной собственности супругов, если он использовался мужем для повторного управления в нетрезвом виде [4, с. 95-96]. Аргумент о том, что жена «должна была предвидеть последствия и не допускать мужа к управлению», не имеет основания в законе и возлагает ответственность на третье лицо, не причастное к преступлению. А.С. Павлов справедливо называет это примером выхода за границы судебного нормотворчества [4, с. 96-97].

С другой стороны, критикуется и самоустранение КС РФ от восполнения явных пробелов. Тот же А.С. Павлов указывает на Определение № 2789-О по делу Закомолдина, где КС РФ отказался толковать неопределенные термины «вор в законе», «преступная иерархия», сославшись на формальные основания [4, с. 91]. Это создает ситуацию, при которой правоприменитель вынужден действовать в условиях неопределенности, что также чревато произволом.

Ключевым вопросом здесь является критерий, позволяющий отличить допустимое толкование от создания новой нормы. Представляется, что таким критерием может служить принцип непротиворечия воле законодателя и системным связям закона. Как справедливо отмечает А. Алаторцев, если практика «корректирует» волю законодателя, возникает конфликт с принципом разделения властей [1, с. 123, 129]. Конституционно-правовое истолкование допустимо тогда, когда оно выявляет смысл, уже заложенный в Конституции РФ и общих принципах права, и лишь устраняет искажения, внесенные ошибочным правоприменением или несовершенством законодательной техники. В деле Валетовой КС РФ не выявил смысл, а создал новое основание для конфискации, которого нет ни в УК РФ, ни в ГК РФ. Это явный выход за границы.

В этой связи крайне важной представляется позиция, высказанная в особом мнении судьи К.В. Арановского по делу № 32-П от 11 декабря 2014 г. о мошенничестве в сфере предпринимательства. Он подчеркивает, что законодатель, даже ошибаясь, действует в рамках своей дискреции, и исправлять ошибки – его прерогатива, а не КС РФ.

Отдельного внимания заслуживает критика, высказанная А. Алаторцевым, относительно роста числа «отказных» определений, в которых КС РФ уклоняется от глубокого анализа конституционности норм,

предпочитая давать краткие, слабо аргументированные суждения [1, с. 126-127]. Анализируя практику по ст. 213, 167, 264 УК РФ, автор показывает, что КС РФ нередко перекладывает функцию придания определенности оценочным понятиям на Верховный Суд РФ, что не всегда эффективно. Пример со ст. 167 УК РФ (значительный ущерб) и «стократной разницей» в оценке стоимости восстановления [1, с. 127] показывает, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не могут полностью заменить конституционную оценку меры определенности нормы. Правовая позиция, выраженная в определении об отказе, *de facto* становится ориентиром, но не обладает авторитетом и полнотой аргументации итогового постановления.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов и предложений. Правовые позиции КС РФ фактически являются источником уголовного права. Они обладают нормативностью, общеобязательностью и оказывают решающее влияние на формирование содержания уголовно-правовых институтов. Это особенно очевидно в форме конституционно-правового истолкования, когда КС РФ, не отменяя норму, создает обязательные правила ее применения, которые могут существенно отличаться от буквального текста.

Наблюдается эволюция роли КС РФ от «негативного законодателя» к «позитивному интерпретатору». Суд все чаще прибегает к «терапевтическим» средствам, корректируя правоприменение, а не текст закона, принимая решения в режиме подтверждения конституционности с выявлением смысла. Это позволяет более гибко реагировать на дефекты, но одновременно обостряет проблему границ судебного нормотворчества. Границы допустимого нормотворчества размыты и часто нарушаются. Анализ новейшей практики показывает, что КС РФ иногда выходит за пределы толкования, создавая новые, не предусмотренные законом основания для ограничения прав. Критерием допустимости должно служить соответствие интерпретации системным связям закона и действительной воле законодателя, а не конструирование новых правил на основе общих предположений об общественной опасности.

Существует проблема «конституционализации через отказы». Практика разрешения сложных вопросов определенности уголовного закона в «отказных» определениях снижает качество судейского права, создаваемого КС РФ. Это порождает фрагментарные и слабо аргументированные позиции. По нашему мнению, необходимо повысить качество законодательной техники, исключая намеренное делегирование полномочий по конкретизации норм высшим судам. Следует активнее использовать механизм предварительного конституционного контроля, чтобы выявлять дефекты проектов законов до их принятия, не возлагая эту функцию на КС РФ *post factum*. Требуется системное регулирование в смежных областях, чтобы избежать межотраслевых коллизий, вынуждающих КС РФ заниматься квазинормотворчеством.

Конституционному Суду РФ необходимо более четко обосновывать критерии, по которым толкование переходит в создание новой нормы. При выявлении конституционно-правового смысла необходимо демонстрировать, что этот смысл объективно заложен в Конституции РФ и общих принципах права, а не является продуктом судейского усмотрения. Следует минимизировать практику формирования развернутых правовых позиций в определениях об отказе, передавая такие вопросы на рассмотрение в итоговых постановлениях.

Верховному Суду РФ и законодателю требуется обеспечить четкое разграничение функций по конкретизации уголовно-правовых норм. Если речь идет о разъяснении оценочных понятий в рамках сложившейся практики, то это прерогатива Пленума Верховного Суда РФ. Если же требуется принципиальная конституционная оценка меры определенности нормы и установление конституционных рамок ее толкования – это исключительная компетенция КС РФ.

Список источников

1. Алаторцев А. Проблема определенности уголовного закона в решениях Конституционного Суда России и Федерального конституционного суда Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1 (116). С. 118 – 133.
2. Готчина Л.В., Новопавловская Е.Е. Конституционный Суд Российской Федерации в механизме преодоления пробелов и коллизий уголовного законодательства // Вестник Российской правовой академии. 2022. № 2. С. 29 – 34.
3. Гузеева О.С. Конституционализация уголовного права: проблема определения объекта и субъекта правового процесса // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 41 – 54.
4. Павлов А.С. Правовые последствия судимости: парадоксы конституционного толкования // Сибирский юридический вестник. 2025. № 3 (106). С. 89 – 96.

5. Павлов А.С. Общеправовые последствия судимости в решениях Конституционного Суда России // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15. № 3. С. 135 – 152.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.2021 № 5-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Калугарова» // Собрание законодательства РФ. 15.03.2021. № 11. Ст. 1882.

7. Рублев А.Г. Специфика толкования Конституционным Судом РФ уголовного закона // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией. Симферополь, 2024. С. 344 – 352.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2020 № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова» // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31. (часть II). ст. 5252.

9. Пашченко Е.В., Шульга А.В. Толкование уголовного закона Конституционным Судом Российской Федерации // Эпомен. 2021. № 56. С. 333 – 340.

10. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Судебное толкование уголовного закона: вопросы теории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (96). С. 78 – 89.

References

1. Alatorsev A. The Problem of Certainty of Criminal Law in the Decisions of the Constitutional Court of Russia and the Federal Constitutional Court of Germany. Comparative Constitutional Review. 2017. No. 1 (116). P. 118 – 133.

2. Gotchina L.V., Novopavlovskaya E.E. The Constitutional Court of the Russian Federation in the Mechanism for Overcoming Gaps and Conflicts in Criminal Legislation. Bulletin of the Russian Law Academy. 2022. No. 2. P. 29 – 34.

3. Guzeeva O.S. Constitutionalization of Criminal Law: The Problem of Defining the Object and Subject of the Legal Process. Bulletin of Tomsk State University. Law. 2022. No. 43. P. 41 – 54.

4. Pavlov A.S. Legal Consequences of a Criminal Record: Paradoxes of Constitutional Interpretation. Siberian Legal Bulletin. 2025. No. 3 (106). P. 89 – 96.

5. Pavlov A.S. General Legal Consequences of a Criminal Record in Decisions of the Constitutional Court of Russia. Bulletin of the Southwestern State University. Series: History and Law. 2025. Vol. 15. No. 3. P. 135 – 152.

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.03.2021 No. 5-P "On the Case of Verifying the Constitutional Validity of Part One of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen V.V. Kalugarov". Collected Legislation of the Russian Federation. 15.03.2021. No. 11. Article 1882.

7. Rublev A.G. The specifics of the interpretation of criminal law by the Constitutional Court of the Russian Federation. Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions: Collection of articles based on the results of the II International scientific and practical conference dedicated to the celebration of the 10th anniversary of the reunification of Crimea with the Russian Federation. Simferopol, 2024. P. 344 – 352.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 22, 2020 No. 38-P "On the case of verifying the constitutionality of Part Three of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen M.A. Litvinov". Collected Legislation of the Russian Federation. August 3, 2020. No. 31. (Part II). Art. 5252.

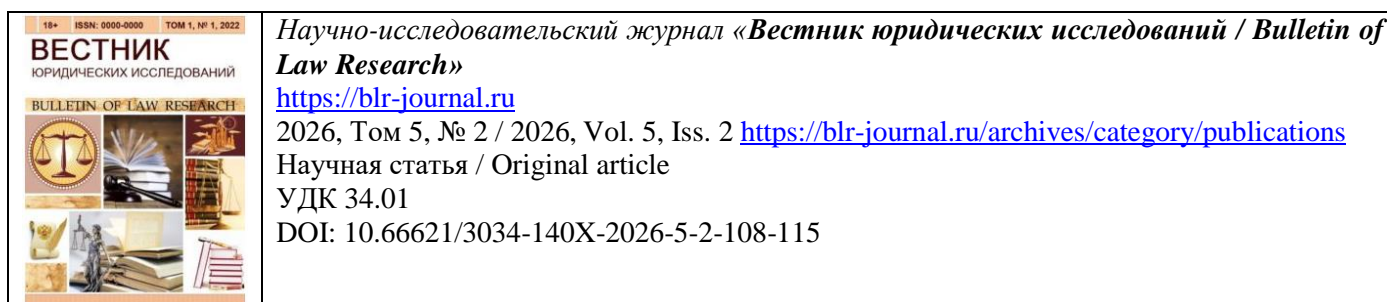
9. Pashchenko E.V., Shulga A.V. Interpretation of the criminal law by the Constitutional Court of the Russian Federation. Epomen. 2021. No. 56. P. 333 – 340.

10. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Judicial Interpretation of Criminal Law: Theoretical Issues. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4 (96). P. 78 – 89.

Информация об авторе

Середа С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Середа С.П., 2026

Правовое регулирование содержания осужденных в России по военно-тюремной реформе 1913 г.

¹ Тушканов И.В., ¹ Фатальникова Е.В.,

¹ Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева, Северо-Кавказский филиал

Аннотация: проведенные в конце XIX в. изменения в пенитенциарной системе Российской Империи, а также военные реформы 1905-1912 гг. вызвали необходимость проведение военно-тюремной реформы, которая и начала осуществляться в 1913 г.

Целью настоящего исследования является рассмотрение правовой регламентации содержания осужденных в военно-тюремных учреждениях и дисциплинарных частях с 1913 г. Для достижения поставленной цели были проанализированы Временное Положение о военно-тюремных заведениях 1913 г., а также работы современных ученых.

При подготовке статьи применялись диалектический, историко-генетический, системный и сравнительно-правовой методы.

В результате проведенного исследования сделан вывод, что к военным пенитенциарным учреждениям относились военные тюрьмы (тюремные отделения) и дисциплинарные воинские части (батальоны, роты и команды). Как военнотружущие, они продолжали пользоваться всеми видами довольствия (вещевое, продовольственное), а в случае болезни – медикаментами и врачебной помощью, по нормам, принятым в обычных воинских частях. Временное Положение 1913 г. регламентировало виды занятий и работ осужденных, устанавливая в качестве выходных воскресные и праздничные дни, а также санитарно-гигиенические правила и порядок свиданий и переписок с родственниками и знакомыми. В целом, режим содержания осужденных в военно-тюремных учреждениях был достаточно гуманным и обеспечивал процесс исправления большинства заключенных. Опыт правового регулирования содержания осужденных в военно-тюремных заведениях в начале XX в. частично может быть использован в нормотворческой деятельности в современной России.

Ключевые слова: военно-тюремная реформа, военные тюрьмы, Временное Положение о военно-тюремных заведениях 1913 г., дисциплинарные части, начало XX в., осужденные, пенитенциарная система, Российская Империя

Для цитирования: Тушканов И.В., Фатальникова Е.В. Правовое регулирование содержания осужденных в России по военно-тюремной реформе 1913 г. // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 108 – 115. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-108-115

Поступила в редакцию: 20 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

Legal regulation of the detention of convicts in Russia under the military prison reform of 1913

¹ Tushkanov I.V., ¹ Fatalnikova E.V.,

¹ Lebedev Russian State University of Justice, North Caucasus Branch

Abstract: the changes in the penitentiary system of the Russian Empire carried out at the end of the 19th century, as well as the military reforms of 1905 – 1912, necessitated a military prison reform, which began in 1913.

The purpose of this study is to examine the legal regulation of the detention of convicts in military prisons and disciplinary units since 1913. To achieve this goal, the Provisional Regulations on Military Prisons of 1913, as well as the work of modern scientists, were analyzed.

Dialectical, historical-genetic, systemic and comparative legal methods were used in the preparation of the article.

As a result of the conducted research, it was concluded that military penitentiary institutions included military prisons (prison departments) and disciplinary military units (battalions, companies and teams). As military personnel, they continued to enjoy all types of allowances (clothing, food), and in case of illness, medicines and medical care, according to the norms adopted in ordinary military units. The provisional situation of 1913 It regulated the types of occupations and work of convicts, establishing Sundays and holidays as days off, as well as sanitary and hygienic rules and procedures for visits and correspondence with relatives and acquaintances. In general, the regime of detention of convicts in military prisons was quite humane and ensured the process of correcting the majority of prisoners. The experience of legal regulation of the detention of convicts in military prisons at the beginning of the 20th century can partially be used in standard-setting activities in modern Russia.

Keywords: military prison reform, military prisons, Provisional Regulations on Military Prison Institutions of 1913, disciplinary units, early 20th century, convicts, penitentiary system, Russian Empire

For citation: Tushkanov I.V., Fatalnikova E.V. Legal regulation of the detention of convicts in russia under the military prison reform of 1913. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 108 – 115. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-108-115

The article was submitted: January 20, 2025; Approved after reviewing: March 17, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Исследование исторического опыта правового регулирования содержания лиц, осужденных к лишению свободы, продолжает сохранять свою актуальность. Связано это с тем, что, как справедливо указывают С.М. Дударенок и К.К. Кораблин, «сегодня предпринимаются серьезные усилия по совершенствованию механизма организации исполнения наказания в виде лишения свободы» [1, с. 23]. Естественно, что успешное реформирование той или иной стороны пенитенциарной системы возможно только при учете опыта предшествующих преобразований и использовании их положительных результатов.

Вопросы, связанные с порядком содержания заключенных и организации тюремного дела в России нередко поднимались в научных исследованиях. Среди них можно выделить, монографии М.Н. Гернета[2], А.П. Печникова [3, 4] (общая характеристика развития системы исполнения наказаний в дореволюционной России); статьи В.И. Алексеева [5], И.В. Валовой [6], Н.Г. Зеленина [7], О.Г. Ковалева [8], Г.В. Курбатовой [9], Т.В. Пикиной [10], Л.Е. Прихожей [11, 12, 13], Р.В. Савонова [14], В.В. Федорова [15] (различные теоретические и практические аспекты правового статуса лиц, осужденных к лишению свободы); В.Е. Бурого [16, 17, 18], С.М. Дударенок [1], К.К. Кораблина[19, 20, 21, 22, 23, 24], И.В. Михеевой [25] (историко-правовой анализ тюремной системы Российской Империи) и других ученых. Однако, развитие военно-тюремных учреждений дореволюционной России, в том числе военно-тюремная реформа 1913 года, остаются малоизученными темами. Представленная статья фактически является первым исследованием по данной реформе, опыт правового регулирования которой может быть использован в нормотворчестве современной России.

Материалы и методы исследований

Объектом настоящего исследования являются правоотношения, связанные с порядком содержания осужденных в военных тюрьмах и дисциплинарных воинских частях в Российской Империи в начале XX в. Предметом выступает Временное Положение о военно-тюремных заведениях 1913 года [26] как основной

нормативный акт военно-судебной реформы. Использование диалектического, историко-генетического, системного и сравнительно-правового методов на основе принципов историзма и объективности позволило провести объективный анализ указанного Временного Положения и достичь цели исследования.

Результаты и обсуждения

Военно-тюремная реформа 1913 г. стала продолжением, с одной стороны, тюремной реформы 1879 г., которая обеспечила, как обоснованно отмечают И.В. Михеева и К.К. Кораблин, «окончательное законодательное урегулирование, организационно-управленческое и достаточное материально-техническое обеспечение» [25, с. 345] пенитенциарной системы страны, а с другой стороны, военных реформ 1905-1912 годов [27], значительно поднявших уровень боеготовности российской армии.

15 октября 1913 г. Император Николай II утвердил принятое Военным советом положение «О военно-тюремной реформе» [28] в соответствии с которым было утверждено и сразу же введено в действие Временное Положение о военно-тюремных заведениях «впредь до окончательного переустройства сих заведений». В соответствии с ним вводились военно-тюремные заведения двух типов: первого – дисциплинарные батальоны, роты и команды, и второго – военные тюрьмы и тюремные отделения [26. ст. 1], для содержания в них осужденных нижних воинских чинов (в пехоте, например, от рядового до фельдфебеля).

Нижние чины, осужденные к заключению в военной тюрьме, отправлялись в места заключения по распоряжению своего непосредственного начальства, но, «порядком, установленным для пересылки арестантов» [26. ст. 140], что снижало возможность побега. При этом, осужденные препровождались полностью снабженные всеми готовыми вещами, постельными принадлежностями и мундирной одеждой, а в холодное время года – «теплыми вещами, согласно постановлениям об интендантском вещевом довольствии» [26. ст. 141]. Следовательно, осужденные сохраняли все имущественные права военнослужащего, за исключением того, что их собственные деньги и вещи, хранились «в полках и командах до освобождения сих чинов из заключения» [26. ст. 142]. Надо признать, что это вполне естественно, и отвечает современным представлениям о хранении личного имущества осужденных.

Каждый осужденный, поступивший в дисциплинарную часть или тюрьму, вписывался «по порядку поступления в особую книгу сведений о заключенных, в отдельную ее страницу» [26. ст. 39]. Аналогичный порядок действовал и для осужденных к заключению в тюремном заведении, которые зачислялись «в списки заведения немедленно по доставлении, и с этого времени считался им срок заключения» [26. ст. 145]. В особую книгу вносились основные сведения, а также «время проведенное, по болезни во время заключения, в госпитале или в лазарете, и день исключения из списков заключенных» [26. ст. 146]. Также, осужденные осматривались врачом, который в особой книге указывал состояние здоровья каждого [26. ст. 147]. Таким образом, руководство пенитенциарного учреждения имело всю необходимую информацию для первичной оценки осужденного.

Осужденные разделялись на три разряда: «худших по поведению, испытываемых и исправляющихся» [26. ст. 40], и содержались в отдельных для каждого разряда помещениях. Следует обратить внимание, что название первого разряда подчеркивало, что относящиеся к нему, не плохие люди вообще, а «худшие», именно по своему поведению, и, следовательно, имели возможность исправиться. В военных тюрьмах, осужденные должны были содержаться «в одиночном заключении, исключая времени, употребляемого для физических упражнений и для исполнения хозяйственных работ» [26. ст. 151]. Наличие отдельных помещений для каждого разряда осужденных являлось вполне современным требованием.

Вполне справедливым было правило, что вновь прибывавшие в дисциплинарные части осужденные нижние чины зачислялись в разряд испытываемых, в котором пребывали не менее половины определенного им судебным приговором срока заключения, после чего могли быть удостоены перевода в разряд исправляющихся [26. ст. 42]. Разряд худших по поведению составляли либо нижние чины, «досрочно освобожденные из дисциплинарной части, но вновь возвращенные в таковую распоряжением строевого начальства»; «отбывавшие ранее назначенное по суду наказание, превышающее дисциплинарное взыскание», а также «заключенные, состоявшие в других разрядах, но переведенные за неодобрительное поведение» [26. ст. 43, 44]. Вполне очевидно, что выделение разряда худших по поведению, преследовало, прежде всего, воспитательные и дисциплинарные цели.

В разряд исправляющихся переводили осужденных из разряда испытываемых «за хорошее поведение и усердие в работах» [26. ст. 46]. При этом, осужденные из этого разряда, могли быть условно досрочно освобождены из дисциплинарной части по истечении «не менее трех четвертей определенного им судебным приговором срока наказания» [26. ст. 47]. Важной привилегией разряда исправляющихся, было то, что осужденные, с разрешения начальника дисциплинарной части, могли получать увольнительные, «без кон-

воля, как для исполнения поручений начальства, так и по собственной их надобности» [26. ст. 48]. Исходя из этого, адекватные осужденные должны были стремиться попасть в указанный разряд, что, несомненно способствовало их воспитанию.

В дисциплинарных частях продолжительность различных занятий осужденных, не считая времени, необходимого для выполнения ими различных ежедневно необходимых хозяйственных работ, не должна была превышать: «для состоящих в разряде худших по поведению – 11 часов, из коих должны быть заняты работами не более 9 часов; для разряда испытуемых – 10 часов, из коих работами должны быть заняты не более 7 часов, и для разряда исправляющихся – 9 часов, из которых работами должны быть заняты не более 3 часов» [26. Ст. 49]. Причем, начальник дисциплинарной части был обязан уже к 1 декабря каждого года представлять составленное им расписание занятий осужденных на следующий год на утверждение заведующего военно-тюремными заведениями в данном военном округе. Таким образом, распределение времени между работой и занятиями в разных разрядах, подчеркивало важность усердия и дисциплинированности осужденных для получения соответствующих привилегий.

Осужденные, находившиеся, как в дисциплинарных частях, так и в военных тюрьмах, в воскресные и праздничные дни и накануне их выводились в церковь, для слушания богослужения [26. ст. 52, 152]. По окончании богослужения, с заключенными проводились священником духовно-нравственные беседы и чтения. При этом с осужденными из разряда худших по поведению такие беседы и чтения могли проходить и в другие дни, но во всяком случае «отдельно от заключенных других разрядов» [26. ст. 56]. Надо иметь в виду, что «лица не христианского исповедания» освобождались от занятий в дни, празднование которых установлено их религией [26. ст. 67. Примечание]. Данные нормы Временного Положения обеспечивали возможность религиозно-нравственного воспитания осужденных, как православных христиан, так и представителей других конфессий.

Также одинаковыми для военных тюрем и дисциплинарных частей были правила питания на общеустановленных для войск основаниях [26. ст. 64] и соблюдения санитарно-гигиенических норм. Осужденные направлялись в баню два раза в месяц; меняли белье раз в неделю, а летнюю одежду – два раза в месяц [26. ст. 55, 154]. Следует признать, что данные правила вполне соответствовали общепризнанным в то время требованиям к режиму пенитенциарных учреждений.

В военных тюрьмах свидания с родными и знакомыми осужденных были запрещены, а переписка с ними позволялась «не иначе, как с разрешения и под контролем тюремного начальства» [26. ст. 156]. В дисциплинарных частях, напротив, свидания не только с родными, но и посторонними лицами могли быть разрешены начальником дисциплинарной части «заключенным разряда худших по поведению не чаще одного раза в месяц, а прочим – по воскресным и праздничным дням» [26. ст. 58]. Естественно, что у осужденных, отбывающих наказание в военных тюрьмах, было значительно меньше возможностей на сношения с внешним миром по сравнению с лицами, находившимися в дисциплинарных частях.

В военных тюрьмах осужденные ежедневно должны были заниматься, «в гигиенических видах, маршировкой и гимнастическими упражнениями» [26. ст. 161], а также хозяйственными работами внутри тюремной ограды. В дисциплинарных частях, помимо этого, проходило обучение строю, гимнастике, фехтованию и стрельбе, и «Закону Божию, грамотности и сведениям, обязательным для каждого рядового» [26. ст. 66]. В свободное время заключенные военных тюрем могли заниматься «мастерскими работами и чтением учебных и духовно-нравственных книг в своих камерах» [26. ст. 162]. При этом к «мастерским работам» относились такие занятия, которые могли быть с удобством «производимы в камерах, а также безвредные для здоровья заключенных, совершенно безопасные и не требующие большого числа инструментов», например шитье сапог, белья, платья и т.п. [26. ст. 163]. В дисциплинарных частях понятие «мастерских работ» было шире и включало «различного рода производства, возможные по местным условиям» за исключением работ вредных для здоровья осужденных и опасных [26. ст. 69]. К хозяйственным работам относились все работы необходимые для обслуживания потребностей самой дисциплинарной части [26. ст. 73], например, уборка территории. Таким образом, чередование различных видов работ и занятий обеспечивало полную занятость осужденных в течение дня, но при этом нагрузка была вполне стандартной для военнослужащих.

В случае тяжелой болезни, осужденные помещались в ближайший госпиталь и лечились «на общем основании с нижними чинами войск», при более легкой болезни, «не требующей госпитального лечения», они получали помощь врача в своих камерах [26. ст. 174]. При этом больные осужденные пользовались всем довольствием (пищей, медикаментами и пр.) «на тех же основаниях, как и в войсках» [26. ст. 87]. Следовательно, условия содержания осужденных, как вполне справедливо отмечает В.Е. Бурый, «были достаточно лояльные, в т.ч. и в условиях тюремного режима, что свидетельствует о гуманном отношении в тот

период как общества (в целом), так и законодателей (в частности) к оступившимся гражданам государства» [17, с. 259]. Сказанное в полной мере относится и к осужденным нижним чинам, отбывающим наказание в военных тюрьмах или в дисциплинарных частях.

Выводы

Анализ правового регулирования содержания осужденных по военно-тюремной реформе 1913 г. позволяет сделать ряд выводов. Временное Положение о военно-тюремных заведениях от 15 октября 1913 г., подготовленное Военным министерством являлось достаточно продуманным нормативным актом. К военным пенитенциарным учреждениям относились военные тюрьмы (тюремные отделения) и дисциплинарные воинские части (батальоны, роты и команды). Осужденные, по прибытии в соответствующее пенитенциарное учреждение записывались в специальные книги и распределялись по камерам или по разрядам. Как военнослужащие, они продолжали пользоваться всеми видами довольствия (вещевое, продовольственное), а в случае болезни – медикаментами и врачебной помощью, по нормам, принятым в обычных воинских частях. Отбывающие наказание в дисциплинарных частях, после истечения половины установленного срока, могли быть переведены в разряд исправляющихся и получать соответствующие привилегии, включая возможность условного досрочного освобождения. Временное Положение 1913 г. регламентировало виды занятий и работ осужденных, устанавливая в качестве выходных воскресные и праздничные дни, а также санитарно-гигиенические правила и порядок свиданий и переписок с родственниками и знакомыми. В целом, опыт правового регулирования содержания осужденных в военно-тюремных заведениях в начале XX в. частично может быть использован в нормотворческой деятельности в современной России.

Список источников

1. Дударенок С.М., Кораблин К.К. Тюремное заключение как способ наказания преступников в дореволюционной России (исторический обзор) // Основные тенденции государственного и общественного развития: история и современность. 2017. № 1. С. 22 – 32.
2. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. 5-е изд., переработанное и дополненное. М.: Издательство Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции СССР, 1961. 848 с.
3. Печников А.П. Главное тюремное управление Российского государства (1879 г. – октябрь 1917 г.): монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2001. 212 с.
4. Печников А.П. Тюремные учреждения российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М.: Изд-во «Щит-М», 2004. 325 с.
5. Алексеев В.И. Содержание нравственного и правового воздействия на осужденных (1879 – 1917 гг.) // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 6. С. 39 – 42.
6. Валова И.В. Раздельное содержание заключенных в исправительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 9. С. 27 – 30.
7. Зеленин Н.Г. Формы и методы работы по обеспечению раздельного содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия. Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. С. 189 – 191.
8. Ковалев О.Г. Право осужденных на компенсацию причиненного ущерба вследствие нарушения условий содержания в исправительном учреждении // Российский научный вестник. 2025. № 6. С. 263 – 268.
9. Курбатова Г.В. Субъективные права осужденных // Научный аспект. 2024. Т. 8. № 7. С. 918 – 925.
10. Пикина Т.В. Правовое положение лиц, осужденных к лишению свободы: проблема содержания // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 3 (20). С. 52 – 55.
11. Прихожая Л.Е. Проблемы раздельного содержания осужденных в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 1. С. 22 – 25.
12. Прихожая Л.Е. Раздельное содержание различных категорий осужденных в местах лишения свободы: сравнительный анализ опыта зарубежных стран и России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 2 (213). С. 24 – 31.
13. Прихожая Л.Е. К вопросу о критериях раздельного содержания осужденных к лишению свободы: научный анализ // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2021. № 2 (8). С. 44 – 59.
14. Савонов Р.В. Тюрьма как вид исправительного учреждения и особенности режимов содержания в ней осужденных // Закон. Право. Государство. 2020. № 4-1 (28). С. 316 – 321.

15. Федоров В.В. Проблемы содержания заключенных отрицательной направленности в исправительных учреждениях // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара: СЮИ ФСИН России, 2015. С. 210 – 213.

16. Бурый В.Е. Порядок и условия содержания заключенных под стражу (осужденных) на территории белорусских земель в дореволюционный период // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции: сборник научных трудов. Вып. 10. Минск: Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, 2017. С. 183 – 191.

17. Бурый В.Е. Некоторые аспекты юридических и организационных основ содержания осужденных к лишению свободы на территории белорусских земель до 1917 года // Эволюция государства и права: история и современность. Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. С. 255 – 259.

18. Бурый В.Е. Система мест лишения свободы в белорусских губерниях западного края Российской империи на рубеже XIX – XX веков // Человек: преступление и наказание. 2024. Т. 32 (1-4). № 4. С. 519 – 529.

19. Кораблин К.К. Тюремная реформа в России во второй половине XIX – начале XX века (совершенствование системы административного управления и организации деятельности пенитенциарных учреждений в условиях социально-экономической и политической модернизации общества) // Юридический мир. 2009. № 8 (152). С. 54 – 57.

20. Кораблин К.К. Координация усилий России и европейских государств по реформированию системы исполнения наказаний в виде лишения свободы (вторая половина XIX – начало XX века) // Успехи современной науки. 2016. Том 10. № 12. С. 12 – 17.

21. Кораблин К.К. Историко-правовой анализ эволюции наказания в виде тюремного заключения в отечественном законодательстве (середина XVI – начало XX века) // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2 (141). С. 143 – 147.

22. Кораблин К.К. Правовое регулирование условий содержания осужденных в тюрьмах Российской Империи // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Тверь: ФКУ «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», 2021. С. 95 – 99.

23. Кораблин К.К. Эволюция уголовно-исполнительного законодательства и формирования комплексной системы исполнения наказаний в виде лишения свободы в дореволюционной России // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 153 – 156.

24. Кораблин К.К. Тюремное заключение и режим содержания осужденных в местах лишения свободы дореволюционной России: историко-правовое исследование // Образование и право. 2025. № 4. С. 746 – 751.

25. Михеева И.В., Кораблин К.К. Причины, основные направления и итоги тюремных преобразований в России (конец XIX – начало XX века) // Актуальные проблемы современного права. Сборник научных трудов. Вып. 1. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2016. С. 330 – 347.

26. Временное Положение о военно-тюремных заведениях 15 октября 1913 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. 33. (1913 г.). Часть 1. № 40446. https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата обращения 26 марта 2026 г.

27. Кавтарадзе А.Г. Военные реформы 1905 – 1912 гг. // Отечественная история: энциклопедия. В 5 т. Т. 1. А – Д / Редкол.: В.Л. Янин (гл. ред.) и др. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 431.

28. Высочайше утвержденное положение Военного Совета «О военно-тюремной реформе» 15 октября 1913 г. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание Третье. Т. 33. (1913 г.). Часть 1. № 40446. // https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Дата обращения 26 марта 2026 г.

References

1. Dudarenok S.M., Korablin, K.K. Imprisonment as a way of punishing criminals in pre-revolutionary Russia (historical review). Main trends of state and social development: history and modernity. 2017. No. 1. P. 22 – 32.
2. Gernet M.N. The history of the Tsar's prison. 5th ed., revised and supplemented. Moscow: Publishing House of the All-Union Institute of Legal Sciences of the Ministry of Justice of the USSR, 1961. 848 p.
3. Pechnikov A.P. The Main Prison Administration of the Russian State (1879 – October 1917): monograph. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 212 p.

4. Pechnikov A.P. Prison institutions of the Russian state (1649 – October 1917): A historical chronicle. Moscow: Publishing house "Shield-M", 2004. 325 p.
5. Alekseev V.I. The content of moral and legal impact on convicts (1879-1917). Penal enforcement system: law, economics, management. 2009. No. 6. P. 39 – 42.
6. Valova I.V. Separate detention of prisoners in correctional institutions. Bulletin of the penal enforcement system. 2015. No. 9. P. 27 – 30.
7. Zelenin N.G. Forms and methods of work to ensure the separation of suspects, accused and convicted persons. Penitentiary system and society: experience of interaction. Collection of materials of the XI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 145th anniversary of the penal system of the Russian Federation. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 2024. P. 189 – 191.
8. Kovalev O.G. The right of convicts to compensation for damage caused as a result of violation of conditions of detention in a correctional institution. Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 6. P. 263 – 268.
9. Kurbatova G.V. Subjective rights of convicts. Scientific aspect. 2024. Vol. 8. No. 7. P. 918 – 925.
10. Pikina T.V. The legal status of persons sentenced to imprisonment: the problem of detention. Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2011. No. 3 (20). P. 52 – 55.
11. Prikhozhaya L.E. Problems of separate detention of convicts in correctional institutions. Penal enforcement system: law, economics, management. 2020. No. 1. P. 22 – 25.
12. Prikhozhaya L.E. Separate detention of various categories of convicts in places of deprivation of liberty: a comparative analysis of the experience of foreign countries and Russia. Bulletin of the penal enforcement system. 2020. No. 2 (213). P. 24 – 31.
13. Prikhozhaya L.E. On the issue of criteria for the separation of prisoners sentenced to imprisonment: a scientific analysis. Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2021. No. 2 (8). P. 44 – 59.
14. Savonov R.V. Prison as a type of correctional institution and the peculiarities of the regimes of detention of convicts in it. Law. Right. States. 2020. № 4-1 (28). P. 316 – 321.
15. Fedorov V.V. Problems of detention of prisoners of a negative orientation in correctional institutions. Legal science and practice. The almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Samara: SUI of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2015. P. 210 – 213.
16. Buryi V.E. The order and conditions of detention of prisoners (convicts) on the territory of the Belarusian lands in the pre-revolutionary period. Problems of strengthening law and order: science, practice, trends: collection of scientific papers. Issue 10. Minsk: Scientific and Practical Center for Strengthening the Rule of Law and the Rule of Law of the General Prosecutor's Office of the Republic of Belarus, 2017. P. 183 – 191.
17. Buryi V.E. Some aspects of the legal and organizational foundations of the detention of persons sentenced to imprisonment on the territory of the Belarusian lands before 1917. The Evolution of the State and Law: History and modernity. Collection of scientific articles of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th anniversary of the Faculty of Law of Southwestern State University. Kursk: CJSC "University Book", 2017. P. 255 – 259.
18. Buryi V.E. The system of places of deprivation of liberty in the Belarusian provinces of the western edge of the Russian Empire at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. Man: crime and punishment. 2024. T. 32 (1-4). № 4. P. 519 – 529.
19. Korablin K.K. Prison reform in Russia in the second half of the 19th – early 20th century (improving the system of administrative management and organization of penitentiary institutions in the context of socio-economic and political modernization of society). Legal World, 2009, No. 8 (152). P. 54 – 57.
20. Korablin K.K. Coordination of efforts of Russia and European states to reform the system of execution of sentences in the form of imprisonment (the second half of the nineteenth – early twentieth century). Successes of modern science. 2016. Volume 10. No. 12. P. 12 – 17.
21. Korablin K.K. Historical and legal analysis of the evolution of punishment in the form of imprisonment in Russian legislation (mid-XVI-early XX century). Eurasian Law Journal. 2020. № 2 (141). P. 143 – 147.
22. Korablin K.K. Legal regulation of conditions of detention of convicts in prisons of the Russian Empire. Promising areas of scientific research on the history of the Russian penal system. Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference. Tver: Federal State Institution "Scientific Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service", 2021. P. 95 – 99.
23. Korablin K.K. The evolution of penal enforcement legislation and the formation of a comprehensive system for the execution of sentences in the form of imprisonment in pre-revolutionary Russia. Baltic Humanitarian Journal. 2019. Vol. 8. No. 2 (27). P. 153 – 156.

24. Korablin K.K. Imprisonment and the regime of detention of convicts in places of deprivation of liberty in pre-revolutionary Russia: a historical and legal study. *Education and Law*. 2025. № 4. P. 746 – 751.

25. Mikheeva I.V., Korablin, K.K. The causes, main directions and results of prison reforms in Russia (late XIX – early XX century). *Actual problems of modern law. Collection of scientific papers. Issue 1*. Khabarovsk: Pacific State University, 2016. P. 330 – 347.

26. The Provisional Regulations on military prisons of October 15, 1913. *The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Third Collection. Vol. 33. (1913). Part 1. No. 40446*. https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Accessed March 26, 2026.

27. A. Kavtaradze. Military reforms of 1905-1912. *National history: encyclopedia. In 5 vols. Vol. 1. A-Editorial Board*. Moscow: V. N.L. N. Yanin (chief editor) and others M. N. M.: Great Russian Encyclopedia, 1994. P. 431.

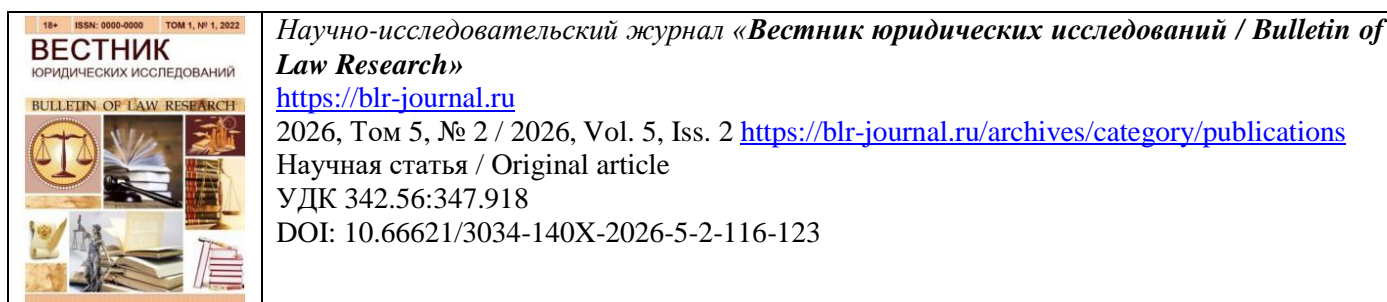
28. Highly approved regulations of the Military Council "On military prison reform" dated October 15, 1913. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The Third Collection. Vol. 33. (1913). Part 1. No. 40446*. https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php Accessed March 26, 2026.

Информация об авторах

Тушканов И.В., кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Северо-Кавказский филиал, tushkanovi@rambler.ru

Фатальникова Е.В., кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, Северо-Кавказский филиал

© Тушканов И.В., Фатальникова Е.В., 2026

**Конституционализация арбитражного судопроизводства по делам
о банкротстве: роль международных пактов о правах человека**

¹ Клепикова О.Г., ¹ Карева А.В.,

¹ Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Аннотация: в статье исследуется процесс конституционализации арбитражного судопроизводства по делам о банкротстве граждан через призму применения положений Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, которые выступают самостоятельным источником аргументации арбитражного суда, позволяя восполнять пробелы в национальном законодательстве и конкретизировать конституционные принципы. На основе анализа судебной практики 2024-2026 гг. выявлены случаи применения статей 2, 12, 14 МПГПП (право на судебную защиту, запрет дискриминации, справедливое разбирательство, принцип non bis in idem) и статей 7, 11, 12 МПЭСКП (право на справедливое вознаграждение, жилище, охрану здоровья). Особое внимание уделено проблеме имплементации положения об исключении из принципа публичности судебных постановлений в интересах несовершеннолетних в арбитражном судопроизводстве (пункт 1 статьи 14 МПГПП). Предложены способы восполнения выявленных пробелов.

Ключевые слова: конституционализация, арбитражное судопроизводство, банкротство, международные пакты о правах человека, МПГПП, МПЭСКП, судебная аргументация

Для цитирования: Клепикова О.Г., Карева А.В. Конституционализация арбитражного судопроизводства по делам о банкротстве: роль международных пактов о правах человека // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 116 – 123. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-116-123

Поступила в редакцию: 21 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

**Constitutionalization of arbitration proceedings in bankruptcy cases:
the role of the international covenants on human rights**

¹ Klepikova O.G., ¹ Kareva A.V.,

¹ Ryazan State University named after S.A. Yesenin

Abstract: the article examines the process of constitutionalization of arbitration proceedings in cases of individual bankruptcy through the application of the provisions of the International Covenant on Civil and Political Rights and the International Covenant on Economic, Social, and Cultural Rights, which serve as an independent source of argumentation for the arbitration court, allowing it to fill in gaps in national legislation and specify constitutional principles. Based on the analysis of judicial practice in 2024-2026, cases of application of Articles 2, 12, and 14 of the ICCPR (the right to judicial protection, the prohibition of discrimination, fair trial, and the principle of non bis in idem) and Articles 7, 11, and 12 of the ICESCR (the right to fair remuneration, housing, and health care) have been identified. Special attention is paid to the problem of implementing the provision on the exclusion

of the principle of publicity of court decisions in the interests of minors in arbitration proceedings (Article 14, paragraph 1, of the ICCPR). Ways to fill in the identified gaps are proposed.

Keywords: constitutionalization, arbitration proceedings, bankruptcy, International Covenants on Human Rights, ICCPR, ICESCR, judicial argumentation

For citation: Klepikova O.G., Kareva A.V. Constitutionalization of arbitration proceedings in bankruptcy cases: the role of the international covenants on human rights. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 116 – 123. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-116-123

The article was submitted: January 21, 2025; Approved after reviewing: March 18, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Процессы конституционализации российского права закономерно затронули как арбитражное судопроизводство в целом, так и институт несостоятельности (банкротства) в особенности. Как справедливо отмечается в литературе, «динамика развития общественных отношений в сфере банкротства, правовые коллизии и фундаментальные проблемы правоприменительной практики актуализируют вопрос о средствах достижения полноты конституционно-правового регулирования» [1].

Необходимость конституционализации процедур банкротства была предопределена тем, что арбитражное процессуальное законодательство формировалось без учета участия гражданина в арбитражном судебном процессе. В научных статьях уже обращалось внимание на роль арбитражного суда в контексте цивилистических принципов диспозитивности, состязательности и судебного содействия гражданам в реализации права на защиту [2], а также исследовались пути преодоления правовых пробелов посредством обращения к органу конституционного правосудия. Однако множество правовых неопределённостей в этой сфере продолжает существовать, что свидетельствует о незавершённости процесса конституционализации и актуализирует выявление способов иной аргументации, в том числе через использование норм международных стандартов.

Международные пакты о правах человека играют особую роль в процессе конституционализации арбитражного судопроизводства. Являясь в силу части 4 статьи 15 Конституции РФ частью правовой системы страны, они служат не только источником правовых норм, но и ценностным ориентиром для арбитражного суда при разрешении споров, затрагивающих конституционные права личности. Актуальность обращения к международным стандартам в делах о банкротстве, где сталкиваются частные интересы кредиторов, публичные интересы и права должника (на собственность, жилище, достойную жизнь, справедливое судебное разбирательство), усиливается в свете конституционной реформы 2020 года, уточнившей место международных договоров в правовой системе РФ (ст. 79, 125, 126 Конституции РФ), а также в условиях переориентации российской правовой системы с механизмов Совета Европы на универсальные механизмы ООН после 2022 года.

Пакты устанавливают общечеловеческие стандарты прав и свобод, которые выступают нормативным минимумом, определяющим допустимый уровень государственной регламентации прав и возможные отступления от него – в сторону превышения либо конкретизации [3].

Анализируя соотношение международных стандартов в области прав человека и российского законодательства, можно говорить об их принципиальной согласованности в части перечня и содержания прав, а также средств их защиты. При этом Конституция РФ не закрепляет права на достаточный жизненный уровень в прямой формулировке, аналогичной статье 11 МПЭСКП (хотя отдельные элементы этого права выводятся из статей 7, 25, 40 Конституции РФ). Однако арбитражные суды, разрешая вопросы об исключении имущества из конкурсной массы для обеспечения базовых потребностей должника, фактически восполняют это отступление через обращение к МПЭСКП, что соответствует постепенному характеру реализации экономических прав, предусмотренному Пактом.

Шестидесятилетие Пактов подтверждает их функцию зеркала социального прогресса и источника общечеловеческих стандартов, задающих нормативный минимум для государства и допускающих его превышение или конкретизацию.

При обращении арбитражного суда к Международным пактам о правах человека и использовании их норм важное значение приобретает вопрос о том, какое место занимает международный договор в правовой системе государства-участника. С позиции международного публичного права ответ на этот вопрос

дается через принцип *pacta sunt servanda* (статья 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года).

При этом характер обязательств по двум пактам различается: МПГПП требует немедленного уважения и обеспечения прав, тогда как МПЭСКП допускает их постепенную реализацию в пределах имеющихся ресурсов [4]. Несмотря на различия, оба пакта предполагают предоставление эффективных средств судебной защиты. Как отмечается в литературе, надлежащим способом их реализации является возможность ссылаться на положения пактов непосредственно в суде [5].

Таким образом, для арбитражного судопроизводства по делам о банкротстве граждан принципиальное значение приобретает возможность непосредственного применения положений МПГПП и МПЭСКП, а также использование их в качестве интерпретационных стандартов для восполнения пробелов в национальном процессуальном законодательстве.

Целью настоящего исследования является выявление роли международных пактов о правах человека в процессе конституционализации арбитражного судопроизводства по делам о банкротстве, а также обоснование способов восполнения правовых пробелов на примере реализации принципа гласности судопроизводства путем публикации судебных актов, затрагивающих права несовершеннолетних в делах о банкротстве.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе практики применения МПГПП и МПЭСКП арбитражными судами в обособленных спорах о банкротстве, а также в выявлении пробела в правовом регулировании публикации судебных актов, содержащих персональные данные несовершеннолетних.

Исходя из вышеизложенного, предполагается разрешить следующие задачи: проанализировать трансформацию деятельности арбитражных судов в сфере банкротства граждан; выявить практику применения положений МПГПП и МПЭСКП в обособленных спорах; определить проблемы имплементации исключения из принципа публичности в интересах несовершеннолетних; предложить способы восполнения выявленных пробелов.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных и частнонаучных методов юридического познания.

Общенаучные методы: диалектический метод (позволил рассмотреть конституционализацию арбитражного судопроизводства как развивающийся процесс, находящийся во взаимосвязи с изменениями в законодательстве и правоприменительной практике), системно-структурный метод (использован для анализа структуры дела о банкротстве как совокупности основного производства и обособленных споров, а также для выявления места международных пактов в системе источников аргументации арбитражного суда)

Частнонаучные методы: формально-юридический метод (применён при анализе норм МПГПП, МПЭСКП, АПК РФ и Закона о банкротстве для выявления содержания правовых предписаний и их соотношения); сравнительно-правовой метод (использован для сопоставления положений АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ в части исключений из принципа гласности, а также для сравнения имплементационных режимов МПГПП (немедленная защита) и МПЭСКП (постепенная реализация); метод анализа судебной практики (позволил выявить конкретные примеры применения арбитражными судами положений Пактов о правах человека при разрешении обособленных споров (вопросы подсудности, наложение штрафов, исключение имущества из конкурсной массы, судебные расходы), а также случаи нарушения прав несовершеннолетних при публикации судебных актов); метод правового моделирования (использован для обоснования возможных способов восполнения выявленных пробелов в арбитражном процессуальном законодательстве (прямое применение Пактов о правах человека или использование в качестве интерпретационных стандартов).

Эмпирическая база сформирована методом сплошной выборки судебных актов арбитражных судов за 2024-2026 гг., содержащих ссылки на МПГПП и МПЭСКП, с использованием поисковых запросов в системе КАД.

Результаты и обсуждения

В деятельности арбитражных судов наметился устойчивый переход от классического экономического правосудия к экономической реабилитации граждан, что обусловлено спецификой отношений, складывающихся в делах о банкротстве. Основная часть рабочего времени судьи экономического правосудия уходит на рассмотрение вопросов потребительского кредитования (проверка оснований возникновения обязательств, включение требований в реестр), а также на проблемы, возникающие в виде обособленных споров,

то есть отдельных процедур в рамках основного дела, в ходе которых рассматриваются самостоятельные конфликты, например, в сфере семейных (квалификация общей совместной или долевой собственности с участием членов семьи должника, определение общих обязательств) и социальных правоотношений (установление прожиточного минимума при исключении средств из конкурсной массы, квалификация пособий и иных материальных благ как мер социальной поддержки). В связи с этим меняется и квалификация судьи арбитражного суда, который вынужден значительную часть времени разбираться с вопросами, которые за пределами дел о банкротстве граждан отнесены к компетенции судов общей юрисдикции, а не к экономическим предпринимательским отношениям [6]. Поэтому особую значимость приобретает обеспечение единообразного подхода к разрешению указанных споров исходя из конституционного статуса личности, что делает востребованным применение международных стандартов в области прав человека.

Принцип осуществления правосудия независимым и беспристрастным судом, компетенция которого установлена законом (статья 14 МПГПП) применяется арбитражными судами в рамках дел о банкротстве граждан. В частности, данный стандарт реализуется при решении вопроса о передаче дела в другой арбитражный суд (19 марта 2026 года Арбитражный суд Челябинской области отразил в определении по делу № А76-41424/2025), при возвращении заявления о признании должника банкротом (03 апреля 2026 года Арбитражным судом города Москвы указано в определении по делу №А40-90123/26-155-248), а также при рассмотрении заявлений об ускорении судебного разбирательства (01 апреля 2026 года Арбитражным судом Пермского края применено в определении по делу №А50-5223/2025).

При наложении судебного штрафа за неисполнение обязанности представить истребуемое судом доказательство арбитражный суд раскрывает сущность права на судебную защиту, указывая, что данная обязанность государства вытекает в том числе из положений, закрепленных в подп. «а» п. 3 статьи 2 и п. 1 статьи 14 МПГПП (10 декабря 2025 года Арбитражным судом Красноярского края отражено в определении по делу А33-34976-1/2024).

20 января 2025 года Арбитражный суд Новосибирской области по делу А45-5488/2021 при разрешении заявления об индексации присужденных сумм, обосновывая право взыскателя на судебную защиту и обязательность исполнения судебных актов, приводит прямую ссылку на статью 2 МПГПП. В то время как национальное законодательство (ст. 183 АПК РФ) долгое время имело пробел (была отсылочная норма, но не было четкого механизма расчета), ссылка на Пакт позволила арбитражному суду обосновать безусловность индексации. В указанном определении арбитражный суд устанавливает: «взысканная сумма... подлежит безусловной индексации». Этот императив проистекает из международного обязательства государства обеспечить реальную, а не формальную защиту прав. Исследуемое определение суда показывает, что в ситуации, когда национальный закон носит отсылочный характер, международный пакт служит ориентиром для арбитражного суда, чтобы определить, какой именно механизм будет считаться «эффективным средством правовой защиты». Арбитражный суд использует МПГПП для защиты прав кредиторов, которые были нарушены задержкой исполнения постановленного судебного акта, что является примером применения принципа *parca sunt servanda* на национальном уровне.

Заслуживает внимания анализ характеристики такого компонента статуса личности, как запрет повторного привлечения к ответственности, воплощенный в принципе *non bis in idem*. В качестве международного признанного стандарта он зафиксирован в пункте 7 статьи 14 МПГПП и применяется в делах о банкротстве граждан при рассмотрении обособленных споров о включении в реестр требований кредиторов (30 мая 2025 года Арбитражный суд Московской области отразил в определении по делу №А41-102080/22).

При разрешении вопросов об исключении из конкурсной массы денежных средств для оплаты арендуемого жилья арбитражный суд использует статью 11 МПЭСКП, которая устанавливает право на жилище (17 февраля 2026 года Арбитражный суд Оренбургской области в определении по делу № А47-16426/2025, 21 октября 2025 года Арбитражный суд Сахалинской области в определении по делу № А59-2305-3/2025). Через использование положения статьи 11 МПЭСКП в совокупности с положениями пункта 1 статьи 12 МПГПП арбитражный суд аргументировал необходимость исключения из конкурсной массы должника денежных средств на покупку дров для обогрева жилья по месту проживания должника на отопительный сезон (02 октября 2024 года Арбитражный суд Амурской области судебный акт по делу А04-449/2023).

При рассмотрении ходатайства должника об исключении из конкурсной массы транспортного средства необходимого по состоянию здоровья для постоянного посещения медицинского учреждения арбитражный суд применил статью 12 МПЭСК, констатируя, что право на охрану здоровья признается одним из фундаментальных социальных прав личности, поскольку здоровье является высшим благом человека, без которого утрачивают значение большинство других благ и ценностей (определение Арбитражного суда Алтайского края от 14 октября 2024 года дело №А03-13135/2024).

В рамках обособленных споров о взыскании судебных расходов при оценке разумности расходов на оплату услуг представителя арбитражный суд раскрывает содержание конституционного права каждого на вознаграждение за труд (статья 37 Конституции Российской Федерации) и применяет положения статьи 7 МПЭСКП, определяющих, что вознаграждение за труд должно выступать гарантией справедливой заработной платы, равного вознаграждения за труд равноценный труд и достойного существования работников и членов их семей (08 октября 2025 года Арбитражный суд Ростовской области в определении по делу №А53-39072-10/2023, 12 августа 2024 года Арбитражный суд Краснодарского края в определении по делу № А32-3546/2022).

Из указанного следует, что арбитражный суд активно использует положения международных актов (ст. 2, 12, 14 МПГПП, ст. 7, 11, 12 МПЭСКП), применяет их как самостоятельный источник аргументации при разрешении вопросов, связанных с реализацией права судебной защиты, позволяющий интерпретировать и конкретизировать конституционное право применительно к защите прав участников дела о банкротстве, что свидетельствует о конституционализации арбитражного судопроизводства посредством использования международных стандартов в области прав человека.

Другими словами, арбитражный суд наработал достаточно большой арсенал средств использования международных пактов при разрешении вопросов, возникающих в делах о банкротстве, тем самым подтверждается признание, соблюдение и защита прав человека в арбитражном судопроизводстве.

Между тем, в научных кругах неоднократно поднимались вопросы о необходимости изменения способа реализации принципа гласности судебного разбирательства, в части внесения ограничения при опубликовании арбитражным судом в полном объеме судебных актов, затрагивающих права несовершеннолетних [7,8].

Полагаем, что в рамках настоящего исследования указанную проблему следует рассмотреть с точки зрения применения арбитражным судом пункта 1 статьи 14 МПГПП, который устанавливает исключение из принципа публичности судебного постановления по любому делу для случаев, «когда интересы несовершеннолетних требуют другого».

Так, Арбитражный суд Приморского края в определении от 16 апреля 2026 года по делу №А51-12440/2025 при рассмотрении вопроса об исключении из конкурсной массы должника транспортного средства опубликовал судебный акт с указанием персональных данных несовершеннолетних детей должника, позволяющих идентифицировать их по фамилии, имени, отчеству, дате рождения, в отношении одного из несовершеннолетних раскрыт диагноз «серьезного заболевания». Арбитражный суд Республики Бурятия опубликовал определение от 17 апреля 2026 года по делу №А10-5257-5/2025, в котором названы пятеро детей должника с указанием фамилии, имени, отчества, даты рождения, название и адрес школы и детского сада, которые они посещают. В определении Арбитражного суда Волгоградской области от 09 февраля 2026 года по делу №А12-26191/2025 при разрешении вопроса об исключении из конкурсной массы должника транспортного средства указаны фамилии и имена троих детей, годы их рождения, какую школу посещают, какой класс, кто из детей посещает танцевальную студию, название и адрес нахождения данной танцевальной студии, указанный судебный акт размещен в сети Интернет в информационной системе «Картотека арбитражных дел».

Поскольку положения пункта 8 статьи 11 АПК РФ, регламентирующие принцип гласности судебного разбирательства посредством публичного объявления судебного акта арбитражного суда, не содержат исключений и ограничений, направленных на защиту прав и интересов несовершеннолетних, в отличие от пункта 8 статьи 10 ГПК РФ и пункта 10 статьи 11 КАС РФ, которые предусматривают такие исключения для гражданского и административного судопроизводства соответственно, арбитражный суд оказывается в ситуации правовой неопределенности.

Разрешая вопрос об ограничении принципа гласности при опубликовании судебных актов по делам, затрагивающим интересы несовершеннолетних, необходимо применить «тест на пропорциональность» [9], который используется органом конституционного контроля при проверке конституционности закона и является правилом, к которому приходят в итоге все суды.

Тест на пропорциональность включает четыре последовательных шага: выявление правомерной цели ограничения прав; оценку адекватности ограничения как средства ее достижения; проверку необходимости ограничения (отсутствие более мягких альтернатив); определение соразмерности (баланса между целью и ущемляемым правом). [10].

Применяя тест на пропорциональность к ограничению публикации судебных актов по делам о банкротстве, затрагивающим права несовершеннолетних, последовательно отвечаем на поставленные вопросы.

Юридическим эквивалентом справедливости является часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации, которая определяет цели, на основании которых может произойти вмешательство в основные права гражданина. В данном случае правомерной целью ограничения публикации судебных актов арбитражного суда является защита законных интересов несовершеннолетних, в том числе права на конфиденциальность частной жизни, защиту от разглашения информации о состоянии здоровья, месте учебы, семейном положении, обеспечение безопасности несовершеннолетнего от посягательств со стороны третьих лиц, которые могут возникнуть при свободном доступе к судебному акту в сети Интернет.

Исключение из публикуемого судебного акта арбитражного суда персональных данных несовершеннолетнего, фактов частной жизни, сведений о состоянии здоровья является адекватным средством, поскольку оно непосредственно направлено на предотвращение разглашения информации, которая может причинить вред несовершеннолетнему.

Размещение судебного акта арбитражного суда в сети Интернет в полном объеме, без процедуры обезличивания, не достигает своей цели реализации принципа гласности, поскольку при таком подходе не обеспечивается защита прав несовершеннолетнего.

При определении соразмерности ограничения необходимо установить баланс между целью и ущемляемым правом. С одной стороны, принцип гласности арбитражного судопроизводства обеспечивает публичный контроль в деле о банкротстве, предоставляет возможность ознакомления неограниченного круга лиц с судебными актами в деле о банкротстве. С другой стороны, права несовершеннолетнего на частную жизнь, защиту персональных данных, физическую и психологическую безопасность и принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Правосудие в правовом демократическом социальном государстве не нуждается в контроле при доступе к персональным данным и фактам частной жизни несовершеннолетнего, родитель которого проходит процедуру банкротства, то есть отсутствует в данном случае публичный интерес. Однако интерес у участников дела о банкротстве (кредиторов, финансового управляющего) в идентификации и раскрытии иных сведений о несовершеннолетнем имеется, поскольку при рассмотрении обособленных споров об оспаривании сделок должника устанавливается аффилированность через несовершеннолетнего или имущество отчуждалось непосредственно несовершеннолетнему, а также при исключении из конкурсной массы должника имущества также ущемляются интересы кредитора. При завершении процедуры банкротства должника освободят от дальнейшего исполнения обязательств при его стремлении к максимальному удовлетворению требований кредиторов и добросовестном поведении, и для установления данных обстоятельств участникам дела о банкротстве необходимо иметь сведения о всех членах семьи должника.

Однако вред от полной открытости персональных данных несовершеннолетнего в сети Интернет с указанием даты рождения, места регистрации, сведений о здоровье значительно превышает цель освободить родителя, проходящего процедуру банкротства, от дальнейшего исполнения обязательств. То есть цель защиты прав несовершеннолетнего явно перевешивает принцип гласности в части раскрытия идентифицирующей его информации, ограничение публикации персональных данных несовершеннолетних в соответствующей части является пропорциональным.

Указанный правовой пробел не может быть восполнен в рамках конституционного судопроизводства, так как это было бы сопряжено с внесением изменений в действующее законодательство, что не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации. Поэтому полагаем, что в сложившихся условиях арбитражный суд не может восполнить этот пробел путём непосредственного применения положений пункта 1 статьи 14 МПГПП, так как не является самоисполнимым, и в части процедуры обезличивания судебных актов в арбитражном процессе требует имплементации.

Арбитражный суд может использовать положения пункта 1 статьи 14 МПГПП в качестве интерпретационного стандарта при толковании пункта 8 статьи 11 АПК РФ. Такой подход допустим до внесения соответствующих изменений в арбитражное процессуальное законодательство и до принятия необходимых законодательных мер, направленных на обеспечение права несовершеннолетних на защиту конфиденциальности при опубликовании судебных постановлений арбитражного суда.

Выводы

В год 60-летия Международных пактов о правах человека (1966-2026) их роль в правоприменительной практике арбитражных судов приобретает особое символическое и практическое значение, так как заложенные в Пактах универсальные стандарты не только сохранили актуальность, но и стали эффективным инструментом конституционализации отраслевого законодательства, восполняя пробелы в национальном регулировании и конкретизируя конституционные принципы применительно к делам о банкротстве гражд-

дан.

Арбитражные суды в делах о банкротстве граждан активно применяют положения МПГПП (ст. 2, 12, 14, принцип *non bis in idem*) и МПЭСКП (ст. 7, 11, 12) как самостоятельный источник аргументации при разрешении вопросов подсудности, наложения штрафов, индексации присужденных сумм, исключения имущества из конкурсной массы и оценки судебных расходов.

Более того, можно предположить, что в арбитражном судопроизводстве положения МПЭСКП применяются чаще, чем в других видах судопроизводства, поскольку дела о банкротстве граждан затрагивают экономические права человека и в рамках данных дел арбитражному суду необходимо разрешать вопросы об исключении имущества из конкурсной массы для обеспечения базовых потребностей должника и реализации права на достойный жизненный уровень. Для того, чтобы подчеркнуть, что Российская Федерация является социальным государством и исполняет международные обязательства, арбитражный суд в судебных актах ссылается на положения международного пакта.

При таком активном применении арбитражным судом международных стандартов в области прав человека выявлены и проблемы реализации обязательства государства, закреплённого в пункте 1 статьи 14 МПГПП. Анализ судебной практики в делах о банкротстве граждан подтверждает, что опубликованные в сети Интернет судебные акты арбитражного суда содержат персональные данные несовершеннолетних детей и сведения их частной жизни (в том числе, сведения о состоянии здоровья, о месте учебы, посещении определенных учреждений). Необходимо обратить внимание, что конституционный принцип гласности судебного разбирательства при отправлении конституционного, уголовного, гражданского и административного правосудия содержит ограничения в публикации в судебном акте полных персональных данных несовершеннолетних детей. Такая ситуация подтверждает наличие правового пробела в арбитражном процессуальном законодательстве при исполнении государством обязательств, указанных в пункте 1 статьи 14 МПГПП, поскольку защита частной жизни несовершеннолетнего обеспечивается в зависимости от вида судопроизводства.

Считаем, что международные пакты о правах человека являются эффективным инструментом конституционализации арбитражного судопроизводства, позволяют конкретизировать конституционные ценности (принципы) применительно к защите прав участников дел о банкротстве граждан.

Список источников

1. Фокин Е.А. Конституционализация процессуальной формы рассмотрения дела о банкротстве // *Lex Russica (Русский закон)*. 2026. Т. 79, № 1(230). С. 94-108. DOI 10.17803/1729-5920.2026.230.1.094-108
2. Клепикова О.Г. Роль суда в арбитражном судопроизводстве через призму принципов цивилистического процесса // *Юридическая гносеология*. 2024. № 6. С. 119 – 127.
3. Игнатенко Г.В. *Международное право: учебник* / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. 752 с. ISBN 978-5-91768-368-3
4. Абашидзе А.Х. 3.1. Соотношение международного и национального права в области прав человека // *От прошлого к будущему: права человека в современном мире*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2025. С. 63 – 74.
5. Фадеев В.А., Абашидзе А.Х., Алисиевич Е.С. [и др.]. *От прошлого к будущему: права человека в современном мире*. Москва: РГГУ, 2025. 272 с. ISBN 978-5-605-39982-7
6. Фадеева С. В. Об отдельных аспектах осуществления экономического правосудия судами первой инстанции на современном этапе // *Неволинские чтения – 2025: Сборник докладов X Всероссийской научно-практической конференции*, Киров, 11 декабря 2025 года. Киров: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 54 – 61.
7. Клепикова О.Г., Кошкина И.Г. Нарушение прав несовершеннолетнего при реализации принципа гласности в арбитражном судопроизводстве // *Детство - территория безопасности: Сборник материалов конференции*, Москва, 17-18 ноября 2022 года. Москва: Из-во «Саратовский источник», 2022. С. 55 – 58.
8. Климова А. Н., Клепикова О.Г. Судебные акты в деле о банкротстве гражданина: пробелы законодательства // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 4. С. 294 – 298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_294.
9. Аносова Л.С. Соотношение понятий гласности, открытости и транспарентности судопроизводства: конституционно-правовые аспекты // *Конституционное и муниципальное право*. 2009. № 21. С. 25 – 30.
10. Блохин П.Д., Кряжкова О.Н. *Как защитить свои права в Конституционном Суде*. М.: Институт права и публичной политики, 2015. 226 с.

References

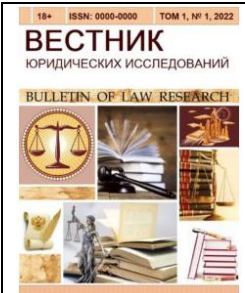
1. Fokin E.A. Constitutionalization of the Procedural Form of Consideration of a Bankruptcy Case. *Lex Russica (Russian Law)*. 2026. Vol. 79, No. 1(230). P. 94 – 108. DOI 10.17803/1729-5920.2026.230.1.094-108
2. Klepikova O.G. The Role of the Court in Arbitration Proceedings through the Prism of the Principles of Civilistic Process. *Legal Epistemology*. 2024. No. 6. P. 119 – 127.
3. Ignatenko G.V. *International Law: Textbook*. ed. G.V. Ignatenko, O.I. Tiunov. 6th edition, revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2026. 752 p. ISBN 978-5-91768-368-3
4. Abashidze A.Kh. 3.1. The Correlation of International and National Law in the Field of Human Rights. From Past to Future: Human Rights in the Modern World. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2025. pp. 63–74.
5. Fadeev V.A., Abashidze A.Kh., Alisieva E.S. [et al.]. From Past to Future: Human Rights in the Modern World. Moscow: RSUH, 2025. 272 p. ISBN 978-5-605-39982-7
6. Fadeeva S.V. On Certain Aspects of the Administration of Economic Justice by Courts of First Instance at the Current Stage. *Nevolin Readings – 2025: Collection of Reports of the X All-Russian Scientific and Practical Conference*, Kirov, December 11, 2025. Kirov: O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2025. P. 54 – 61.
7. Klepikova O.G., Koshkina I.G. Violation of the Rights of a Minor in the Implementation of the Principle of Publicity in Arbitration Proceedings. *Childhood is a Territory of Safety: Collection of Conference Materials*, Moscow, November 17-18, 2022. Moscow: Saratovsky Istochnik Publishing House, 2022. P. 55 – 58.
8. Klimova A.N., Klepikova O.G. Judicial decisions in a citizen's bankruptcy case: gaps in legislation. *Law and State: Theory and Practice*. 2025. No. 4. P. 294 – 298. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_4_294.
9. Anosova L.S. The relationship between the concepts of publicity, openness, and transparency of legal proceedings: constitutional and legal aspects. *Constitutional and municipal law*. 2009. No. 21. P. 25 – 30.
10. Blokhin P.D., Kryazhkova O.N. How to protect your rights in the Constitutional Court. Moscow: Institute of Law and Public Policy, 2015. 226 p.

Информация об авторах

Клепикова О.Г., кандидат юридических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0003-6469-6748>, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, o.klepikova@rsu-rzn.ru

Карева А.В., кандидат исторических наук, доцент, SPIN-код: 1927-2139, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина a.kareva@rsu-rzn.ru

© Клепикова О.Г., Карева А.В., 2026

 <p>15+ ISSN: 0000-0000 ТОМ 1, № 1, 2022 ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ BULLETIN OF LAW RESEARCH</p>	<p>Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / <i>Bulletin of Law Research</i>» https://blr-journal.ru 2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 https://blr-journal.ru/archives/category/publications Научная статья / Original article УДК 342.41 DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-124-131</p>
---	---

Конституционно-правовые основы действия уголовного закона в пространстве: суверенитет, юрисдикция и публично-правовой механизм реализации

¹ Серeda С.П.,

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: целью исследования в настоящей статье является формирование целостного научного представления о конституционно-правовых основах, детерминирующих пространственное действие российского уголовного закона. В работе решаются задачи: по критическому анализу доктринальных подходов к определению места совершения преступления в условиях физической и цифровой реальности; определению публично-правового механизма реализации экстратерриториальных принципов; и формулированию конкретных предложений по модернизации законодательства и правоприменительной практики. Результаты исследования демонстрируют, что действующая нормативная конструкция ст. 11 и 12 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ) не в полной мере отражает современные вызовы, связанные с трансграничной киберпреступностью и необходимостью защиты российского общества и государства. Обоснован вывод о наличии коллизии между принципом территориальной целостности, закрепленным в ч. 2.1 ст. 67 Конституции РФ, и отсутствием четких правил установления юрисдикции при дистанционных преступных посягательствах. Предложена многофакторная модель определения юрисдикции, а также внесение изменений в УК РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ, позволяющие более точно идентифицировать место совершения преступления в цифровой среде. Практическая значимость работы заключается в возможности использования сформулированных выводов для совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также для оптимизации правоприменительной деятельности следственных и судебных органов.

Ключевые слова: суверенитет, уголовная юрисдикция, действие уголовного закона в пространстве, место совершения преступления, киберпреступность, территориальный принцип, экстратерриториальность, публично-правовой механизм

Для цитирования: Серeda С.П. Конституционно-правовые основы действия уголовного закона в пространстве: суверенитет, юрисдикция и публично-правовой механизм реализации // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 124 – 131. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-124-131

Поступила в редакцию: 22 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

The constitutional and legal bases of the criminal law in space: sovereignty, jurisdiction and the public law mechanism of implementation

¹ Sereda S.P.,

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

Abstract: the purpose of the research in this article is to form a holistic scientific understanding of the constitutional and legal foundations that determine the spatial effect of the Russian criminal law. The paper solves the following tasks: to critically analyze doctrinal approaches to determining the crime scene in the context of physical and digital reality; to determine the public law mechanism for implementing extraterritorial principles; and to formulate specific proposals for the modernization of legislation and law enforcement practice. The results of the study demonstrate that the current regulatory framework of Articles 11 and 12 of the Criminal Code of the Russian Federation does not fully reflect the current challenges associated with cross-border cybercrime and the need to protect Russian society and the state. The conclusion is substantiated that there is a conflict between the principle of territorial integrity, enshrined in Part 2.1 of Article 67 of the Constitution of the Russian Federation, and the lack of clear rules for establishing jurisdiction in remote criminal encroachments. A multifactorial model for determining jurisdiction is proposed, as well as amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, which make it possible to more accurately identify the crime scene in a digital environment. The practical significance of the work lies in the possibility of using the formulated conclusions to improve criminal and criminal procedure legislation, as well as to optimize the law enforcement activities of investigative and judicial authorities.

Keywords: sovereignty, criminal jurisdiction, operation of criminal law in space, crime scene, cybercrime, territorial principle, extraterritoriality, public law mechanism

For citation: Sereda S.P. The constitutional and legal bases of the criminal law in space: sovereignty, jurisdiction and the public law mechanism of implementation. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 124 – 131. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-124-131

The article was submitted: January 22, 2025; Approved after reviewing: March 19, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Категория пространственного действия уголовного закона традиционно воспринимается как один из краеугольных камней, определяющих пределы государственного принуждения. Однако её глубинная конституционно-правовая природа нередко остается на периферии научного анализа, уступая место сугубо отраслевой, уголовно-правовой догматике. Между тем именно конституционные принципы суверенитета, территориальной целостности и верховенства права формируют тот фундамент, на котором выстраивается вся система национальной уголовной юрисдикции. Государство, обладая исключительной властью на своей территории, реализует ее, в том числе, через установление запретов и применение мер уголовно-правового воздействия к лицам, эти запреты нарушившим.

Стремительная эволюция общественных отношений, обусловленная цифровизацией, стиранием физических границ и появлением новых пространственных измерений, таких как метавселенные, бросает вызов классическим постулатам Вестфальской системы международных отношений, основанной на жесткой привязке власти к территории [10; 9]. Проблема усугубляется ростом транснациональной преступности, террористических угроз и экстремистской деятельности, направленных на подрыв конституционного строя и безопасности государства [2; 16]. В этих условиях возникает насущная потребность в переосмыслении публично-правового механизма реализации уголовного закона в пространстве, который должен, с одной стороны, надежно защищать суверенные интересы России, включая защиту прав её граждан и государствообразующих народов [2; 10], а с другой – соответствовать принципу правовой определенности, исключая произвольное применение юрисдикции.

Научная дискуссия о месте совершения преступления, делящаяся со времен советской уголовно-правовой школы [1; 6], в современную эпоху приобрела особую остроту. Столкновение подходов, один из которых делает акцент на месте совершения деяния, а другой – на месте наступления общественно опасных последствий, перешло из сугубо теоретической плоскости в практическую, непосредственно влияя на определение

подследственности и подсудности тысяч уголовных дел, особенно связанных с хищениями безналичных средств и киберпреступлениями [6; 7]. Как справедливо отмечает Р.Д. Шарапов, отсутствие легального определения места совершения преступления порождает ошибки, оборачивающиеся отменой процессуальных решений, и подмену понятий [6].

Более того, конституционная новелла о защите территории Российской Федерации от отчуждения (ч. 2.1 ст. 67 Конституции РФ) актуализирует и экстратерриториальный аспект действия уголовного закона. Идеи о необходимости защиты государствообразующего и иных народов России, высказанные В.А. Горбуновым [2], и защиты культурной идентичности коррелируют с экспансивными подходами к юрисдикции, требуя их надлежащего правового оформления. В то же время, феномен метавселенной, анализируемый М.М. Маджумаевым [4], ставит перед правовой системой неразрешимые в рамках традиционной теории вопросы о самом существовании «места» преступления, где вред причиняется психологическому состоянию личности или цифровому активу в безграничном виртуальном пространстве [4].

Целью настоящего исследования является формирование целостного научного представления о конституционно-правовых основах действия уголовного закона в пространстве на основе комплексного анализа взаимосвязи суверенитета, территории и юрисдикции, а также разработка предложений по совершенствованию публично-правового механизма их реализации в условиях современных вызовов.

Материалы и методы исследований

Информационную базу исследования составили положения Конституции Российской Федерации, действующего уголовного (ст. 11, 12 УК РФ) и уголовно-процессуального законодательства, а также международно-правовые акты, в частности, Конвенция ООН по морскому праву, конвенции о борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, и Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В работе проанализированы правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся принципов правовой определенности и суверенитета уголовного закона, а также руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, прежде всего Постановление от 15.12.2022 № 37, унифицировавшее подходы к определению места совершения киберпреступлений. Теоретический фундамент сформирован на основе критического осмысления научных трудов как советских, так и современных российских и зарубежных правоведов.

Методологический инструментарий работы включает совокупность общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов, в том числе: диалектический метод, системно-структурный метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, метод правового моделирования.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ подтверждает, что территориальный принцип, закрепленный в ч. 1 ст. 11 УК РФ, является не просто отраслевым правилом, а прямой проекцией конституционного принципа государственного суверенитета. Территория Российской Федерации, включающая в себя сушу, недра, внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними (ч. 1 ст. 67 Конституции РФ), представляет собой пространственный предел властного верховенства государства [9; 15]. Как обоснованно утверждается в литературе, без территории государство немислимо, являясь материальной базой государства и непременным условием его существования [9], а потому распространение уголовной юрисдикции на всю эту сферу есть естественное проявление государственного иммунитета от преступных посягательств. Только при выполнении данного словия будет реализована основная охранительная задача-функция государства, которая по справедливому утверждению В.Е. Южанина обеспечивается преимущественно путем установления в уголовном законе запретов на совершение общественно опасных действий [17].

Вместе с тем, как справедливо отмечают некоторые ученые, ограниченное толкование территории как совокупности исключительно физических пространств становится все более «искусственным» [4], не отвечающим реалиям цифровой эпохи. Хотя ст. 67 Конституции РФ и оперирует геофизическими понятиями, сам суверенитет, как верно замечает С.В. Шитьков, эволюционирует, включая в себя и «цифровое» измерение [10]. Отдельные ученые развивают эту мысль, вводя категорию «правового суверенитета», под которым понимается особая сфера регулирования, простирающаяся над территориями различных государств в разных пространственных измерениях [16]. Из этого следует, что и действие уголовного закона не должно жестко замыкаться в физических координатах.

Поправки 2020 года к Конституции РФ, в частности ч. 2.1 ст. 67, запрещающая действия, направленные на отчуждение части территории, и призывы к таким действиям, стали важнейшим публично-правовым императивом для уголовной политики. Эта норма не только гарантирует территориальную целостность, но

и, как подчеркивает О.И. Семькина, уточняет границы «правового суверенитета», создавая конституционную основу для экстратерриториального действия УК РФ в целях пресечения посягательств на целостность государства, совершаемых извне [16]. Данный тезис находит подтверждение в позиции В.А.Горбунова, который обосновывает необходимость расширения реального принципа для защиты не только граждан, но и государствообразующего русского народа, а также других коренных народов России, чье существование неразрывно связано с политическим бытием российского государства [2]. Полагаем, что предложение В.А. Горбунова о включении в ч. 3 ст. 12 УК РФ положения о юрисдикции в отношении преступлений, направленных против коренных народов России из-за их национальной принадлежности, является конституционно обоснованным и заслуживает законодательной поддержки, поскольку направлено на защиту самой социальной основы суверенитета.

Действующий публично-правовой механизм, обеспечивающий реализацию принципов действия УК РФ в пространстве, включает помимо материально-правовых норм (ст. 11, 12 УК РФ) и процессуальный инструментарий. Ключевым элементом этого механизма выступает деятельность уполномоченных государственных органов по применению права. Как справедливо отмечает А.И. Бурков, реализация территориального, реального и универсального принципов происходит исключительно через правоприменительную форму, предполагающую вынесение индивидуально-конкретных государственно-властных решений (постановлений о возбуждении уголовного дела, обвинительных приговоров и т.д.) [13]. Так, реализация реального принципа ярко иллюстрируется возбуждением Следственным комитетом РФ уголовных дел о сносе памятников советским воинам в Латвии и Литве, что является актом применения ч. 3 ст. 12 УК РФ для защиты интересов Российской Федерации в сфере исторической памяти [13]. Однако эффективность этого механизма напрямую зависит от правовой определенности его ключевой категории - «место совершения преступления».

Проведенный анализ работ различных авторов [1; 3; 5; 6; 7] вскрывает глубокий концептуальный раскол, который не преодолен до сих пор. Одна группа ученых полагает, что для наиболее полной защиты национальных интересов местом совершения преступления с материальным составом следует считать любое из мест, где начато, продолжалось, окончено преступление или наступили последствия [1; 6]. Эта позиция, соответствующая Модельному УК для стран СНГ, позволяет распространить юрисдикцию России, например, на случай, когда ядовитое вещество введено в организм человека за границей, а смерть наступила на территории РФ, что логически обосновывает А.А. Дедковский [1]. Оппонирующая концепция настаивает, что место преступления - это место совершения общественно опасного деяния, независимо от наступления последствий [1; 6]. Этот подход получил решающую поддержку в судебной практике. Верховный Суд РФ в п. 19 Постановления Пленума от 15.12.2022 № 37 и последующих разъяснениях указал, что местом совершения преступления с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", является место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава преступления. Суд мотивировал это необходимостью избежать неограниченной конкуренции юрисдикций и неразрывной связью категорий времени и места преступления: если время преступления определяется моментом совершения деяния (ч. 2 ст. 9 УК РФ), то и место должно определяться по тому же критерию [6].

Солидаризируясь в целом со вторым подходом как более отвечающим принципу правовой определенности, полагаем, что его реализация в публично-правовом механизме нуждается в законодательной конкретизации, особенно применительно к сложным формам преступной деятельности. Так, А.А. Дедковский выявляет существенные пробелы в регулировании территориального принципа применительно к продолжаемым, дящимся преступлениям и соучастию с распределением ролей, когда действия совершаются на территории нескольких стран СНГ [1]. Он предлагает урегулировать этот вопрос на уровне СНГ и дополнить ст. 5 Уголовного кодекса Республики Беларусь положением об учете отягчающих и смягчающих обстоятельств, совершенных на территории нескольких стран [1, с. 4]. Полагаем, что аналогичная проблема актуальна и для России.

В связи с этим предлагается дополнить ст. 11 УК РФ примечанием следующего содержания: «Примечание. Для целей настоящей статьи под местом совершения преступления понимается место совершения лицом общественно опасного деяния (действия или бездействия), входящего в объективную сторону состава преступления. Если объективная сторона преступления складывается из нескольких деяний, совершенных в разных местах, местом совершения преступления признается каждое из таких мест. В этом случае для решения процессуальных вопросов о подследственности и подсудности местом окончания преступления является место совершения последнего из указанных деяний». Это позволит, с одной стороны, сохранить материально-правовое единство с категорией «время преступления», а с другой - дать четкий процессуаль-

ный ориентир, устранив конкуренцию между ч. 1 и ч. 2 ст. 32, ст. 152 УПК РФ на которую указано в исследованиях [6].

Наиболее радикальный вызов конституционно-правовым основам действия уголовного закона бросает развитие децентрализованных виртуальных миров - метавселенной. М.М. Маджумаев всесторонне и аргументированно демонстрирует ограниченность существующих принципов территориальности и экстратерриториальности, поскольку метавселенная «полностью лишена физических координат» [4]. Традиционная привязка к месту нахождения сервера, месту жительства преступника или жертвы оказывается недостаточной, когда аватар гражданина РФ в виртуальном пространстве, управляемый из неустановленной юрисдикции, подвергается действиям, образующим, к примеру, психологическое насилие, последствия от которого наступают в реальном мире на территории России.

Пример с полицейским расследованием в Великобритании преступления против половой неприкосновенности, совершенного в иммерсивной виртуальной реальности и повлекшего реальную психологическую травму жертвы, является наглядным доказательством того, что вред из виртуальной среды мутирует в юридически значимые последствия в физическом мире [4]. Традиционный подход, привязывающий место преступления к месту совершения деяния, здесь сталкивается с неразрешимой дилеммой: местонахождение преступника в момент нажатия клавиш может быть неизвестно или находиться в офшорной зоне, а вредоносный эффект наступает везде, где находится потерпевший.

Предлагаемая М.М. Маджумаевым «многофакторная модель юрисдикции» [4] заслуживает самого пристального внимания. Идея рассматривать место преступления не как точку, а как распределенную систему компонентов (цифровая идентичность, цифровой актив, вред, протоколы платформы) является новаторской и перспективной. Действительно, неизменяемый цифровой след в блокчейне может служить аналогом физического присутствия для установления персональной юрисдикции. Особо следует поддержать акцент на «вреде» как факторе, определяющем юрисдикцию, поскольку именно он, согласно ч. 1 ст. 2 УК РФ, является ключевым для решения охранительных задач. Если психологический или репутационный ущерб от действий в метавселенной причинен на территории России или ее гражданину, это должно служить достаточным основанием для распространения российской уголовной юрисдикции, что прямо коррелирует с реальным принципом. Для имплементации данного подхода необходимо дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15.12.2022 пунктом, разъясняющим, что вред, причиненный преступлением, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных сетей в виртуальных пространствах, может признаваться наступившим на территории РФ, если он повлек физические, имущественные, моральные или иные юридически значимые последствия для граждан РФ, организаций или интересов государства.

Важнейшим компонентом публично-правового механизма защиты суверенитета выступает экстратерриториальная юрисдикция. Как показывает И.Ю. Беляев на примере транснациональных наркопреступлений, эффективная борьба с ними невозможна без координации и установления четких правил юрисдикции, при этом международные конвенции (1988 г.), закрепляя обязательство государств устанавливать свою юрисдикцию, не разрешают конфликт юрисдикций, особенно между странами континентального и общего права [8]. Это ведет к фрагментации усилий и появлению «безопасных гаваней» для преступников.

Универсальный принцип, реализованный в ч. 3 ст. 12 УК РФ, призван решить эту проблему, но его применение в РФ, особенно по делам о военных преступлениях, как отмечает В.А. Горбунов, носит скорее прецедентный характер, основанный на совокупном толковании принципов, а не на четкой договорной норме [2]. СК РФ, расследуя преступления на Украине, обосновывает это, в том числе, универсальным принципом и обязательством России перед мировым сообществом [2].

Полагаем, что для укрепления правового суверенитета Российской Федерации необходимо более активно и системно применять заложенный в ч. 3 ст. 12 УК РФ потенциал, а также поддержать предлагаемые в литературе предложения и дополнить ст. 12 УК РФ положением, прямо закрепляющим экстратерриториальное действие российского уголовного закона в отношении деяний, направленных на нарушение территориальной целостности РФ, а также преступлений экстремистской и террористической направленности, независимо от места их совершения и гражданства виновных, если это предусмотрено международным договором или общепризнанными нормами международного права. Как справедливо указывает О.И. Семькина, такое предложение корреспондирует конституционным предписаниям ч. 2.1 ст. 67 и ч. 3 ст. 4 Конституции РФ [16] и будет являться действенным инструментом защиты от внешних угроз.

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что конституционно-правовые основы действия уголовного закона в пространстве представляют собой сложную, динамично развивающуюся публично-правовую систему, ядром которой являются принципы государственного суверенитета и территориальной целостности. Эволюция данных принципов под влиянием цифровизации и геополитических изменений требует адекватной модернизации публично-правового механизма их реализации.

Во-первых, установлено, что территориальный принцип нуждается в легальной конкретизации. Предложено законодательное определение места совершения преступления с приоритетом места совершения деяния, что устранил коллизии с процессуальным законодательством и укрепит правовую определенность. Для сложных составов (продолжаемых, длящихся) обосновано правило, по которому местом преступления признается каждое место совершения деяния.

Во-вторых, выявлено, что развитие цифровых технологий (метавселенных) делает традиционную концепцию определения места совершения преступления недостаточной. Поддержана и адаптирована к российскому законодательству предлагаемая в литературе многофакторная модель юрисдикции. Предложено на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ закрепить, что вред от киберпреступлений, локализованный на территории РФ, является самостоятельным основанием для установления юрисдикции.

В-третьих, в контексте конституционной новеллы о защите территориальной целостности и русской культурной доминанты обоснована необходимость расширения реального принципа действия уголовного закона для защиты коренных народов России, а также дополнения УК РФ положениями об обязательной экстратерриториальной юрисдикции за преступления, направленные против суверенитета и целостности страны.

Дальнейшее реформирование публично-правового механизма в данной сфере должно идти по пути синхронизации уголовного, уголовно-процессуального законодательства и конституционных императивов, обеспечивая надежную защиту государственных интересов от преступных посягательств, независимо от того, в каком физическом или виртуальном пространстве они совершаются.

Список источников

1. Дедковский А.А. Проблемы правового регулирования территориального принципа действия уголовного закона в пространстве // Правовое обеспечение национальной экономической безопасности: теоретические и практические проблемы совершенствования правотворчества и правореализации: Сборник научных статей международного круглого стола. Минск, 2025. С. 60 – 63.
2. Горбунов В.А. Развитие принципов действия российского уголовного закона в пространстве // Правосудие современности: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Екатеринбург, 2025. С. 368 – 379.
3. Бадмадоржиев Г.Е. Пространственные пределы действия уголовного закона Российской Федерации через призму определенности уголовного закона // International Law Journal. 2023. Т. 6. № 6. С. 13 – 19.
4. Маджумаев М.М. Многофакторная модель юрисдикции: переосмысление места преступления в децентрализованной метавселенной // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Т. 3. № 4. С. 570 – 597.
5. Хуан Ю. Проблемы действия пространства уголовного права между КНР и РФ // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 8-1. С. 388 – 395.
6. Шарапов Р.Д. Место совершения преступления: юридическое значение и проблемы определения // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 99 – 111.
7. Комаева Д.К. Актуальные проблемы определения места совершения преступления в российском уголовном праве // Новая наука: проблемы и перспективы. 2025. № 12. С. 255 – 265.
8. Беляев И.Ю. Об установлении экстратерриториальной юрисдикции в отношении транснациональных наркопреступлений: международно-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11. № 1. С. 73 – 80.
9. Поцелуев Е.Л. Территория страны как признак государства, элемент конституционно-правового и международно-правового статуса // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. 2025. № 1. С. 12 – 24.
10. Шитьков С.В. Концептуальные основания анализа государственного суверенитета в цифровую эпоху // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2025. № 2 (44). С. 6 – 21.

11. Моликов В.П. Понятие государственной границы Российской Федерации как объекта уголовно-правовой охраны // Актуальные проблемы теории и практики уголовного права и процесса в современных условиях : Материалы V международной научно-практической конференции. Донецк, 2025. С. 202 – 207.
12. Карая М.Б. Уголовная юрисдикция в открытом море // Право и правосудие в современном мире : Сборник научных статей молодых исследователей Ежегодной всероссийской студенческой научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 626 – 632.
13. Бурков А.И. Реализация юридических принципов, определяющих действие уголовного закона в пространстве // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 5 – 9.
14. Бодаевский В.П. Действие российского уголовного закона относительно воинских преступлений в пространстве // Государство и право. 2022. № 7. С. 80 – 89.
15. Хуан Ю. Территориальный принцип в пространственном действии уголовно-правовых норм Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 8-1. С. 381 – 386.
16. Семькина О.И. Суверенитет государства – правовая основа действия уголовного закона в пространстве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4. С. 37 – 47.
17. Южанин В.Е. Соотношение целей и задач уголовного закона, наказания и его исполнения // Пени-тенциарная наука. 2023. Т. 17. № 1 (61). С. 30 – 38. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.004

References

1. Dedkovsky A.A. Problems of legal regulation of the territorial principle of application of criminal law in space. Legal support of national economic security: theoretical and practical problems of improving lawmaking and law enforcement: Collection of scientific articles of the international round table. Minsk, 2025. P. 60 – 63.
2. Gorbunov V.A. Development of the principles of application of Russian criminal law in space. Justice of our time: Proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference of students and young scientists. Yekaterinburg, 2025. P. 368 – 379.
3. Badmadorzhiev G.E. Spatial limits of application of the criminal law of the Russian Federation through the prism of certainty of criminal law. International Law Journal. 2023. Vol. 6. No. 6. P. 13 – 19.
4. Madzhumayev M.M. Multifactorial Jurisdiction Model: Rethinking the Crime Scene in a Decentralized Metaverse. Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Vol. 3. No. 4. P. 570 – 597.
5. Huang Yu. Problems of the Operation of the Criminal Law Space between China and the Russian Federation. Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13. No. 8-1. P. 388 – 395.
6. Sharapov R.D. Crime Scene: Legal Significance and Problems of Definition. Criminal Policy and Law Enforcement Practice: Collection of Scientific Articles Based on the Results of the All-Russian Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2025. P. 99 – 111.
7. Komaeva D.K. Actual Problems of Determining the Scene of a Crime in Russian Criminal Law. New Science: Problems and Prospects. 2025. No. 12. P. 255 – 265.
8. Belyaev I.Yu. On the Establishment of Extraterritorial Jurisdiction over Transnational Drug-Related Crimes: An International Legal Analysis. Legal Bulletin of Samara University. 2025. Vol. 11. No. 1. P. 73 – 80.
9. Potseluev E.L. The Territory of a Country as a Feature of a State, an Element of Constitutional-Legal and International Legal Status. Bulletin of Ivanovo State University. Series: Natural and Social Sciences. 2025. No. 1. P. 12 – 24.
10. Shitkov S. V. Conceptual Foundations for the Analysis of State Sovereignty in the Digital Age. Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World. 2025. No. 2 (44). P. 6 – 21.
11. Molikov V.P. The Concept of the State Border of the Russian Federation as an Object of Criminal-Law Protection. Actual Problems of the Theory and Practice of Criminal Law and Procedure in Modern Conditions: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference. Donetsk, 2025. P. 202 – 207.
12. Karaya M.B. Criminal Jurisdiction on the High Seas. Law and Justice in the Modern World: Collection of Scientific Articles by Young Researchers of the Annual All-Russian Student Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2025. P. 626 – 632.
13. Burkov A.I. Implementation of Legal Principles Determining the Operation of Criminal Law in Space. Criminal Justice. 2022. No. 20. P. 5 – 9.
14. Bodayevsky V.P. The Application of Russian Criminal Law to Military Crimes in Space. State and Law. 2022. No. 7. P. 80 – 89.
15. Huang Yu. The Territorial Principle in the Spatial Application of Criminal Law Norms of the Russian Federation. Issues of Russian and International Law. 2022. Vol. 12. No. 8-1. P. 381 – 386.

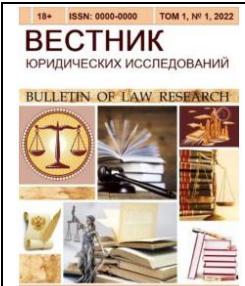
16. Semykina O.I. State Sovereignty – the Legal Basis for the Application of Criminal Law in Space. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2022. Vol. 18. No. 4. P. 37 – 47.

17. Yuzhanin V.E. The Correlation of the Goals and Objectives of Criminal Law, Punishment and Its Execution. *Penitentiary Science*. 2023. Vol. 17. No. 1 (61). P. 30 – 38. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.004

Информация об авторе

Серeda С.П., доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, sta-sereda2006@yandex.ru

© Серeda С.П., 2026

 <p>15+ ISSN: 0000-0000 ТОМ 1, № 1, 2022 ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ BULLETIN OF LAW RESEARCH</p>	<p>Научно-исследовательский журнал «Вестник юридических исследований / <i>Bulletin of Law Research</i>» https://blr-journal.ru 2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 https://blr-journal.ru/archives/category/publications Научная статья / Original article УДК 342.41 DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-132-139</p>
---	---

Конституционно-правовое регулирование и защита института семьи и брака в Российской Федерации

¹ Стабровская Е.А., ¹ Герман Е.С.,

¹ Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация: после поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года российский законодатель в 2025-2026 гг. выстроил систему, при которой имущественные и социальные преференции предоставляются только при наличии зарегистрированного брака. Конституционный Суд РФ в ряде определений подтвердил приоритет формального статуса семьи, указав, что длительное раздельное проживание супругов не влияет на наследственные права, если брак не расторгнут. В сфере выплат семьям погибших военнослужащих законодатель вводит исключение, допуская судебное приравнение фактического сожительства к браку при длительном совместном проживании и наличии общего ребёнка. Правовые позиции Конституционного Суда РФ также упростили процедуры получения нотариального согласия супруга в труднодоступных местностях. Цель настоящего исследования заключается в выявлении и характеристике сформировавшейся в российском праве модели «официальных семейных отношений», в рамках которой зарегистрированный брак выступает единственным правообразующим фактором для имущественных и социальных преференций. В задачи работы входит анализ нормативных и судебных источников, выявление внутренней противоречивости модели и определение ее ценностных оснований. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для совершенствования правоприменительной практики и законодательства в сфере семейных отношений, а также для преподавания конституционного и семейного права. Сравнение с иностранными моделями уравнивания пенсионных прав показывает, что российский законодатель сознательно отвергает альтернативы ради стабильности официального брака. Автор приходит к выводу, что формализация семейных отношений является целенаправленной государственной политикой, а не побочным эффектом судебной экономии, при этом процессуальные механизмы выполняют конституирующую, а не обслуживающую функцию.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, семья, брак, семейные ценности, Конституционный Суд РФ, официальные семейные отношения, наследственное право, социальные выплаты

Для цитирования: Стабровская Е.А., Герман Е.С. Конституционно-правовое регулирование и защита института семьи и брака в Российской Федерации // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 132 – 139. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-132-139

Поступила в редакцию: 25 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

Constitutional and legal regulation and protection of the institution of family and marriage in the Russian Federation

¹ Stabrovskaya E.A., ¹ German E.S.,

¹ Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General
of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation

Abstract: after the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation, the Russian legislator in 2025-2026 built a system in which property and social preferences are granted only if a registered marriage exists. The Constitutional Court of the Russian Federation, in a number of rulings, confirmed the priority of the formal status of the family, indicating that long-term separation of spouses does not affect inheritance rights if the marriage has not been dissolved. In the sphere of payments to the families of deceased military personnel, the legislator introduces an exception, allowing judicial equalization of de facto cohabitation to marriage in case of long-term cohabitation and the presence of a common child. The legal positions of the Constitutional Court have also simplified the procedures for obtaining a spouse's notarized consent in hard-to-reach areas. The purpose of this study is to identify and characterize the model of "official family relations" formed in Russian law, within which registered marriage acts as the sole legal factor for property and social preferences. The objectives include the analysis of normative and judicial sources, the identification of internal inconsistencies of the model, and the determination of its value foundations. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results to improve law enforcement practice and legislation in the field of family relations, as well as for teaching constitutional and family law. Comparison with foreign models of equalization of pension rights shows that the Russian legislator consciously rejects alternatives for the sake of the stability of official marriage. The author concludes that the formalization of family relations is a purposeful state policy, not a side effect of judicial economy, while procedural mechanisms perform a constitutive rather than a servicing function.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, family, marriage, family values, Constitutional Court of the Russian Federation, official family relations, inheritance law, social payments

For citation: Stabrovskaya E.A., German E.S. Constitutional and legal regulation and protection of the institution of family and marriage in the Russian Federation. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 132 – 139. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-132-139

The article was submitted: January 25, 2025; Approved after reviewing: March 23, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

Поправки к Конституции РФ 2020 года закрепили защиту института брака как союза мужчины и женщины (ст. 67.1 Конституции РФ) [1], а также приоритет традиционных ценностей. При этом ключевое понятие «семейные ценности» не получило легальной дефиниции, что порождает доктринальную неопределенность. В настоящей статье под семейными ценностями в конституционно-правовом смысле понимается система охраняемых государством нормативных ориентиров, включающая признание брака как добровольного союза мужчины и женщины (статья 1 СК РФ), приоритет зарегистрированного брака как единственного правообразующего фактора для имущественных и социальных предпочтений, а также следование принципам, закрепленным в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (крепкая семья, забота о детях, взаимопомощь). Данное определение реконструировано автором из системной взаимосвязи ст. 38, ст. 67.1 Конституции РФ [1] и правовых позиций Конституционного Суда РФ, выраженных в Определении Конституционного Суда РФ № 2915-О [6]. Указанные изменения во многом предопределили вектор развития семейного законодательства, который в 2025-2026 гг. получил конкретное наполнение в виде новых нормативных актов и правовых позиций высших судебных инстанций. Согласно ст. 38 Конституции РФ [1], государство обязано защищать семью, материнство, отцовство и детство. В российской правовой системе семья традиционно понимается как союз, основанный на браке, родстве или свойстве. Брак представляет собой добровольный союз мужчины и женщины, регистрируемый в органах ЗАГС [2, ст. 1, 12]. Сожительство, напротив, не порождает правовых последствий, свойственных официальному браку. Конституционные положения о защите семьи конкретизируются в актах текущего законодательства и получают истолкование в решениях Конституционного Суда РФ.

Материалы и методы исследований

Исследование базируется на нескольких взаимодополняющих методах. Формально-юридический метод позволил проанализировать тексты нормативных правовых актов и судебных решений. Сравнительно-правовой метод применен при сопоставлении российской модели регулирования с германским механизмом уравнивания пенсионных прав супругов. Системный и структурно-функциональный методы дали возможность выявить внутреннюю противоречивость отечественной модели официальных семейных отношений и охарактеризовать её как двухрежимную. Материалами исследования послужили Конституция РФ, Семейный кодекс РФ, федеральные законы, определения и постановления Конституционного Суда РФ, обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, а также доктринальные источники и экспертные заключения Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства.

Результаты и обсуждения

Одним из ключевых актов, определивших вектор развития правового регулирования, стало Определение Конституционного Суда РФ от 11 ноября 2025 г. № 2915-О [6]. Поводом к его вынесению послужила жалоба гражданина Г., пытавшегося оспорить наследственные права пережившего супруга своей сестры. Заявитель настаивал на том, что брачные отношения фактически прекратились более чем за 30 лет до смерти наследодательницы. Супруги длительное время не проживали совместно, были зарегистрированы по разным адресам, и переживший супруг создал новую семью. Расторжение брака в установленном порядке произведено не было. Отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, Конституционный Суд РФ сформулировал правовую позицию, имеющую принципиальное значение для всей системы семейного права. В п. 2.2 Определения № 2915-О [6] Суд указал, что брак как союз, зарегистрированный в органах ЗАГС, подлежит государственной охране в силу ст. 38 Конституции РФ. Его прекращение возможно исключительно по основаниям, предусмотренным Семейным кодексом РФ: смерть, объявление умершим, расторжение в судебном или административном порядке. В п. 2.3 Суд обратил внимание на то, что фактическое прекращение семейных отношений (раздельное проживание, отсутствие общего хозяйства) не входит в перечень оснований прекращения брака. Следовательно, оно не может служить основанием для утраты наследственных прав супруга. В п. 2.4 Суд подчеркнул: если лицо, состоя в браке, при жизни не инициировало его расторжение, предполагается его воля на сохранение правового статуса супруга. Оспаривание этого статуса после смерти наследодателя третьими лицами нарушает конституционные принципы свободы воли и равенства прав наследников первой очереди [6, п. 2.4]. Правовая позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в п. 2.2–2.4 Определения № 2915-О [6], устанавливает приоритет официального брака над фактическими обстоятельствами семейных отношений. Имущественные права супругов, включая наследственные, определяются исключительно фактом государственной регистрации брака и его юридическим прекращением.

Анализ судебной практики, обобщенной Верховным Судом РФ в 2025 г., свидетельствует о единообразном применении данной правовой позиции. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 25 апреля 2025 г. [7], в разделе, посвященном наследственным спорам, прямо указано: «фактическое непроживание с наследодателем в течение длительного времени при отсутствии зарегистрированного расторжения брака не является основанием для признания пережившего супруга утратившим право на наследование по закону, поскольку в силу п. 2 ст. 16 Семейного кодекса РФ брак прекращается только вследствие смерти супруга или его расторжения в установленном порядке» [7, п. 3.2].

Наряду с укреплением формального статуса брака законодатель в рассматриваемый период уделил внимание процессуальным механизмам, обеспечивающим реализацию семейных прав в социальной сфере. Речь идет об установлении эффективных процедур, позволяющих своевременно получать социальные выплаты и преодолевать ведомственные барьеры. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 317-ФЗ [4] внес изменения в Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», а также в Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти». В соответствии с ч. 3 ст. 1 Закона № 317-ФЗ [4] ведомства обязаны разработать регламенты принятия решений о выплатах членам семьи погибших (умерших) сотрудников, включая перечни документов и сроки. Особое значение имеет процессуальная гарантия, закрепленная в ч. 5 ст. 2 Закона № 317-ФЗ [4], которой дополнена ст. 12 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих». Согласно действующему законодательству, если возникает спор о том, кто именно является членом семьи погибшего, и он разрешается в суде, срок выплаты компенсации исчисляется не с момента смерти, а со дня получения страховщиком или работодателем всту-

пившего в силу решения суда. С конституционно-правовой точки зрения данная норма обеспечивает реализацию права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) [1].

Анализ Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 317-ФЗ [4] позволяет увидеть более сложную картину взаимодействия формальных и фактических критериев. В отличие от наследственной сферы, где, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ (Определение № 2915-О [6]), юридическое значение имеет исключительно факт государственной регистрации брака, Закон № 317-ФЗ вводит исключение для целей получения социальных выплат в связи с гибелью военнослужащего. В соответствии с изменениями, внесенными в Федеральный закон «О денежном довольствии военнослужащих», лица, не состоявшие в зарегистрированном браке с погибшим, вправе претендовать на выплаты при условии установления в судебном порядке факта совместного проживания не менее трех лет и наличия общего несовершеннолетнего ребенка. Срок выплаты компенсации исчисляется со дня получения страховщиком или работодателем вступившего в силу решения суда [4, ч. 5 ст. 2]. Государство, сохраняя приоритет зарегистрированного брака как общего правила, в исключительных случаях (гибель участника специальной военной операции, длительное совместное проживание, наличие общего ребенка) допускает приравнивание фактических брачных отношений к зарегистрированным. Такое приравнивание осуществляется не автоматически, а через судебную процедуру установления юридического факта. При этом статья 5 Закона № 317-ФЗ прямо устанавливает запрет на признание фактических отношений в случаях, если хотя бы одно из лиц уже состоит или состояло в зарегистрированном браке, а также между близкими родственниками.

Аналогичный подход, предполагающий приоритет фактической семейной связи над формальной регистрацией брака для целей получения выплат в связи с гибелью военнослужащего, прослеживается и в правовых позициях Верховного Суда РФ. В Обзоре судебной практики № 1 (2025) [7] судам разъяснены особенности распределения выплат между членами семьи погибшего с учетом реальных отношений. Кроме того, в Определении от 6 октября 2025 г. № 39-КГ25-4-К1 [15] Верховный Суд РФ указал, что при издании приказа о производстве единовременной выплаты командир части должен учитывать фактические обстоятельства, а не только формальный статус получателя.

При более строгом анализе обнаруживается разнонаправленность подходов законодателя и судов, которая не получает легального обоснования. Первое расхождение касается отраслевого дуализма формального критерия. В наследственном праве факт длительного раздельного проживания супругов в течение 30 лет не имеет юридического значения – значение имеет только регистрация брака. В сфере социальных выплат военнослужащим тот же законодатель допускает обратное: при длительном совместном проживании (3 года) и наличии общего ребенка фактический сожитель приравнивается к супругу. В нормативных актах отсутствует легальное обоснование данного различия, что оставляет вопрос открытым для доктринального осмысления. Второе расхождение касается ценностного обоснования исключения. Исключение в Законе № 317-ФЗ привязано к гибели военнослужащего. Можно предположить, что законодатель руководствуется идеей компенсационной справедливости: фактическая семья погибшего защитника Отечества не должна остаться без поддержки вне зависимости от формальностей. Однако тогда остается неясным, почему аналогичная логика не применяется к другим категориям (гибель в результате теракта, несчастного случая на производстве, смерти от болезни). Третье расхождение – процессуальная асимметрия. В наследственном праве переживший супруг, 30 лет не живший с умершим, автоматически наследует – доказывать ничего не требуется. В сфере выплат военнослужащим фактический сожитель должен доказывать совместное проживание в суде. Таким образом, формальный супруг оказывается в лучшем положении, чем фактический супруг, десятилетиями живший с погибшим, но не оформивший брак. Указанные расхождения носят не случайный, а системный характер. Из анализа нормативных актов следует, что формируются два правовых режима. Первый – «жесткий формализм» в сфере наследования, направленный на защиту института брака как такового даже ценой несправедливости в конкретном деле. Второй – «смягченный формализм с судебным фильтром» в сфере социальных выплат, нацеленный на достижение социально значимой цели (поддержка фактической семьи погибшего военнослужащего) при сохранении высоких процессуальных барьеров.

Еще одним элементом процессуальных гарантий стало Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2025 г. № 36-П [9]. Поводом для его вынесения послужила ситуация, когда супруга военнослужащего, проходящего службу в отдаленном гарнизоне, не могла дать нотариально удостоверенное согласие на сделку с недвижимостью в рамках накопительно-ипотечной системы из-за отсутствия нотариуса в труднодоступной местности. В п. 3.2 Постановления № 36-П [9] Суд признал неконституционным требование об обязательном личном присутствии супруга у нотариуса в подобных случаях. В п. 4 Суд указал, что формальное требование закона не должно создавать препятствия для реализации семейных прав, в частности

права на жилище (ст. 40 Конституции РФ) [1]. Суд обязал законодателя предусмотреть альтернативный порядок получения согласия (с использованием дистанционных форм взаимодействия либо через уполномоченных лиц). В совокупности Федеральный закон № 317-ФЗ [4] и Постановление Конституционного Суда РФ № 36-П [9] образуют систему процессуальных гарантий, направленных на своевременную реализацию семейных прав.

На международном уровне подход Российской Федерации к регулированию семейных и смежных с ними отношений продолжает сталкиваться с критикой. В постановлении по делу *Klimova and Others v. Russia* от 4 февраля 2025 г. [11] ЕСПЧ в п. 112–118 констатировал нарушение статей 8 и 10 Конвенции в связи с привлечением заявителей к ответственности за «пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних». В постановлении по делу *Bazhenov and Others v. Russia* от 4 февраля 2026 г. [12] ЕСПЧ в п. 65–72 обязал Российскую Федерацию выплатить компенсацию заявителям, пострадавшим от неконсенсусного распространения частных данных, включая информацию о сексуальной ориентации. Юридическая значимость этих решений для российского правового порядка определяется положениями Федерального конституционного закона от 9 июня 2022 г. № 2-ФКЗ [3], которым установлен принцип невозможности исполнения решений Европейского Суда по правам человека, противоречащих Конституции РФ. Постановления ЕСПЧ 2025–2026 гг. [11; 12] не подлежат исполнению в порядке, установленном ранее, и не создают для Российской Федерации обязательств по изменению национального законодательства или правоприменительной практики.

Для понимания альтернативных подходов к регулированию имущественных последствий брака представляет интерес германский опыт уравнивания пенсионных прав супругов (*Versorgungsausgleich*) [13]. Выбор германской модели обусловлен тем, что, как и в России, в Германии брак является зарегистрированным союзом, однако подход к имущественным последствиям его прекращения (включая уравнивание пенсионных прав) демонстрирует принципиально иную ценностную ориентацию – на экономическую справедливость между супругами, а не на сохранение формального статуса. В соответствии с § 1587 Гражданского уложения Германии (BGB) и Законом об уравнивании пенсионных прав пенсионные права, накопленные супругами в период брака, подлежат перераспределению между ними при разводе. Такой подход позволяет компенсировать экономические потери супруга, осуществлявшего уход за детьми. Внедрение подобного механизма в России вступало бы в противоречие с положениями ст. 38 Конституции РФ [1] и ст. 1 Семейного кодекса РФ [2], закрепляющими приоритет укрепления семьи и стабильности брачного союза. Разное значение фактического прекращения брака в России и Германии объясняется противоположными ценностными установками. Российское право охраняет формальный брак как таковой. Германское – стремится к экономической справедливости между фактически прекратившими отношения супругами. Экспертная позиция Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства также подтверждает избранный вектор. В экспертном заключении № 252/3-2025 от 10 июня 2025 г. [14] (раздел 3 «О системности изменений семейного законодательства») Совет указал на недопустимость изменений, которые могут повлиять на стабильность брачно-семейных отношений [14, с. 130–132]. Совет поддержал подход, при котором формальные критерии (момент признания брака действительным, основания для его оспаривания) имеют приоритет над фактическими обстоятельствами.

Проведенный анализ позволяет ответить на ключевые дискуссионные вопросы, возникающие в связи с формализацией семейных отношений в российском праве. Формализация является целенаправленной политикой государства, а не побочным эффектом судебной экономии. Приоритет формального брака не согласуется со ст. 8 ЕКПЧ в интерпретации ЕСПЧ. Однако в силу Федерального конституционного закона № 2-ФКЗ этот конфликт юридически «снят» на уровне обязательности исполнения. При этом он сохраняется как научно-дискуссионная проблема внутренней согласованности Конституции РФ. Разное значение фактического прекращения брака в России и Германии, как уже отмечалось, объясняется противоположными ценностными установками. Негативные последствия формализации для детей в фактических союзах и для лиц с отсутствующим супругом реальны и существенны. Однако они не рассматриваются законодателем как дефект модели. В рамках текущей модели данные последствия не признаются требующими корректировки ради сохранения ценностного приоритета стабильности формального брака.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько взаимосвязанных выводов, раскрывающих сущность и последствия официального закрепления брака в современном российском праве. В российском конституционно-правовом регулировании сформировалась последовательная модель «официального семейного союза». В рамках этой модели зарегистрированный брак выступает единственным право-

образующим фактором для имущественных и социальных предпочтений. Правовая позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в Определении № 2915-О, устанавливает приоритет формального статуса над фактическими обстоятельствами семейных отношений. Факт длительного раздельного проживания при отсутствии зарегистрированного расторжения брака не имеет юридического значения для наследования, что подтверждается единообразной практикой судов общей юрисдикции и разъяснениями Верховного Суда РФ.

Вместе с тем указанная модель не является абсолютно единообразной. Наряду с «жестким формализмом» в наследственном праве законодатель вводит «смягченный формализм» в сфере социальных выплат семьям погибших военнослужащих. Федеральный закон № 317-ФЗ допускает судебное приравнивание фактических отношений к зарегистрированному браку при наличии длительного совместного проживания и общего ребенка. Данный подход подтвержден правовыми позициями Верховного Суда РФ, в том числе в Обзоре судебной практики № 1 (2025) и Определении № 39-КГ25-4-К1. Однако практика 2025 года показывает, что это исключение толкуется судами ограничительно, а Конституционный Суд РФ отказался распространять его на случаи, не подпадающие под буквальное толкование закона.

Обнаружено разнонаправленное движение современной судебной политики. С одной стороны, отказ в признании сожительства для целей получения выплат в связи с гибелью участника СВО. С другой – учет фактических обстоятельств воспитания при распределении выплат между родителями погибшего. Это создает правовую неопределенность, требующую вмешательства законодателя. Процессуальные механизмы – исчисление срока выплаты с момента вступления в силу решения суда, дистанционное получение нотариального согласия в труднодоступных местностях – выступают не второстепенными, а конституирующими элементами формализации, обеспечивая неразрывность формального статуса и его практической осуществимости.

Сравнительно-правовой анализ германской модели уравнивания пенсионных прав супругов показывает, что она не воспринята российским законодателем не в силу технической сложности, а вследствие принципиального расхождения ценностных установок. В России стабильность формального брака как таковая рассматривается как самодовлеющая конституционная ценность, что подтверждается и экспертными заключениями Совета при Президенте РФ по кодификации гражданского законодательства.

Дальнейшее развитие законодательства, вероятно, пойдет по пути сохранения формальной модели, в рамках которой «жесткий формализм» остается общим правилом. «Смягченный формализм», допускающий судебное приравнивание фактических отношений к зарегистрированному браку, будет и далее применяться как узкое законодательное исключение – прежде всего в сфере социально значимых выплат семьям погибших участников специальной военной операции. При этом отсутствие легальных критериев для распространения такого исключения на иные сферы (например, на наследование или иные категории социальных выплат) сохраняет риск правовой неопределенности. Выявленная разнонаправленность подходов требует выработки четких критериев переключения между общим правилом и исключением, чтобы исключить произвольное применение права и обеспечить баланс между формальной стабильностью брака и фактической справедливостью в конкретных жизненных ситуациях.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.01.2026)
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ: в ред. от 31.07.2025 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.01.2026)
3. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 09.06.2022 № 2-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 13.01.2026)
4. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412323904/> (дата обращения: 13.01.2026)
5. Морозова О.А. К вопросу о брачно-семейных отношениях в современной России // Евразийский юридический журнал. 2025. № 4 (203). С. 191 – 193. DOI: 10.46320/2073-4506-2025-4-203-191-193

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2025 г. № 2915-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Г. на нарушение его конституционных прав статьей 16 Семейного кодекса Российской Федерации» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413038857/> (дата обращения: 13.01.2026)

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.04.2025 // Legalacts.ru. URL: <https://legalacts.ru/sud/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-n-1-2025/> (дата обращения: 13.01.2026)

8. Титор С.Е. Дополнительная поддержка материнства как залог сохранения семейных ценностей // Вестник университета. 2025. № 2. С. 196 – 202. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-2-196-202

9. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2025 г. № 36-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Лустача О.И.» // Гарант.ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412855567/> (дата обращения: 13.01.2026)

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2025 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506383/ (дата обращения: 13.01.2026)

11. Klimova and Others v. Russia: applications nos. 33421/16, 8156/20, 32416/20, 39855/20, 10497/21, 33277/21 and 46226/21: judgment of the European Court of Human Rights of 4 February 2025 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-239847> (дата обращения: 13.01.2026)

12. Vazhenov and Others v. Russia: applications nos. 8825/22 and 19130/22: judgment of the European Court of Human Rights of 4 February 2026 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-242567> (дата обращения: 13.01.2026)

13. Versorgungsausgleich; Durchführung: Behördlicher Leistungswegweiser / Bayerisches Staatsministerium der Justiz. URL: <https://www.johannesberg.de/behoerdenwegweiser/leistungen/detail/26287> (дата обращения: 13.01.2026)

14. Экспертное заключение Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства № 252/3-2025 от 10 июня 2025 г. «О моменте, с которого брак признается действительным при отпадении оснований для его оспаривания, и защите Семейного кодекса РФ от несистемных и непродуманных изменений». URL: <https://privlaw.ru/upload/iblock/624/k8ucrevk7051hrp2rdcrsrbfvr7nm4fc/> (дата обращения: 13.01.2026)

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 октября 2025 г. № 39-КГ25-4-К1 (УИД 46RS0030-01-2023-010813-49) // КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=868810> (дата обращения: 13.01.2026)

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993: with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 13.01.2026)

2. Family Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.1995 No. 223-FZ: as amended on 31.07.2025. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 13.01.2026)

3. On Amendments to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation": Federal Constitutional Law of 09.06.2022 No. 2-FKZ. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 13.01.2026)

4. Federal Law of 31 July 2025 No. 317-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412323904/> (date of access: 13.01.2026)

5. Morozova O.A. On the Issue of Marital and Family Relations in Modern Russia. Eurasian Law Journal. 2025. No. 4 (203). P. 191 – 193. DOI: 10.46320/2073-4506-2025-4-203-191-193

6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 11, 2025 No. 2915-О "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen G. Regarding the Violation of His Constitutional Rights by Article 16 of the Family Code of the Russian Federation". Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413038857/> (date of access: 01.13.2026)

7. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2025): approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, April 25, 2025. Legalacts.ru. URL: <https://legalacts.ru/sud/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-n-1-2025/> (date of access: 01.13.2026)

8. Titor S.E. Additional support for motherhood as a guarantee of preserving family values. University Bulletin. 2025. No. 2. P. 196 – 202. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-2-196-202

9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 30, 2025 No. 36-P “On the case of verifying the constitutionality of paragraph 3 of Article 35 of the Family Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen O.I. Lustach”. Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412855567/> (date of access: 13.01.2026)

10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2025 No. 24-P "On the case of verifying the constitutionality of Part One of Article 151 and Article 1112 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens A.G. Bayguskarova and M.G. Mukhametchin". ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506383/ (date of access: 13.01.2026)

11. Klimova and Others v. Russia: applications nos. 33421/16, 8156/20, 32416/20, 39855/20, 10497/21, 33277/21 and 46226/21: judgment of the European Court of Human Rights of 4 February 2025. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-239847> (date of access: 01.13.2026)

12. Bazhenov and Others v. Russia: applications no. 8825/22 and 19130/22: judgment of the European Court of Human Rights of 4 February 2026. HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-242567> (date of access: 13.01.2026)

13. Versorgungsausgleich; Durchführung: Behördlicher Leistungswegweiser. Bayerisches Staatsministerium der Justiz. URL: <https://www.johannesberg.de/behoerdenwegweiser/leistungen/detail/26287> (date of access: 13.01.2026)

14. Expert opinion of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation No. 252/3-2025 of 10 June 2025 "On the moment from which a marriage is recognized as valid when the grounds for challenging it no longer exist, and the protection of the Family Code of the Russian Federation from unsystematic and ill-considered changes." URL: <https://privlaw.ru/upload/iblock/624/k8ucrevk7051hrp2rdcrsrbfvr7nm4fc/> (date of access: 13.01.2026)

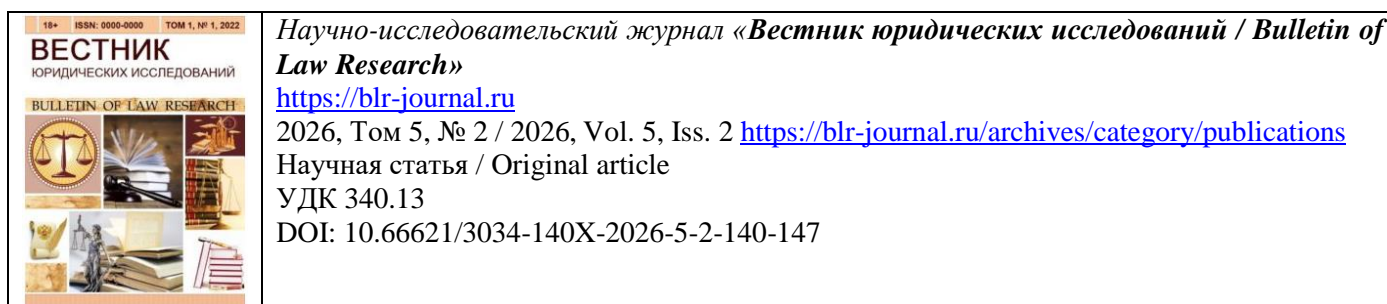
15. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 6, 2025 No. 39-KG25-4-K1 (UID 46RS0030-01-2023-010813-49). ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=868810> (date of access: 13.01.2026)

Информация об авторах

Стабровская Е.А., Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Герман Е.С., Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

© Стабровская Е.А., Герман Е.С., 2026

Развитие судебной системы Российской Империи (конец XVIII – до реформ 1860-х годов): организационно-правовой аспект

¹ Упоров И.В.,

¹ доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
профессор, независимый исследователь

Аннотация: в статье рассматриваются особенности развития судебной системы Российской империи в период от середины 1770-х гг. до известной судебной реформы 1864 г. Акцент делается на анализе такого фундаментального закона, принятого в годы правления Екатерины II, как «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.), в части регламентации организации судов на всех уровнях. Помимо этого, привлечены научные труды, в которых находят отражение исследуемые вопросы. Отмечается, что предусмотренная данным актом структура судов разных видов была более прогрессивной, чем ранее, в частности, была осуществлена унификация судебных учреждений, более четко определена их иерархия, компетенция и др.

Однако, условия абсолютизма отражали некий компромисс, который достигался различными структурами в контексте множественности противоречий. С одной стороны, актуализировалось стремление сепарации суда от администрации и учреждение дифференцированных судов для разных сословий. С другой стороны, наблюдалась тенденция к тому, чтобы губернаторы осуществляли власть и над судами. Судебная система, которая была закреплена в Учреждениях, функционировала в течение почти 90 лет и сопровождалась не всегда исполнением положений, предписанных законами. Подобный застойный кризис для российского общества имел отнюдь не положительные последствия.

Ключевые слова: судебная система, Учреждения для управления губерний, губернские и уездные суды, дворянство, абсолютизм

Для цитирования: Упоров И.В. Развитие судебной системы Российской Империи (конец XVIII – до реформ 1860-х годов): организационно-правовой аспект // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 2. С. 140 – 147. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-140-147

Поступила в редакцию: 26 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 марта 2025 г.; Принята к публикации: 28 апреля 2026 г.

Development of the judicial system of the Russian Empire (late 18th century – before the reforms of the 1860s): organizational and legal aspect

¹ Uporov I.V.,

¹ Doctor of Historical Sciences (Advanced Doctor),
Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Professor, Independent Researcher

Abstract: this article examines the development of the judicial system of the Russian Empire from the mid-1770s to the famous judicial reform of 1864. Emphasis is placed on the analysis of such a fundamental law, adopted during the reign of Catherine II, as the "Institutions for Governance of the Provinces of the All-Russian Empire"

(1775), in terms of regulating the organization of courts at all levels. In addition, scholarly works reflecting these developments are included. It is noted that the structure of various types of courts envisaged by this act was more progressive than previously observed. In particular, judicial institutions were unified; their hierarchy, jurisdiction, and other functions were more clearly defined.

However, the conditions of absolutism reflected a certain compromise that was reached by various structures in the context of multiple contradictions. On the one hand, there was a desire to separate the court from the administration and establish differentiated courts for different social classes. On the other hand, there was a tendency for governors to exercise authority over the courts as well. The judicial system, which was established in the Institutions, functioned for almost 90 years and was not always accompanied by the implementation of the provisions prescribed by the laws. This stagnant crisis had far from positive consequences for Russian society.

Keywords: judicial system, Institutions for Governing Provinces, provincial and district courts, nobility, absolutism

For citation: Uporov I.V. Development of the judicial system of the Russian Empire (late 18th century – before the reforms of the 1860s): organizational and legal aspect. Bulletin of Law Research. 2026. 5 (2). P. 140 – 147. DOI: 10.66621/3034-140X-2026-5-2-140-147

The article was submitted: January 26, 2025; Approved after reviewing: March 24, 2025; Accepted for publication: April 28, 2026.

Введение

В период до начала известных реформ либерального толка (середина 1860-х гг.) судебная система Российской империи длительное время (без малого целое столетие) не претерпевала принципиальных решений, при этом организационно-правовые основы отправления правосудия были сформированы еще при Екатерине II – в рамках реформ государственного управления середины 1770-х гг. Тогда в рамках этих реформ был принят закон под названием «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. [1] (далее – «Учреждения для управления»). Этим необычайно объемным актом и рядом принятых несколько позже других законов и распоряжений императрицы было осуществлено фундаментальное изменение государственного аппарата в функционально-территориальном аспекте, что позволило унифицировать деятельность органов власти и управления, как в центре так и не местах.

Сфера судебных отношений не стала исключением. До этого суд в Российской империи не был отделен от администрации, но еще с петровских времен уже функционировал институт профессиональных судей, которые, однако, были встроены в вертикаль государственного управления на всех уровнях. Екатерина II, как известно, увлекалась либеральными европейскими идеями, и там в то время уже звучала мысль о разделении государственной власти на ветви, которые не имели бы соподчинения [2]. Предпринятая императрицей реформа государственного управления включала в себя, среди прочего, попытку решения этого вопроса, но, разумеется, в сильно ограниченном виде, поскольку иного в Российской империи с абсолютистской формой государственного правления быть не могло по определению.

Опираясь на вышесказанное, конкретизируется понятийный аппарат данного исследования: целью определено выявление организационно-правового аспекта судебной системы Российской империи в период с конца 18 века до реформ 1860-х годов. В качестве объекта выступает функционирование судебной реформы указанного времени, предметом является организационно-правовая сторона данного юридического процесса.

Материалы и методы исследований

В составе источников литературы были использованы первоисточники (Учреждения для управления губерний Всероссийской империи), работы, раскрывающие сущность функционирования системы уголовного права (В.Н. Орлов, В.Е. Эминов, Е.А. Антонян, С.А. Борсученко, О.Е. Кутафин, В.М. Лебедев, Г.Ю. Семигин), изучающие отдельные компоненты судопроизводства (Я.Н. Куемжиева, О.В. Кузьмина, Е.Л. Поцелуев).

Сравнительный анализ вышеуказанных источников позволяет выявить специфику исследуемой тематики, дифференцируя различные точки зрения современных авторов с опорой на текст первичных документов.

Результаты и обсуждения

Судебная система с конца 18 века до второй половины 19 века, а точнее до реформ 1860-х гг. имела неоднозначный характер, который олицетворял начало нового периода трансформации и функционирования судебной системы государства.

Судебные учреждения того времени не соответствовали требованиям общества: структура суда и порядок назначения судей устарели, вопросы подведомственности также нуждались в разрешении и в целом говорить о правосудии в судебной системе было сложно. Наименее защищенные сословия (крестьяне, беднейшие слои населения) не могли претендовать на справедливое разрешение дела и это, конечно же вызывало недовольства, конфликты и противоречия в обществе.

Система законодательства, регулирующая судоустройство, процессуальные моменты, также была далека от совершенства: отсутствовали механизмы, позволяющие решить спорные вопросы в работе судов, субординацию между различными их уровнями, а также позволяющие дифференцировать наказания в едином составе преступления, но по различной квалификации. Все это и многое другое обусловило предпосылки реформирования судебной системы и последующие реформы 1860-х гг. усилили эту актуальность: появились категории населения (освобожденные крестьяне), по отношению к которым необходимо было применять отличные от действующих уголовные и гражданские правовые нормы.

Соответственно для судебных мест, деятельность которых регулировалась «Учреждениями для управления», была более определена коллегиальность при решении конкретных дела, которые разбирали суды, а также в значительно большей степени, чем раньше, законодатель стал допускать к отправлению правосудия представителей городских и земских обществ, определяемых на выборной основе. В данных учреждениях впервые были сформированы судебные палаты, которые предусматривали самостоятельное функционирование и дифференцировались по функциям: в контексте рассмотрения отдельно гражданских и отдельно уголовных дел. Также предусматривались сословные суды, которые все же носили характер общих для рассмотрения обеих, выше упомянутых категорий дел. Данный факт в полной мере отражал абсолютизм в качестве формы государственного правления в Российской империи.

Сословный характер судов, безусловно, не способствовал полноценной реализации прав граждан, однако, дифференциация на гражданские и уголовные дела позволяет говорить о начальном этапе построения судебной системы, элементы которой функционируют и на настоящий момент. Громоздкость предыдущей структуры судов, неравномерное распределение их полномочий предопределили значимость тех изменений, которые происходили в дореформенной России того периода.

Нормы «Учреждений для управления» определяли губернские суды в качестве основы действующей судебной системы. Данные правовые институты являли собой коллегии, более громоздкой и иерархичной конструкции чем суды, которые действовали до этого. Однако в отличие от предыдущих, надворных судов штатный состав судебных органов губернии был стандартным. Данный факт отражал компромисс между стремлением к независимости, сепарации суда от административных органов при попытке учреждения судов для каждого сословия отдельно с дифференцированным составом, отраслевой направленностью и возможностью наделить должность губернатора контрольно-надзорными функциями, которые сочетают административные и юридические компоненты, распространяясь на различные сферы жизнедеятельности в губернии. Частичное отделение судебной власти от административной позволило не только «разгрузить» суды, но и несколько позже подойти к решению такого вопроса как предъявление профессиональных квалификационных требований к судьям различной отраслевой направленности. Именно это послужило основой формирования отдельной судебной власти с наделением ее частичными полномочиями управления в своей юрисдикции, не касаясь общего руководства в губернии, уезде.

Однако, то пространство, которое должно было функционировать в контексте «Судебной системы», определенной «Учреждениями для управления» создавалось в качестве самостоятельной системы управления в губернии. И данные составляющие должны были функционировать параллельно в правовой и юридической сферах. Общие правила устанавливали необходимость работы двух судебных инстанций: в уезде – низших, в губернских городах – высших. Это должно было способствовать сближению власти, судебных представителей с населением, повысить уровень доверия к суду. Подобные меры дополнялись тем, что членами судов были представители местных обществ, которые работали на выборной основе. Такая «демократизация», сопровождающая формирование и функционирование судов в Российской империи являла собой основу для значительных перемен в работе судебной системы, подготовке судей и просветительской деятельности с населением, что было особенно необходимо, учитывая невысокий образовательный уровень основной части граждан [3, с. 83].

Ориентируясь на то, что значительная часть населения была неграмотной и не могла полноценно участвовать в судебном процессе ни в роли ответчика, чтобы защитить свои права, ни тем более в качестве судей, для осуществления производства по различным категориям дел, необходимо было актуализировать вопрос к выделению отдельного уровня судов для подобных категорий людей.

В изучаемой сфере возможно констатировать ряд интересных фактов, отражающих перемены и ведущих судебную систему к ориентации на народ, его потребности и возможность учета общественного мнения при судопроизводстве. Однако, невозможно было, конечно же допустить полного равноправия между решением дел для различных сословий и преимущество дворян и купцов в осуществлении правосудия, конечно было бесспорным.

К примеру, нормативные положения главы 14 «Учреждений управления» отражали следующее устройство системы: верховной властью в каждой губернии учреждался верхний земский суд. Его структура включала двух председателей (первого и второго), десять заседателей, которые избирались один раз в три года из числа дворян по месту территории, которая охватывалась юрисдикцией суда. Данный суд включал два департамента, которые отдельно рассматривали гражданские и уголовные дела и в их подчинении были дворянские опеки, уездные суды и нижние земские суды, которые отражали территориальный принцип функционирования «по окружности». Территориальный принцип работы позволял оптимизировать их деятельность, позволяя контролировать подведомственные территории, определяя круг потенциальных правонарушителей и рассмотрение дела зачастую носило местный характер. Знание людей, проживающих в уезде, губернии, помогало осуществлять дифференцированный подход к решению дел и сформировало предпосылки индивидуальной профилактической деятельности, недопустимости преступлений на последующих этапах развития судебной системы.

Для более детального иллюстрирования возможно привести в пример ст. 173, которая закрепляла, что все жалобы и апелляции на решения уездных судов, которые подают дворяне на дворян, гражданского и уголовного характера, касающиеся привилегий, разделения земельных вотчин, завещаний имений относительно распределения наследства, спорных вопросов собственности, восстановления чести и достоинства, вносятся в верхний земский суд, т.к. именно он решает противоречивые судебные разбирательства [1].

Специфика подачи и рассмотрения апелляции сопровождалась внесением определенного залога и что интересно, залог не возвращался, если решение суда низшей инстанции оставалось неизменным. Так что в этом случае риск утраты ста рублей (размера вносимого платежа) должен был быть минимизирован либо уверенностью и возможностью доказать собственную невиновность, либо участием адвоката, который мог растолковать основания подачи апелляционной жалобы и привести веские аргументы для изменения предыдущего судебного решения.

Структура расправных судов, их дифференциация по уровням судьи и судьи нижнего земского суда также явила собой попытку интеграции представителей различных сословий в едином судопроизводстве. Назначение расправного судьи из представителей чиновников было обусловлено также и необходимостью наличия образования для рассмотрения дела, вынесения решения, определения наказания. Судьи нижнего земского суда выбирались по территориальному принципу и также выбирались из людей, в достаточной мере соответствующих требованиям к осуществлению судебной власти (безупречная репутация, дворянское сословие, опыт работы чиновником). Говоря об этом, конечно же, не ведем речь о квалификации и профессиональной компетентности, однако, как подчеркивали ранее, начинается становление системы формирования специальных критериев по отношению к гражданам, осуществляющим судебные полномочия. На данном этапе кандидатуры потенциальных судей рассматривал и утверждал губернатор, что также было немалой ответственностью, т.к. решение подобных вопросов в одиночку было затруднено.

В данном случае мы встречаемся с такой особенностью, как предъявление квалификационных профессиональных требований, изучение личностных качеств, которые необходимы для судьи. К примеру, судья советского суда, по определению должен обладать такими качествами как совестливость, способность честно говорить, рассудительность, справедливость и беспорочность. Это было важно не только в контексте осуществления правосудия, но и в том плане, что хоть суд считался доступным для всех сословий, в основном был предназначен для привилегированных сословий [4, с. 105].

Также возможно отметить, что в судебной системе были несколько новелл, касающихся апелляции: к примеру урегулированная система подачи апелляции, порядок ее рассмотрения. К примеру функции высших инстанций: ревизионной и апелляционной для городского суда выполнял Губернский Магистрат, который функционировал в каждой губернии и имел в составе двух председателей и шесть заседателей. Данные председатели были назначены Сенатом на основании представления губернского правления. Заседателей данного суда выбирали каждые три года из числа мещан, купцов методом баллотировки в губернском

городе. Данные кандидатуры необходимо было утвердить губернатору. Губернский магистрат при этом состоял из двух департаментов: гражданских и уголовных дел и когда гражданских дел накапливалось много, то они могли рассматриваться обоими департаментами, что обеспечивало максимальную на тот период доступность и возможность осуществления правосудия в отношении всех заявителей. В подчинении губернского магистрата были городские магистраты, ратуши, сиротские суды той губернии, где был создан суд. Уточняется, что уголовные дела, которые были рассмотрены Губернским магистратом, подлежали проверке и могли быть ревизированы Палатой уголовного суда. Заседания Губернского магистрата проводились трижды в год, и юрисдикция была ограничена территорией губернии, где он был учрежден. С присутственными местами были определены специфические формы его взаимодействия: указы получались от высших органов губернского правления и им в ответ направлял донесения, рапорты, иные документы, указы же направлялись в подчиненные ему места [3, с. 92].

Довольно большое внимание уделялось регулированию и дифференциации юрисдикции судов, что обеспечивало реализацию отраслевого и территориального принципов судопроизводства. Подобное сочетание принципов обеспечивало более-менее справедливые решения судов, а также возможность доказать невиновность для людей низших сословий. Конечно, практически никто из крестьян, бедняков не мог обеспечить участие адвоката в подобных делах, однако максимально детальное рассмотрение дела способствовало пониманию судьями происходящего и выяснению всех деталей.

В указанный период власть, которую олицетворяла Екатерина II, предприняла попытку преобразования судебной системы и создала судопроизводство, которое функционировало достаточно длительное время, а сформулированный в тот момент принцип разделения судов на уголовную и гражданскую коллегии (палаты) реализуется до сих пор. Однако, окончательно административная и судебная власти разделены не были, а по особо важным политическим делам данная система вообще не работала, т.к. создавались специальные органы временного характера для конкретных разбирательств (к примеру дело Е. Пугачева, либо позже-декабристов) [3].

Однако, как можно предположить, довольно стройная структура судебной системы, предусмотренная «Учреждениями управлений», в реальности воплощалась с огромным трудом [7; 8 и др.], и на обширнейших просторах Российской империи нормы «Учреждений для управления», касающиеся деятельности судов, очень часто, если не сказать, повсеместно, нарушались не без участия местных начальствующих чиновников. Так, высокоавторитетный российский правовед Российской империи А. Ф. Кони характеризовал законодательную основу российского дореформенного суда первой половины XIX в. как «бессвязное собрание самых разнородных и разновременных постановлений, механически слившихся воедино статьи уложения царя Алексея Михайловича, указы Петра ... Этот суд существовал для немногих и за немногое. Лишь крайние нарушения условий общежития, в которых предписания закона сливались с велением заповедей, да и то не всех, влекли за собой общий для всех суд. Все остальное для целой массы населения разбиралось специальными сословными и ведомственными судами, границы подсудности которых далеко не всегда были ясны, В особенности широкое применение имел суд чинов полиции и помещиков, при котором понятие о судебном разбирательстве неизбежно переходило в понятие о расправе» [9, с. 321].

В отношении судов дореформенного периода России современники высказывали множество критических замечаний, комментариев в литературе, философских и юридических суждениях. Это возможно проследить в произведениях Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина, благодаря которым сформировалось выражение «шемякин суд», отражающее несуразность, коррупционность суда, человеческую беспардонность и глупость. Подобный образ как нельзя лучше отражал результат «застойного развития» российской системы судов.

Безусловно, необходимо отметить и некоторые положительные моменты, т.к. динамика все же наблюдалась, хоть и непросто, но развитие осуществлялось. Говоря о подобных моментах, важно затронуть факт выборности, который позволял включать в суды не только дворян, но и поселян определенного селения, уезда. Возможность вынесения непредвзятого решения повышалась и шанс на справедливый приговор у обвиняемого также увеличивался вне зависимости от сословия. Основой для судопроизводства в данном случае становились состав преступления, его тяжесть, общественная опасность и личность подсудимого. Однако, принцип выборности не был реализован полностью, т.к. Сенат, к примеру, оставался органом, назначаемым правительством и выборность была к нему неприменима [3, с. 103].

Дворяне, которые были защищены судом, имели все права и привилегии, были достаточно пассивны и не желали иметь отношения к осуществлению правосудия. Отсутствие мотивации, нежелание тратить время на судебные разбирательства обуславливали частое уклонение от участия в судебных делах, вследствие чего судебные заседания откладывались, осужденные проводили срок за решеткой, даже будучи не при-

знанными виновными либо заседание проводилось без необходимых специалистов и судебные дела решались судьями низших сословий, которые к судебным должностям имели опосредованное отношение [10, с. 209]. Необходимо подчеркнуть, что в подобных случаях, ведущая роль принадлежала секретарям судебных заседаний, которые растолковывали тексты, принимали участие в разбирательстве и все это делалось не в контексте справедливости, а в плане извлечения выгоды, либо предвзятого отношения к подсудимому, основанного на сословном признаке.

Все остальные дело заслушивали подписывали и участь подсудимого, которого зачастую даже и не видели, решалась без реального обсуждения [9, с. 322].

Также не был усовершенствован институт обжалования судебных решений. По мнению А. Ф. Кони, приговоры, которые уже состоялись, и значительная часть из которых должна быть утверждена начальником губернии, рассматривались в двойном порядке: апелляции подлежали дела небольшой важности и подсудные общим судам, ревизия была необходима для дел, где в качестве наказания или предмета следствия была потеря имущественных прав, привилегий, а рассмотрение апелляций было затянуто, зачастую, даже на годы.

В установленном для ревизии порядке, к примеру арестант по уголовному делу именно в том плане в котором он получил наказание, мог подать жалобу только после исполнения приговора. К примеру, назначение каторжных работ и постановка клейма как отметки о совершении преступления могли быть обжалованы лишь по прибытию осужденного на место ссылки и исполнения приговора. Однако, поставленное клеймо вытравить было невозможно, вопрос о возвращении с каторги до истечения срока тоже практически никогда не решался и это минимизировало шансы на восстановление справедливости, сводя их практически к нулю [9, с. 324]. Таким образом, возможно говорить о значительном противоречии, которое не обеспечивало право на восстановление справедливости, помилование, реабилитацию осужденных, что не способствовало повышению авторитета суда, доверия граждан к судебной системе. Также достаточно непросто было включить в судебный процесс адвокатов, которые были реальными специалистами в правовой сфере. Бесплатные стряпчие в отношении крестьян, мастеровых, рабочих не были профессионалами, зачастую не были юридически грамотными и конечно же, не могли обеспечить полноценную защиту подсудимых.

Множество исследователей также говорят о значительной коррупции, мздоимстве и несправедливости на всех уровнях работы судебной системы: начиная от судебного делопроизводителя и секретарей и заканчивая чиновниками высшего ранга в Министерстве юстиции, в особенности акцент делался на взяточничество в канцеляриях судов. Система была неудобной, громоздкой, неэффективной и недемократичной, что актуализировало необходимость ее пересмотра и реформирования.

То, что в течение долгих лет считалось злом неизбежным, стало чувствоваться как зло невыносимое. Явилась потребность к созданию нового порядка вещей, соответствующего требованиям настоящего правосудия. Данную потребность необходимо было удовлетворить, т.к. уровень образования населения возрос, информация становилась все более доступной и возрастали требования к соблюдению морально-этических норм, отправлению правосудия, отрицание судебной системы, которая «себя изжила». Впервые в указанный период возможно говорить о предъявлении специальных профессиональных требований к кандидатам на должности судей, к образовательному уровню и знанию судопроизводства.

Как отмечают исследователи [9, с. 326], правды в судопроизводстве не было много и в большинстве случаев преобладала хитрость, выгода, с которой устанавливалась вина осужденных, и поддержка этого представителями власти.

Выводы

Изменения в судебной системе дореформенной России, о которых идет речь в настоящем исследовании, явились предпосылкой для серьезных преобразований и важнейшей судебной реформы 1864 года. Последующая трансформация системы судов обеспечила реализацию принципа независимости суда, внесословного характера деятельности и обеспечения возможностей людей из различных категорий получения справедливых решений в отношении подаваемых дел. Требования к личности и квалификации судьи обусловили дальнейшую специальную подготовку, работу в сфере юридического просвещения граждан, необходимость иных преобразований в отношении обучения людей, представляющих судебную власть.

Также позже был введен институт адвокатуры, судопроизводство стало гласным и т.д. Но эта судебная реформа 1864 г. с безусловно позитивным содержанием была всё же запоздалой, если иметь в виду в целом развитие государственности Российской империи, и последующее события привели к радикальным потрясениям российского общества в начале XX в.

Необходимость изменения не только структуры, но и функционала судебной системы обусловила те изменения, которые происходили в российском обществе в исследуемый период, явили собой начальный этап значительных реформ, последовавших далее. При этом указанные изменения осуществлялись в контексте противоречий, тех проблем, которые сопровождали внутреннее политическое развитие государства и конечно, требовалось немало ресурсов для их реализации. Однако, значимость изменений невозможно не заметить – дальнейшее функционирование судебной системы в том виде, в котором она предстала перед обществом после реформ 1860х гг. отразило переход к новой модели судебной власти и ее дальнейшим трансформациям с учетом исторического развития государства.

Список источников

1. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 07.11. 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XX. № 14392. 256 с.
2. Орлов В.Н., Эминов В.Е., Антонян Е.А., Борсученко С.А., Бриллиантов А.В., Гришко А.Я., Журавлев М.П., Кашуба Ю.А., Лядов Э.В., Малинин В.Б., Милуков С.Ф., Орлова Ю.Р., Селиверстов В.И., Скиба А.П., Смирнов С.Н., Старков О.В., Трунцевский Ю., Уваров И.А., Упоров И.В., Хуторская Н.Б. и др. Уголовно-исполнительное право России. общая и особенная части: учебник для бакалавров. Серия, 58 Бакалавр. Академический курс. (1-е изд.). Москва, 2012. 184 с.
3. Куемжиева Я.Н. Уголовное судопроизводство по преступлениям против государства в Российской империи первой половины XIX в.: дис. ... канд юрид. наук. Краснодар, 2005. 385 с.
4. Кузьмина О.В., Поцелуев Е.Л. Примирительное правосудие по законодательству России (вторая половина XV – начало XX веков) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 3 (4). С. 94 – 106.
5. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть России. История. Документы: в 6 т. Т. 3. М., 2003. 164 с.
6. Упоров И.В. Преступное имущественное насилие: понятие, уголовно-правовое регулирование и предупреждение. Москва, 2015. 180 с.
7. Паршина Н.В. Порядок формирования органов юстиции в Российской империи в первой половине XIX века (на примере окружных судов Черноморского казачьего войска) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 5. С. 72 – 79.
8. Седов М.А. Рязанское городское управление в 1800-1870 годах (к вопросу об эволюции екатерининских учреждений) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина 2018. № 2. С. 7 – 17.
9. Кони А.Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 4. М., 1966. 473 с.
10. Бочкарев В. Дореформенный суд // Судебная реформа / Под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915. 514 с.
11. Звягинцев А., Орлов Ю. Неизвестная фемида. М., 2003. 132 с.
12. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пг., 1916. 204 с.

References

1. Institutions for the governance of the provinces of the All-Russian Empire from November 7, 1775. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. Vol. XX. No. 14392. 256 p.
2. Orlov V.N., Eminov V.E., Antonyan E.A., Borsuchenko S.A., Brilliantov A.V., Grishko A.Ya., Zhuravlev M.P., Kashuba Yu.A., Lyadov E.V., Malinin V.B., Milyukov S.F., Orlova Yu.R., Seliverstov V.I., Skiba A.P., Smirnov S.N., Starkov O.V., Truntsevsky Yu., Uvarov I.A., Uporov I.V., Khutorskaya N.B. and others. Criminal-executive law of Russia. General and special parts: textbook for bachelor-laurels. Series, 58 Bachelor. Academic course. (1st ed.). Moscow, 2012. 184 p.
3. Kuemzhieva Ya.N. Criminal proceedings for crimes against the state in the Russian Empire of the first half of the 19th century: diss. ... Cand. Sciences (Law). Krasnodar, 2005. 385 p.
4. Kuzmina O.V., Potseluev E.L. Conciliatory justice under the legislation of Russia (second half of the 15th – early 20th centuries). Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2023. No. 3 (4). P. 94 – 106.
5. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu. Judicial power of Russia. History. Documents: in 6 volumes. Vol. 3. Moscow, 2003. 164 p.
6. Uporov I.V. Criminal Property Violence: Concept, Criminal-Law Regulation, and Prevention. Moscow, 2015. 180 p.

7. Parshina N.V. The Procedure for the Formation of Justice Bodies in the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (Based on the District Courts of the Black Sea Cossack Host). *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2025. No. 5. P. 72 – 79.

8. Sedov M.A. Ryazan City Government in the 1800s–1870s (On the Evolution of Catherine the Great's Institutions). *Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin*, 2018. No. 2. P. 7 – 17.

9. Koni A.F. *Collected Works in 8 Volumes*. Vol. 4. Moscow, 1966. 473 p.

10. Bochkarev V. *Pre-Reform Court. Judicial Reform*. Ed. by N.V. Davydov and N.N. Polyansky. Moscow, 1915. 514 p.

11. Zvyagintsev A., Orlov Yu. *Unknown Themis*. Moscow, 2003. 132 p.

12. Rozin N.N. *Criminal Procedure*. Petrograd, 1916. 204 p.

Информация об авторе

Упоров И.В., доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, независимый исследователь

© Упоров И.В., 2026
